

Неистребимый

Сергей Зайцев

Неистребимый

«Автор»

Зайцев С.

Неистребимый / С. Зайцев — «Автор», — (Неистребимый)

В бесконечных космических безднах среди множества миров и светил затерялся таинственный мир Хабуса. Загадочная Сфера окружает планету, поглощая солнечный свет. Каждый житель Хабуса с детства знает притчу о Волшебном Звере, спящем тысячелетним сном, и о Неистребимом Герое, которому суждено разбудить спящего и вернуть миру свет, исполнив тем самым древнее Пророчество... Великие маги и пророки Хабуса стерегут появление Неистребимого, чтобы помочь ему силой всех подвластных им чар. Но есть на планете Властители Тьмы, у которых иная цель... Однажды на эту планету Вечной Тьмы ступила нога чужака. Элиот Никсард, космический бродяга, романтик неземных пространств, и не подозревает, какой смертоносный вихрь страстей пронесется над сонным планетарным захолустьем с его появлением.

© Зайцев С.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1. Элиот Никсард	5
2. Пицца для размышлений	12
3. Вратник	17
4. Проблема чужаков	20
5. Дал-рокты	23
6. Явление засферника	25
7. Колдэн	31
8. Размышления о чужаках	34
9. Ночная дорога	38
10. Башня Сбора	41
11. Легенда	46
12. Сиглайзер	49
13. Застава	55
14. Тревожное ожидание	58
15. Каменный мешок	63
16. Бой	70
17. Граница	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Зайцев Неистребимый

Часть первая Непрошенная легенда

1. Элиот Никсард

Выглядел этот мир просто паршиво.

Небо, солнце, земля – все никуда не годилось.

Судите сами, не небо, а свинцовая толща, сплошь загроможденная черными этажами рваных, клубящихся туч, лениво плывущих в неизведанную даль. А что за солнце! Какая-то бледная клякса, изредка проглядывающая сквозь случайные разрывы туч в тщетной попытке осветить простирающуюся под ней землю... Нет, не землю. С землей было хуже всего. Не землю, а скорее раскаленную сковородку, оставленную каким-то забывчивым богом на палящей во всю адскую мощь гигантской конфорке, оставленную так давно, что содержимое ее превратилось в совершенно нераспознаваемую спекшуюся массу – шлак и пепел...

Да, это всего лишь метафора, но она довольно точно отражает суть происходящего: куда бы ни упал взгляд, везде простиралась раскаленная равнина, вид которой сразу наводил на мысль о непрерывной вулканической деятельности – темные пятна менее нагретых участков словно причудливый камуфляж беспорядочно перемежались с раскаленными докрасна. Сквозь змеящиеся трещины, густой сетью покрывающие всю видимую поверхность земли, неустанно прорывались языки желто-красного пламени. Чаще всего они просто гасли, уступая место таким же быстро гаснущим собратьям, но иногда закручивались яркими смерчками и, прежде чем погаснуть, успевали преодолеть не один десяток метров. Все это было бы похоже на первозданный мир, еще не остывший после Сотворения, если бы не аномальное пятно, расположенное в гипотетическом центре этого раскаленного ада и представляющее собой десятиметровый круг плотного глянцевого льда, источающий холод не менее губительный, чем жар за его границей...

* * *

Я неподвижно сидел на корточках, и ассоциации, вызванные размышлениями по поводу устройства этого бредового мира, были у меня такими же мрачными, как и сами мысли. Хаотичная и одновременно странно слаженная работа огненных язычков, пляшущих по гигантской жаровне перед моими глазами, напоминала движение пальцев неведомого чудища, ощупывающего сквозь трещины поверхность своей подземной темницы в попытке вырваться на волю... А ледяное пятно казалось его громадным глазом, с холодной яростью пялившимся на недоступный для него мир. Не слишком приятное впечатление. Ведь сидел я как раз на этом «глазе».

Недоуменно покачав головой, я снова активизировал ментальную сканирующую сеть и незримо потянулся к поверхности грунта за кругом льда. Гамма различных подошущений, оставленных на потом, оживленно и нетерпеливо вилась сверху, напоминая массу оборванных, перебираемых легким ветром невидимых паутинок. Появившись здесь после телепортации и

следуя инстинкту самосохранения, я *ощунал* только ледяное пятно. Сейчас решил пойти дальше.

Осторожное касание...

...Перепад температур был столь резок, что сеанс мазохизма прекратился сам собой. Псевдоподии скан-сети судорожно отдернулись от поверхности земли и втянулись обратно в энергетический кокон ауры. На мгновение мне даже почудилось, что запахло паленым, хотя этого, конечно, быть не могло – гореть было нечему. Чисто субъективное ощущение – приятным его никак не назовешь.

Да, ощущение-то было субъективным, а вот жар за границей ледяного круга – вполне реальным, как и смертоносный холод под ногами. Честно говоря, если бы не уникальные способности, присущие мне исключительно как лешуку, то холод превратил бы меня в ледяную статую в считанные минуты после появления в этом мире...

От этой мысли я невольно поежился. Каким бы неуязвимым я ни казался окружающим, простые человеческие эмоции мне были не чужды. Страх, например. Жизнь в любой момент может подложить такую свинью, что никаких способностей не хватит на то, чтобы остаться в живых.

На этот раз способностей хватило, причем с изрядным запасом.

Прежде чем я сумел разобраться в ситуации в момент переноса, защита организма сработала сама по себе, и энергетика мгновенно подскочила на порядок выше, как бы укутав все тело в невидимый скафандр. Невидимый, естественно, для простого смертного, не продвинутого *ментально*. Сам-то я серебристое свечение своего биополя видел отлично. Нельзя сказать, что ощущение дискомфорта полностью пропало – ведь холод никуда не делся и продолжал неутомимо грызть защиту мелкими острыми зубками, но большую часть «морозильника» защита погасила, предоставив мне возможность подумать над тем, куда я, собственно, попал.

На первый взгляд... да и на все последующие взгляды тоже этот мир явно не предназначался в качестве среды обитания для живых существ. Но раз меня все-таки перебросило сюда, выходит, эти самые живые существа должны здесь обитать. Псевдоразум хкаси-телепорта не может ошибаться, он выполняет пожелания клиента исключительно точно. По крайней мере, до сих пор было именно так. Так в чем же тут загвоздка?

Когда зрение и остальные сверхчувства обманывают одновременно или неадекватно воспринимают и отражают мир, то остается еще собственный интеллект. А он подсказывал, что преподнесенная мне в визуальных образах и субъективных сенсорных и тактильных ощущениях картина мира никак не может быть истинной...

Я с прищуром вглядывался в жаркое марево за пределами ледяного круга. Для того, кто хоть раз развлекался в игровых паравиртуальных реальностях Компании ИКС, аналогии напрашивались сами собой. Тем не менее я *ощушал*, что передо мной что-то иное. Конструкторами фантореальностей здесь, скорее всего, и не пахло. Совершенно иная картина энергетики пространства. Больше иллюзии, чем действительных физических изменений... Хотя последних немало и сработаны они настолько тщательно и добросовестно, что желания прогуляться по пышущей жаром поверхности упорно не возникало, ведь пока было неясно, где кончаются границы *действительных* изменений. Как бы и в самом деле не поджариться в ходе такой прогулки...

И все же передо мной была фальшивка.

Тщательно сработанная, смертельно опасная фальшивка.

Я не решился запустить сиглайзер и прослушать парочку любимых глобул под настроение, просто чтобы убить время. Музыка глобул здорово отвлекала от реальности, а мне в любое мгновение могло понадобиться все мое внимание. Так что с этим придется подождать.

Вместо этого я еще раз прислушался к внутренним ощущениям, оценивая состояние организма. Пока вполне терпимо. Тот, кто создал эту необычную ловушку (других версий пока

не было), вряд ли оставил бы свое «детище» без охранной сигнализации. «Паучок» рано или поздно обязательно появится, чтобы проверить «паутину». Но если бы дело было только в терпении. Терпения мне не занимать. А вот защита... Защита тратила энергию с бешеной скоростью, энергоментальные центры едва поспевали качать ее из окружающего пространства взамен израсходованной. Еще полчаса, от силы – час такого ожидания, и придется придумывать другой способ докопаться до истины. А лучше – прямо сейчас, бездействие в критических ситуациях никогда не значилось в числе моих любимых занятий.

Я снова внимательно оглядел пространство вокруг себя. Ни единой живой души, никакого намека на живую природу – красно-черная от жара земля и огонь, прорывающийся из трещин. И холод под ногами. Ледяные потоки воздуха, непрерывно текущие снизу. Причем холод не ослабевал, а «горел» ровно, и раскаленная земля вокруг обледеневшего участка вроде как и не собиралась отвоевывать свои владения. Право, неплохо сработано. Найти бы еще искусника и повыдергивать ему что-нибудь лишнее...

Ботинки и одежда из экровелена с адаптант-компонентом и автоматически подключившимися термоэлементами служили дополнительной защитой от тянущего снизу холода, голову согревал капюшон. А вот ничем не прикрытые руки уже начали предательски зябнуть. Не переставая размышлять над проблемой, я мысленным импульсом немного ускорил метаболизм организма, заставляя тело согреться...

Вот тогда-то это и случилось.

Разрез в пространстве возник прямо напротив, шагах в тридцати, словно вертикально разошлась ткань холста художника, выдумавшего этот ад из выжженной до горизонта земли. А затем, через образовавшуюся дыру, сквозь которую я разглядел зелень (теперь понятно, о чем шла речь раньше?), проник всадник, по виду – воин с жутковатой внешностью, скачущий на звере жутковатого облика. За свою жизнь я повидал немало отвратных рож, принадлежащих представителям иных, нечеловеческих рас, но эта была достойным образчиком для галереи уродов.

Я уже был на ногах. Тревога плеснулась в вены бодрящим напитком, и тело мгновенно перешло в состояние боевой готовности.

Воин был высок и массивен. Мощный торс, широченные плечи. Тело его от шеи до бедер было заковано в черные, не отражающие свет латы, с левого бедра свисал массивный прямой меч в серых ножнах, прикрепленных короткой цепочкой из металлических колец к латам на уровне пояса. За плечами под порывами слабого ветерка полоскался длинный черный плащ, отороченный по краям серебром. Хищный клыкастый зверь на высоком шлеме воина распахнул пасть в приступе необузданной ярости... А само лицо воина, грубое звериное лицо, словно было скопировано со шлема. Темно-серая кожа, мощные, каменно-застывшие, сильно выдающиеся вперед челюсти, узкие горящие глаза-щели без зрачков, невероятно длинный разрез которых загибался к виску наподобие крыльев парящей птицы. Зверь под всадником только отдаленно смахивал на коня... Я видел коней по Визосети в каком-то фантастическом сериале у себя дома, на Нове-2; кажется, они обитают на Марсане, в мире сонного пастушьего захолустья где-то на периферии Федерации. Этот же весь был покрыт черной чешуйчатой кожей, а крутолобая голова с массивными костяными надбровьями и внушительной пастью, усаженной мощными белыми клыками, явно была позаимствована у дракона. Лишь две пары длинных широко расставленных ног, легко вспарывающих массивными копытами-трезубцами и раскаленную землю, и лед, когда зверь переступил границу соседствующих стихий (без всякого видимого для себя вреда), могли принадлежать и коню. Дракона я, кстати, видел в том же сериале, и там оба животных были непримиримыми врагами, так как один из них был хорошей закуской для другого. А здесь получалась этакая причудливая помесь – драконоконь. Широко-членную грудь зверя защищал тусклый металлический щит, подвешенный на цепях через холку,

морду оплетала сетка из замысловато завитых металлических прутьев для защиты от ударов сбоку и сверху.

Опасность... я всегда ее чувствовал еще до того, как она успевала нанести удар, с тех самых пор, как с помощью *чужого* по имени Нкот соприкоснулся с искусством Лешу. Мощный ментальный фон угрозы и враждебности окутывал всадника мутным шевелящимся облаком, заставляя принимать ответные меры. Скорость восприятия резко подскочила, сознание словно заскользило по наклонной ледяной плоскости, как бы отщелкивая все необходимые подробности сканируемой реальности.

Всадник неторопливо приближался, копыта-трезубцы выбивали глухую дробь, разбрасывая вокруг себя мелкое ледяное крошево, латы всадника и драконоконя глухо позвякивали в такт движению. Седок по предварительным оценкам был больше двух метров ростом, и зверь под ним был ему под стать – не меньше трех метров от земли до чешуйчатой макушки.

Солидный противник.

Именно противник, потому как, похоже, он и был хозяином этой ловушки, а такие вещи не сотворяют от нечего делать или с благими намерениями.

В трех метрах от меня драконоконь остановился, шумно выпустил белое пламя из ноздрей и, слегка повернув морду вбок, кровожадно скосил на меня черный антрацитовый глаз размером с блюдце. Даже на таком расстоянии его седок показался мне опасно близким – пришлось поднять взгляд, чтобы не упустить из виду хищное полувзвериное лицо этой устрашающей машины.

Пока я мысленно обсасывал первую фразу предстоящего разговора, воин заговорил первым, и низкий мощный голос почти зримо всколыхнул воздух, странной вибрирующей дрожью проникая в мышцы...

– Раб, прибывший из-за Сферы для служения Владыки Колдэна, повинуйся мне, его слуге, Хранителю Силы Рода, ловчему магу Драхубу! На колени!

«Этот тип пытается воздействовать на меня ментально», – с некоторым удивлением понял я. Причем слышал я резкие, отрывистые слоги незнакомого языка, который почему-то понимал, хотя сиглайзер, автоматически переключившийся в режим лингвистического анализатора – эмлота, не распознал еще ни одного слова: слишком скудной была информация. Очень странно. Но с этим разберемся позже... Погоди, я ведь не ослышался? Ловчему магу? *Магу*, Зло его подери! Вот теперь я окончательно уверился в своих предположениях относительно мира, в который так опрометчиво сам себя загнал. Ловчий маг – это, видимо, маг, в обязанности которого входит отлавливание чужаков вроде меня. А ловушка, естественно, магическая. А мир, конечно же, живет по этим самым магическим законам, будь они неладны. Вот так занесло...

Стоп.

Кажется, этот тип толковал о рабстве?

Большая ошибка с его стороны. Очень большая.

Не дождавшись от меня никакой реакции, маг по имени Драхуб снова угрожающе зарычал:

– На колени, раб! Поторопись выполнить мою волю, ибо неповиновение будет наказано...

Теперь с каждым словом из черного провала рта вырывался язычок голубого пламени, завиваясь в кольца вокруг ослепительно белых клыков, густо усеивающих обе челюсти. Я поморщился, как от оскомины. С пламенем этот любитель эффектов явно переборщил. Самоуверенный тип. Даже странно, что до него до сих пор не дошло, что магическая ловушка на меня, чужака, не особенно-то и подействовала. А сей факт, соответственно, предполагает наличие у этого чужака определенных способностей и силы. Или он считает себя настолько крутым, что ему абсолютно все равно: есть у чужака сила или нет?

Я недобро прищурился. Ясно было, что никакие объяснения приняты не будут, раз я уже низведен в раба: ведь рабы права голоса не имеют. Впрочем, я и не собирался пускаться в объяснения со столь неприветливым инорасовиком. Мне нужен источник информации, и подходящий источник был как раз передо мной.

– Неповиновение будет наказано! – вновь злобно пророкотал всадник и широко взмахнул руками в стороны, принимая позу, характерную для сотворения заклинания. Я частенько видел подобные жесты в фэнтезийных визо-постановках: там этих типов – магов, колдунов, чародеев, волшебников – хлебом не корми, только дай руками помахать; пара-другая заклинаний – и все проблемы решены.

В тот же миг я понял, что не так все просто. Я отчетливо ощутил, как потенциальная опасность в долю секунды переросла в смертельную угрозу, и не стал ждать, когда маг сделает меня своей решенной проблемой. Кто знает, как заклинание подействует на меня, чужака в этом мире, не рожденного среди *его* магии...

Тело привычно ухнуло глубоко в Лешу, в несколько раз ускорив все жизненные процессы, и мир вокруг стремительно замедлил бег.

Руки всадника продолжали подниматься, но теперь, с новой скоростью восприятия, так медленно, словно к запястьям мага вдруг подвесили по тяжелой гире, а шевеление губ, произносивших какие-то слова, стало почти незаметным. Изменилась и характеристика окружающего пространства – воздух как бы загустел, и высокие тона звуковых волн стерлись на фоне низкого угрожающего гудения. Уровень восприятия обычно ускоряется в соответствии с ускорением уровня угрозы для жизни – похоже, на этот раз опасность была не так уж и велика, если реальность все еще *двигалась*.

Недолго думая, я прыгнул прямо с места – три метра не расстояние и без Лешу. Удар открытой ладонью пришелся точно в центр затянутой стальным панцирем груди мага. Затем, едва коснувшись носками ботинок скованной холодом земли, совершенно уверенный в результате своего выпада, я таким же длинным прыжком отскочил на прежнее расстояние. Для обычного наблюдателя со стороны, не владеющего Лешу, удар мог так и остаться незамеченным, в крайнем случае маг мог разглядеть лишь размытую тень, мелькнувшую туда и обратно.

Но не ощутить такой удар было невозможно.

Наблюдая за результатом своего выпада, словно глядя на экран при страшно замедленной покадровой развертке, я видел, как стальной панцирь на груди мага дрогнул и стал сминаться внутрь по форме человеческой пятерни, будто был слеплен из воска. Он сминался глубже и глубже, пока деформируемый невидимой силой металл не коснулся тела – и оно содрогнулось, прогнулось назад. Выбросив вперед руки и склонив голову, словно от удара многотонного тарана, каким проламывают ворота средневековых крепостей, воин-маг медленно стал вылетать из седла. По меркам Лешу, полет его мог продолжаться довольно долго, поэтому я вернулся в поток скорости обычного сознания. Полюбоваться делом своих рук можно было и так, без неоправданных трат жизненных сил, сгоравших в быстро-времяне, как топливо корабля на предельном форсаже.

Мир тут же сорвался с места, загрохотал и завопил на высоких тонах, атакуя органы восприятия, затем сознание очистилось... Все было привычно.

Пролетев несколько метров, маг тяжелой бесформенной грудой рухнул на лед, глухо лязгнув латами.

Я нахмурился.

Маг больше не шевелился, излучения жизненных эманации быстро гасли. После контрольного сканирования выяснилось, что ловчий маг Драхуб, слуга Владыки Колдэна и Хранитель Силы Рода, при падении банально свернул себе шею. Я выругался вслух и от души. Скверно получилось. Не этого я добивался. Не нужна мне смерть этого существа! Так, слегка прочить...

Мысль оборвалась – жуткий, леденящий душу рев буквально взорвал воздух рядом, и что-то мощное и стремительное бросилось на меня. Еще не осознав, что случилось, я снова оказался в Лешу...

Драконоконь!

Огромное тело взвилось на дыбы, тяжелый стальной щит на груди взметнулся, словно лист бумаги, подброшенный движением мощных грудных мышц, копыта с костяными серповидными резаками полоснули воздух перед лицом, замахнувшись для смертельного удара. В одно неуловимое мгновение я ощутил силу и мощь этого адского создания, его бешеную ярость, кровавым отблеском полыхнувшую в антрацитовых глазах, жажду крови и мести за хозяина. Хриплый вибрирующий выдох прочертил воздух пламенной струей, скользнувшей по правому плечу и непременно бы опалившей, если бы я не уклонился, мгновенно сместив корпус вправо.

Скорость чудовища оказалась просто невероятной, и уровень Лешу моментально взвинтился на целый порядок. Тварь была так смертельно быстра, что страшные копыта в одно мгновение не только расчленили бы меня на несколько окровавленных кусков, но и пронзили сталь, попадись она в этот миг на их пути.

Мощь... Конечно, я значительно превосходил драконоконя по скорости, и резерв был еще далеко не исчерпан, но мощь тела зверя, его стремительные движения наводили ужас и... и вызывали восхищение. Да, именно восхищение.

Промахнувшись, копыта со всей силы опустились на лед.

Серебристый фонтан сверкающего холода.

Драконоконь тут же развернулся в очередном прыжке.

Ответ был уже готов: связующая мыслеформула сконцентрировалась в руке.

Метнувшись прямо под зверя, я нанес жесткий удар открытой ладонью в надвигающуюся сверху широченную грудную клетку, под приподнявшийся стальной щит. Ладонь словно врубилась в бетон, и отдача едва не вырвала мне плечо, а махина из мяса и костей продолжала надвигаться, даже не заметив моих усилий по ее укрощению. В Лешу практически нет мыслей – точнее, там они качественно иные и сразу, едва возникнув, выплывают в действие, – ибо мощный интеллект подсознания за едва уловимое мгновение просчитывает солидную кучу возможных комбинаций и выбирает наиболее подходящую. Поэтому некогда особенно сокрушаться, если, например, расчет веса этой туши почему-то оказался небрежно занижен этим самым злостью интеллект. Не получилось сразу – попробуй применить второй, третий... десятый вариант, пока не добьешься успеха или не погибнешь сам. В данном случае погибать было просто смешно. Погибать я и не думал – задача была не слишком сложна. Убивать зверя... Это великолепное адское создание? Об этом не могло быть и речи. Куда интереснее и перспективнее – попытаться подчинить его себе, ведь способы для этого имелись, способы, которые я никогда не применял на людях, по крайней мере, последние несколько лет.

Дальше все напоминало отдельно вырезанные кадры из визофильма.

«Энергия со всего тела споро течет в правую руку, формируя ее в молот...»

Земля снова вздрагивает от удара копыт, осколки льда медленно отделяются от нее и устремляются вверх...

Очередной пламенный выдох зверя – и язычок пламени перед мордой начинает формироваться в струю...

Нырок влево...

Два быстрых шага прямо под брюхо, натянутое корсетом бронированной чешуи и стальных мышц...

Короткий отвод руки к груди для удара – энергия пылает на кончиках пальцев...

Рука пошла вперед...

Движение копыта задней ноги зверя навстречу...

(Слишком медленно. Но как он мог угадать?!)

Пальцы впиваются в чешуйчатую кожу брюха, в связки и мышцы, из-за взвинченной скорости удара податливые, словно масло... уклонение... копыто острым срезом скользит поверх плеча, словно меч разъяренного воина...

...И только сейчас пламя выдоха достигает льда и плавит его там, где меня давно уже нет. Давно – по меркам Лешу.)

Три скользящих шага в сторону...

Дело сделано».

Ментограмма, которую я ввел в прикосновение пальцев, уже запущена и действует в драконоконе самостоятельно. Структурирующий поток энергии скользит по нервным волокнам твари, глубоко проникает внутрь, минуя внутренности, движется дальше, по гигантским мехам легких, достигает нервного сгустка, вычисленного как сердце, и охватывает его жестким коконом заданного алгоритма... Расчет оказался точен, и ощущение затухающей жизни зверя улавливается моей аурой как слабеющее тепло солнечного заката...

Драконоконь поражен. Оглушен и скован. Сон наваливается на него непреодолимой многотонной тяжестью.

Возврат из Лешу в обычный поток сознания.

Снова привычный хаос из звуков и образов, сопровождающий переход сознания на другой уровень восприятия, и спустя какой-то миг все приходит в норму...

Драконоконь пятился из последних сил, запаленно хрипел, приседал на задние ноги, словно пытаясь сбросить чуждые оковы магии Мобра, особого искусства структурирования мыслеобраза с Новы-2, но одолеть их был не в силах. Огромное тело неотвратимо влекло к земле... Пламя вилось множеством отдельных смерчков вокруг судорожно раздувающихся ноздрей. В темных, влажно отблескивающих глазах – невероятное потрясение... Затем земля вздрагивает – драконоконь обрушивается на нее подобно высокой каменной башне при землетрясении...

В этот момент толчок интуиции заставил меня оглянуться.

Как оказывается, своевременно. Разрез в пространстве, через который проник маг, медленно закрывался. Его края будто затягивались прозрачным вязким клеем, скрывая траву и деревья и возвращая на место картину адского пекла. Забавно, но в фэнтезийных визиопостановках заклятия обычно гасли после смерти сотворившего их мага.

Впрочем, я сейчас не дома перед визором.

На решение проблемы оставались считанные мгновения, и я метнулся вперед. Разрез затянулся уже наполовину, но тридцать шагов – ничтожная доля секунды для быстровременья, *сдвиг* в которое произошел сам собой, без малейших усилий – сил пока было еще немало. Одинаково дробящие лед и пекло удары каблуков, прыжок...

...И я выпадаю в другую реальность, под бледное солнце и свежий ветер.

2. Пища для размышлений

Быстро оглянувшись вокруг, я удовлетворенно хмыкнул.

Лед и пекло исчезли, словно лопнувший мыльный пузырь. С севера, примерно километрах в пяти, смутно прорисовывалась серо-зеленая стена неведомого леса, с востока обозначилась россыпь разновеликих холмов, протянувшаяся до тонущих в туманной дымке далеких горных круч. Судя по белизне, укутывающей вершины, высота их была немалой. Остальные стороны света покрывала ровная как стол равнина, сплошь укрытая одеялом из зелено-вато-серой, слегка пожухлой травки. Небо осталось почти прежним – тусклая клякса солнца плавала в зените, словно в мутном киселе, тучи из черных полиняли в темно-серые. Остро пахло грозой. Время года по ощущениям – поздняя осень, время суток – ближе к вечеру.

«Раб, прибывший из-за Сферы»... Какая-то загадочная сфера окружала планету, поглощая едва ли не две трети света. Первые же ассоциации навели на аналогию с планетарной силовой сферой Ат-Ссунди, используемой в особо развитых мирах для защиты густонаселенных планет от атак из космоса, но как-то с трудом верилось, что я попал в столь технологически развитый мир. Скорее уж – какая-то местная аномалия, проделки матушки-природы и тетушки-мироздания.

Сканирование не выявило никаких живых созданий в пределах нескольких километров. Я позволил себе расслабиться и осторожно вернулся к месту своего появления в этом мире. Ледяное поле, источавшее смертоносный холод, заменил ровный каменистый круг, полностью совпадавший с ним размером, – чужеродная нашлепка среди живой природы, неизвестно как оказавшаяся посреди степи. Словно след огромного таинственного зверя, мимоходом превратившего почву в камень прикосновением громадной лапы. Холода больше не было, ощущалась лишь слабая пульсация энергетических волн.

Скорее всего, энергию для своей ловушки ловчий маг почерпнул прямо из самого круга. Сам он, вернее, его тело покоилось на краю каменистого пятна, а драконокон громоздился громадной тушей прямо в его центре, словно жертвоприношение на древнем алтаре некоего кровожадного божества. Этот, по крайней мере, был жив. И медленно приходил в себя. По телу зверюги пробегала крупная беспокойная дрожь, чешуйчатые клиновидные уши дергались, словно отгоняя надоедливых мух.

Я осторожно шагнул на пятно и замер, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Нет, ничего особенного. Та же слабая пульсация, что ощущалась и на расстоянии...

Я неторопливо подошел к телу мага, прикидывая, что из его вещей может понадобится мне. Моя одежда меня вполне устраивала. Прочнее и надежнее, чем экровеленовая ткань с адаптантом, трудно было что-либо придумать. Как только попадет подходящий объект для копирования внешнего облика, достаточно будет лишь мысленного толчка, чтобы изменить цвет и стиль одежды. Я неплохо подготовился к этому походу. Но поверженный маг подходящим объектом не оказался. Разве что в его сознании можно будет отыскать что-нибудь подходящее.

Что же до меча...

Присев на корточки, я немного повозился, чтобы разогнуть кольца, крепящие ножны прямо к боковой пластине черных лат между поясом и верхней частью бедра. Затем рассмотрел оружие поближе. Ножны были сработаны из дерева и обтянуты плотной грубой кожей, окрашенной в грязно-серый цвет. Металлические, толщиной с проволоку, оковки, отполированные до зеркального блеска, шли по всей длине ребер с равными промежутками, сообщая им прочность и служа украшением одновременно. Я потянул за черную, расширяющуюся к оголовью рукоять, материала которой не сумел определить ни на глаз, ни на ощупь, и настороженно замер, ощутив нечто странное. Что-то в этом мече было не так. Он эманиро-

вал, словно был не мертвой вещью, а... Но любое живое существо эманурует не так. Что-то среднее, похожее на растение? Отбросив излишнюю осторожность, я вытянул клинок наполовину и изумленно покачал головой, разглядывая обнаженный участок. Гладкая полупрозрачная поверхность клинка из неведомого материала даже от скупого дневного света сразу потекла причудливо переливающимися бликами. Какой-то кристалл? Я слабо усмехнулся. До моего собственного Вечного Клинка, оставленного на Нове-2, этому мечу, конечно, было далеко, но и он был непростым. Магия? Магический клинок? Сколько слышал о таких вещах и даже владел чем-то подобным, но все равно их существование казалось нереальным, неестественным, абсурдным. По крайней мере, Вечный Клинок был продуктом древней высокоразвитой технической цивилизации, а этот меч, вне всякого сомнения, был местного производства.

Я задвинул клинок в ножны, погасив призрачное сияние.

Пора было подумать о цели, ради которой я прибыл в этот Небом забытый мир, оказавшийся к тому же и магическим. Время шло, и остывающий мозг мертвого мага скоро мог оказаться бесполезен. Я коснулся пальцами сиглайзера, намертво сцепленного с правым виском молекулярной присоской. Первый мысленный импульс развернул перед глазами режимную таблицу, второй переключил сиглайзер в режим эмлота с жестко заданной поисковой программой, третий дезактивировал молекулярное сцепление. Я шагнул к телу мага, отогнул подвижный сегмент брони, прикрывающий скулу и шею, и прижал сиглайзер, вернее, уже эмлот, к серокожему черепу, под срез шлема.

Сам прибор выглядел как плоская старинная монета около двух сантиметров в диаметре, даже гравировка с обеих сторон была соответствующая, но таил в себе куда большие возможности, чем предмет денежного достоинства. Несмотря на то что банк данных сиглайзера «бета-44», музыкального мнемопроигрывателя, был под завязку забит глобулами – композициями, ориентированными на глубокое взаимодействие с подсознанием, основная роль его заключалась в ином: в одном корпусе с сиглайзером был размещен эмлот, мнемонализатор по работе с чужой памятью, вкуче с линганом, лингвистическим анализатором, переводчиком. Отличная маскировка для моего собственного мира – хитро, удобно, безопасно. Сиглайзеры попадались на каждом шагу, мнемоманов в мирах Федерации было пруд пруди, а эмлоты-линганы были предназначены отнюдь не для широкого пользования – технология изготовления подобных штучек находилась под строжайшим секретом, что делало их заветной мечтой любого шпиона. Сейчас мне был нужен именно эмлот, но хорошую музыку я тоже любил, так что совмещение приятного с полезным можно было счесть весьма удачным вариантом. Сиглайзер я получил от нанимателя в числе прочих универсальных вещей и не сомневался, что последнему пришлось выложить за модификацию прибора кругленькую сумму... Впрочем, как и за все остальное. Наниматель не скупился на затраты, его состоянию ущерб не могли принести и куда большие расходы. А я не стеснялся в своих требованиях – авантюра, на которую позволил себя уговорить, давала мне подобное право. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что в этом деле был у меня и свой интерес, иначе на это путешествие я бы не согласился.

Через минуту слепок памяти был получен. Вернув эмлот на свой висок, я снова развернул перед глазами диалоговое окно, прошелся по режимной таблице и дал команду на предварительную фильтрацию информации по предложенному набору ключевых мыслеобразов, не дожидаясь, пока это в более удобной форме сделает операционная система анализатора. Здесь, конечно, были свои сложности. Пока слепок не адаптирован, то есть не переведен в базу систематизированных данных, восприятие чужих воспоминаний затруднительно – оно происходит или слишком ярко, или слишком тускло, бессвязно, отрывочно. Зачастую востребованная картинка каких-либо событий сильно перегружена эмоционально, а испытывать на себе чужой стресс не слишком приятное занятие. Информация в чистом виде на этом уровне и вовсе не доступна. Необходимо около часа-двух, чтобы компилятор операционной системы эмлота

сделал из воспоминаний что-то вроде жесткого дефрагментированного конспекта, собрав из разобщенных слепков знаний отдельные файлы по каждой конкретной теме, отсеяв все второстепенное и незначительное. Впрочем, даже этот хлам не уничтожался, а архивировался с максимальным сжатием и сбрасывался в копилку, из которой мог быть затребован по необходимости. Но сейчас пришлось сделать исключение. Неизвестный мир, неизвестные правила – кто знает, что произойдет в следующую минуту? Предварительную информацию можно было получить сейчас, подробности – позже. И эмлоту пришлось поработать с двойной нагрузкой.

Я не ждал быстрых результатов от первого же информатора, понимая, как мало на это шансов, и не был разочарован, когда выяснилось, что данные об искомом объекте отсутствуют. Но польза все же была, и немалая, так как следующий запрос выявил подробную карту местности предстоящих поисков, то есть то, что почивший маг видел своими глазами. Кроме того, я получил информацию о близлежащем городе, о том, что населяют его именно люди, по крайней мере, подобные им существа, а не зверовидные типы вроде этого мага. Все это было выяснено довольно точно – я получил обобщенный облик горожан вместе с обычным для них стилем одежды. Сородичи мага, звавшиеся дал-роктами, именовали их хасками, сами же они звали себя хааскинами.

Что ж, уже теплее.

Повинуясь мысленным указаниям, адаптант-компонент видоизменил мою куртку, вытянув ее в плащ до колен. Детали подправить можно будет уже при встрече с кем-нибудь из хааскинов. Так, а теперь не мешало кое-что разведать...

Сосредоточившись, я отпустил вожжи своего восприятия на всю длину, чтобы более тщательно прошупать ближайший отрезок пути. Через некоторое время где-то среди холмов на востоке, но еще до гор, возникло ощущение присутствия множественных аур. Без всякого сомнения, это был город. Километрах в тридцати. Я немного напрягся, стараясь четче проявить картину. Численность населения, судя по интенсивности эманации, колебалась где-то в пределах десяти тысяч душ, что подтверждало информацию эмлота...

Пока что самым разумным было отправиться именно туда.

Приостановив работу эмлота, я покосился на драконоконя. Зверь, кажется, боролся с наведенным сном, во всяком случае, пытался – ноги с острыми копытами, серповидные сегменты которых были разведены в стороны на манер звездочки, слабо подергивались, ноздри раздувались, по кожистым щиткам век и клиновидным ушам пробегала крупная дрожь. Сильная тварь, ничего не скажешь. Но алгоритм подчинения должен был сделать свое дело.

Я из любопытства послал запрос-образ и почти сразу получил ответ: общее название – дракх, распространенный окрас – серый, повсеместно используется самыми разными народами, населяющими этот мир, как универсальное средство передвижения. Зверь исключительно всеяден, вынослив и неприхотлив, легко поддается дрессировке. Этот же черный гигант, что лежал передо мной, принадлежал к особой разновидности, выведенной дал-роктами путем селекции из обычных дракхов для своих нужд, и звался ими чарсом.

Мысленный импульс щелкнул поверженного чарса между глаз. Зверь шумно вздохнул, как пловец, вынырнувший из глубины из последних сил, открыл огромные антрацитово-черные глаза и в два приема вскочил на ноги – черная громадина невероятной силы. Землю под ногами ошутимо трянуло.

Я обволок его ауру своей, контролируя эмоциональные позывы. После пережитого потрясения зверюга еще частично пребывала в ступоре, но, несмотря на угрожающий облик, настроена была относительно мирно. Так что если ментальное чутье не подводило, алгоритм внушения сделал свое дело и чарс признал меня своим новым хозяином. В итоге мы оба от этого выиграли – зверь сохранил себе жизнь, а я получил вполне сносное средство передвижения, скажем, в качестве компенсации за неприветливый прием.

Шагнув ближе, я без опаски похлопал ладонью по бугристой чешуйчатой морде. Чарс тут же шумно всхрапнул в ответ – выказывал дружеское расположение. Никакого дымного пламени, никаких завывающих смерчков вокруг клыков. Ясное дело, с потерей прежнего хозяина магическая аура, которой тот укрощал своего зверя, дабы произвести большее впечатление на окружающих, потеряла силу и канула в небытие. Осталось просто горячее дыхание. Точнее, горячее и невероятно вонючее дыхание. Воняло именно так, как может вонять от плотоядного существа, не имевшего представления о чистке зубов.

Я поморщился, отворачивая лицо в сторону, и проворчал:

– Ладно, парень, надо тебя как-то обозвать для удобства... – Я невольно вспомнил клочущую ярость этой громадины, продемонстрированную при нападении. – Может, назвать тебя Злыднем?

Лучше б я этого не говорил.

Тварь мгновенно взвилась на дыбы, накрыв меня своей тенью, и завизжала так пронзительно, что уши заложило напрочь. Злобное возмущение рванулось из чарса как забродившее вино из прохудившегося бочонка – он явно задумал какую-то пакость. Но осуществить ее не успел, так как наказание последовало сразу же. Слив в правую руку часть энергии, я скатал ее в тугий потрескивающий шар – невидимый для нормального человеческого глаза, и закатил зверю в брюхо. Визг оборвался. Выпучив темные глаза, новонареченный Злыдень слегка присел на все четыре копыта и уставился на нового хозяина, как на привидение. Мысль о пакости была забыта, и вид его выражал лишь смирение.

– Вот так-то. Думаю, мы сойдемся характерами.

Чарс лишь ошеломленно дыхнул в ответ.

Снова поморщившись от вони, я занялся более подробным осмотром чарса и его снаряжения. На первый взгляд седло казалось достаточно удобным для человеческого седалища и просто изобиловало кожаными петлями, к которым удобно привязывать разные причиндалы. К одной из петель тут же был надежно прикручен чудо-меч. На себе эту штуковину я таскать не собирался, поясница не казенная, но трофей любопытный. Может быть, удастся переправить на Нову-2 для коллекции... Там видно будет. В притороченной к седлу большой кожаной сумке обнаружилось какое-то крупное коричневое зерно со слабым запахом серы, килограммов десять, на что эмлот отреагировал однозначно – пища. Отлично. В случае чего пополнить запасы можно будет в городе, причем с оплатой особых проблем не предвиделось – предусмотрительно захваченный именно для такого случая портативный дубликатор дожидался своего часа во внутреннем кармане куртки... вернее, уже плаща. Свои собственные вещи, упакованные в карманы и специальные отделения плаща, я мог пересчитать по пальцам, так как терпеть не могу брать в путешествия лишнее барахло и всегда ограничиваюсь только самым необходимым. Зато все – высшего качества.

Что ж, осталось лишь облегчить зверя. Без особого напряжения я пальцами разорвал металлическую цепь нагрудного шита, и тот глухо звякнул о поверхность каменного круга. За ним последовала сетка намордника.

Снова потрепав зверюгу по бронированной морде, я взлетел в седло. Утвердившись в нем и убедившись в его удобстве на практике, я подхватил поводья и обнаружил, что концы тонкого кожаного ремня крепятся прямо к проколотым ушам твари. Немного необычно, но и не из ряда вон – способов управления животными на разных планетах существовало тысячи. В данном случае уши чарса, по всей видимости, оказались достаточно прочными, чтобы выдерживать натяжение ремня без особого для себя ущерба, и достаточно чувствительными, чтобы повиноваться седоку. С высоты седла равнина видна была как на ладони, разбегаясь вдаль травянистыми просторами. Хорошенько пораздумав, не забыл ли чего, и не обнаружив больше неотложных дел, я бросил озабоченный взгляд на тело ловчего мага Драхуба. Судя по информации эмлота, сородичи этого инорасовика могут оказаться весьма мстительными типами, но

с проблемами надо разбираться по мере их поступления. Поэтому я выбросил эту мысль из головы, мысленно включил режим сиглайзера, просмотрел список предлагаемых глобул и запустил более или менее подходящую к настроению. Путешествовать, так с музыкой, раз имеется такая возможность...

Затем машинально уточнил время по показаниям овального табло банкосчетчика, черным браслетом обвивавшего мое левое запястье. Финансовый и личностный идентификатор в моем мире, здесь он мог служить только часами, так как способен был самостоятельно настраиваться на время любой планеты. И хотя время более-менее точно я мог определять и по внутренним ощущениям, старая привычка сверяться с ним оказалась неистребимой. Сейчас табло высвечивало начало седьмого вечера. Так я и думал. Можно было и не смотреть.

С затянутого грозовыми тучами неба упали первые крупные капли начинающегося дождя... И в унисон осеннему облику этого мира зазвучали первые аккорды мрачной и одновременно завораживающе красивой глобулы Харриса, глубина и мощь которой рождали ощущение присутствия Вселенной...

А затем чарс рванул вскачь по направлению к городу.

3. Вратник

Северен едва не свалился с топчана, когда тяжелый удар сотряс ворота до самого основания. Звук по силе был таков, словно к ним крепко приложились каменитовым тараном. Небесный свет, и что же это такое может быть? Или кто? Кого там принесло ночью в такой ливень? Разве что дал-роктов, этих Вестников Тьмы, Стережущего на них нет...

Караулка располагалась прямо над городскими воротами, на втором ярусе крепостной стены, и продувалась насквозь всеми ветрами через смотровую бойницу. Зябко ежась в легкой кожухе не только от стылого ветра, но и от предчувствия встречи с дал-роктами, Северен неуклюже соскочил с топчана, на котором задремал под монотонный шум ливня. Да и чего не подремать, если ночью только разная нечисть рыскает по дорогам, а нормальный, светопочитающий хаск сидит себе дома, в тепле и уюте или коротает время в придорожном трактире, ежели ночь или ненастье застало посреди дороги. Подхватив поставленный в угол взведенный арбалет, вратник осторожно высунул всклокоченную со сна голову в бойницу.

Свет от двух магических светильников-машаров, подвешенных под бойницей караулки как раз по верхнему краю ворот, с трудом пробивался сквозь сплошные потоки ливня и еле-еле освещал дорогу. Впрочем, вратнику этого освещения вполне хватило, чтобы разглядеть того, кто явился по его душу.

Перед воротами под проливным ливнем неподвижно стоял всадник.

Громадный, темный, застывший.

Словно кто-то притащил неведомо кем сотворенную чудовищную статую да и утвердил ее прямо перед Сияющим Городом. Голова всадника приходилась лишь на два шага ниже машаров, и огромные городские ворота по сравнению с ним казались обычными входными дверями в дом какого-нибудь простолюдина.

Северен перепугался до смерти, когда поначалу ему показалось, что это и в самом деле дал-рокт. Руки судорожно стиснули приклад арбалета, дыхание перехватило. Вот уж точно, помяни дал-рокта к ночи, он и появится... Но в следующий миг накатившее было напряжение отпустило, хотя и не до конца.

Конечно же, это был не дал-рокт.

Это был чужеземец, хальд.

Из земель, не помеченных Пророчеством Зверя, – из-за Предела.

Сам-то хальд при ближайшем рассмотрении оказался вполне обычного роста, в темной одежде, практически сливавшейся с окружающей его тьмой. Но вот дракх под ним был просто огромный, прямо не дракх, а самый настоящий чарс, таких Северен раньше видел лишь под дал-роктами – что и ввело в заблуждение. И как он с такой силой в ворота саданул? Может, заставил зверя копытом приложиться?

Догадка оказалась верной.

Словно отвечая его мыслям, чужеземец шевельнулся, и чарс поднял переднее копыто, явно намереваясь повторить сигнал побудки для заспавшихся караульчиков. Ворота испортит, хальд проклятый, а ему, вратнику, отвечать перед городским советом за испорченное имущество. Это мысль испугала Северена даже больше, чем испугало бы появление настоящего дал-рокта.

– Эй, чего ворота ломаешь? – заорал вратник, высунувшись в бойницу чуть ли не наполовину. Его голос со сна да от нервного озноба едва не сорвался на позорный писк. – Ты кто таков?

Чужеземец поднял голову. В отсвете машаров слабо блеснули темные глаза из-под капюшона, а его чарс без видимого понукания опустил копыто обратно на дорожную брусчатку, оставив ворота в покое.

– Путник. Путник, которому нужен кров и ночлег. Пусти, добрый человек, не заставляй мокнуть под дождем.

Несмотря на дробный шум ливня, тихие слова прозвучали вполне отчетливо. Как странно изъясняется, отметил про себя вратник. Точно из хальдов, издавека, слова все незнакомые. Только благодаря заклинанию Речи, сотворенному Волшебным Зверем еще на заре сотворения Сферы, пожалуй единственному его полезному делу, чужака и можно было понять. До Севрена вдруг дошло, что караульные в дозорных башнях, крепостная стража, или «камнюки», как их прозвал народ, коим и полагалось наблюдать по ночам за дорогами, до сих пор не проявили никаких признаков активности. Да что же они там, мрак их забодай, перепились все, что ли?

– Не положено, – нехотя буркнул Севрен, зябко ежась при мысли, каково чужаку под сплошным потоком воды. – Ворота закрыты до утра.

– Неужели ты думаешь, что сможешь заставить меня мокнуть здесь до утра? – Чужак как-то нехорошо улыбнулся, прищутив глаза. – Ворота сломаю. Я, может, и притомился, а вот мой зверь еще в силе. Лучше впусти.

Кажется, предостережение прозвучало всерьез, но Севрена это только разозлило. За каменными стенами караулки он чувствовал себя в полной безопасности и не намерен был дать себя запугать какому-то безродному чужаку.

– А ты мне не угрожай! Шляются тут всякие по ночам, да еще и грозятся! Не мое дело в столь позднее время ворота отпирать! Только светлейший может распорядиться на сей счет!

– Ну так сбегай и спроси своего светлейшего. Я под дождем стою, человеке. Надеюсь, ты заметил?

Так непочтительно сильнейшего мага Хааскана мог назвать только чужак, не знакомый с порядками Сияющего. Севрен открыл было рот, чтобы дать волю гневу, но в последний миг вспомнил, что перед ним ведь и в самом деле чужак. А какой с него спрос... Однако и впрямь надо доложить. Насчет чужаков у Наместника всегда особые планы...

– Эй, растяпа, – хрипло донеслось наконец из правой дозорной башни, – что за задницу там принесло?

Точно упились, нахмурился Севрен. Да так, что глаза продрать не в силах. Не дай Свет, явится старшой, под-воевода Нарсон Большерукий, так грозы не миновать. Упекут «камнюков» самое малое на месяц в яму на хлеб и воду. А заодно и ему достанется, что не доложил вовремя.

– Он что там, ворота сломать мыслит? – подхватил другой хмельной голос из левой башни. – Совсем, что ли... гык... оборзел?

Вот сволота, оба упились. Значит, за дорогой вовсе не смотрели, сошлись где-то в одной башне и квасили, потом разбрелись. Нет, старшому придется доложить. Его, Севрена, дело маленькое, но за охрану ворот он один отвечать не собирается...

– А вот мы щас его, – с угрозой донеслось из правой башни, – чтоб неповадно было...

Не успел Севрен подумать о том, что они затеяли, как сухо звякнула тетива, и стрела просвистела прямо над головой чужака-хальда и канула в темноту.

Хальд как стоял, так и остался стоять. Не шевельнулся. «От страха онемел, что ли, – удивился Севрен, испытывая даже некоторое облегчение, – а вдруг чужак Наместнику позарез нужен, а дозорные „камнюки“ пришибут ненароком». Ответ чужака показал, что он и не думал пугаться.

– Не шали, служивый, не люблю. Еще раз такое выкинешь – получишь свою стрелу в собственную глотку. А ворота сломаю. Даю десять минут.

Спокойный, холодный, властный голос чужака почему-то враз заставил Севрена поверить в серьезность его предупреждения. Сердце испуганно екнуло в груди. Маг, что ли, этот хальд? Простолюдин не может так говорить...

Похоже, «камнюки» тоже что-то почуяли. И малость протрезвели.

– Эй, вратник, Гораз говорит. Дуй к сотнице «неистребимых». Пусть передаст светлейшему, что у нас гость.

– А как же...

– Не сопрут твои ворота. Дуй, говорю. Сочтемся.

Ну еще бы. Если он к Наместнику явится «заквашенный», то вылетит со службы как пить дать. «Ничего, – с некоторым злорадством подумал Севрен. – Он уж постарается, чтобы Гораз не забыл этот должок».

Отставив в сторону арбалет, караульщик кинулся вниз по винтовой лестнице, ведущей с крепостной стены в город.

4. Проблема чужаков

Погода оставляла желать лучшего – на дворе гроза бушевала с такой силой, что невольно возникали тревожные мысли о бесславной кончине Сияющего Города. Похоже, разгневанная Сфера на этот раз твердо намерилась утопить его в потоках воды, непрерывно низвергаемых из бездонного небесного брюха. Да что там говорить – ливень под вечер седьмого дня последней декады осени выдался просто небывалый. Нормальный хааскин, даже крайне озабоченный поиском заработка и пропитания, в такую погоду не высунул бы и носа за дверь, поэтому ничего удивительного не было в том, что народу в «Весельчаке» в этот вечер было более чем достаточно. Что может быть лучше, чем укрыться в уютном, теплом и сухом местечке, каким с полным правом мог служить трактир «Весельчак»? Когда не только улицы превратились в мутные взбесившиеся ручьи, но и в воздухе носится столько воды, что, оказавшись за дверью, невольно норовишь пуститься вплавь после первого же вздоха, вообразив, что невесть как очутился в реке.

Старина Билок, хозяин трактира – высоченная костлявая орясина с красной небритой рожей висельника, облокотившись о стойку с удовлетворенным видом наблюдал за народом, собравшимся в его заведении: поздний вечер обещал быть прибыльным. Горел камин, распространяя живительное тепло по залу, двойки-тройки завсегдатаев вели негромкие беседы за небольшими квадратными столиками, не забывая смачивать луженые глотки, – кто кислином и вонючкой, если в кармане звенело не слишком много манов, а кто разномастным дро, если с манами все было в порядке. Недалеко от входа за отдельным столом барабанщик негромко выбивал ритмичную дробь, а его сосед флейтист выводил незатейливую мелодию. Рядом стояли бокалы с кислином, к которым музыканты время от времени прикладывались.

Кстати, благодаря особому покровительству Наместника, в зале «Весельчака» было куда светлее, чем в других подобных заведениях: десяток машаров, каждый размером с хороший мужской кулак, развешанных под потолком трактира на равном расстоянии друг от друга, доблестно боролись с подступающим сумраком Сферы. А хорошая порция дронтума и пара соблазнительных обладательниц красных юбок, мелькавших между столиками с полными кувшинами в руках, поднимала настроение даже у самых пропащих зануд. В общем, все было тихо и мирно, в соответствии с правилами, введенными Наместником уже много лет назад.

Билок глянул влево, в дальний от входа угол, где за отдельным столиком сидел в глубокой задумчивости обычный на вид хааскин. Привычно рыжеволосый, как и все нормальные хааскины, среднего роста, поверх ксомоха из мягкой коричневой ткани с плеч спускается простой серый плащ с откинутым капюшоном. Простолудин, да и все тут. И только внимательный взгляд по более тонким чертам гладко выбритого лица, по осанке, по властному взгляду определил бы, что гость куда важнее, чем кажется. За столом сидел сам Наместник, в своей обычной манере стараясь не выделяться среди окружающего люда. Но не заметить его мог только совершенный чужак, ни разу не видевший Верховного мага Хааскана и повелителя Сияющего Города в лицо. В этот ненастный день Наместник почтил присутствием его, Билока, трактир, и Билок был обязан проследить, чтобы светлейший гость остался доволен. Всем своим состоянием, процветанием своего трактира «Весельчак» он был обязан правителю, о чем не забывал ни на минуту.

* * *

Стил Гилсвери едва заметно усмехнулся.

Все, собственно, началось с того, что шума он не любил, а трактир ему нравился больше других в Сияющем. У Билока было как-то особенно приятно посидеть и пораскинуть мозгами,

размышляя над очередной проблемой. Поэтому, чтобы избавить себя от шума и суеты в любимом месте, он не пожалел времени, чтобы сконструировать парочку специфических заклинаний, постепенно создавших в заведении нужную атмосферу доброжелательства к ближнему. И ежедневные забияки, не знавшие иного вида разрядки, кроме раскалывания посуды и мебели о головы друг друга, испарились, точно их и не было. Кстати, народу Сияющего нововведение в очень скором времени пришлось по душе. Слухи всегда разлетаются быстро, а желающих «вкусить» уюта, не всегда доступного даже дома из-за сварливого характера жен-хааскинок, всегда предостаточно среди любых слоев населения. Поэтому женщины, кроме служанок, или «красных юбок», как называли их за форменную одежду, придуманную Билоком не без подачи Наместника, сюда не допускались. Мужчины должны хоть где-то отдыхать от своих жен. Соответственно доход трактира значительно вырос, а популярность Наместника среди простого народа взлетела до самой Сферы.

Гилсвери задумчиво скользнул взглядом по столикам, в продуманном беспорядке разбросанным по просторному залу. Землепашцы, ремесленники, торговцы, солдаты крепостной стражи и прочий разношерстный сброд... то бишь хаски, один из многих народов Внутреннего Круга мира Хабус, если соблюдать приличия, один из народов, коим ему довелось управлять. Кого только сюда не принесло в этот ненастный вечер – и все прекрасно уживались друг с другом... Досадно, что только в стенах этого трактира. Тот же солдат крепостной стражи, попадись ему где-нибудь вне «Весельчака» обыкновенный «грязный» землепашец, запросто вытрет о него ноги и скажет, что так и было... Да еще потребует возмещения ущерба, причиненного этой процедурой его сапогам. Правда, если до него, Гилсвери, дойдет жалоба пострадавшего, стражнику может и не поздоровиться, но кто из вояк не любит риска? Хоть какое-то развлечение, кроме выпивки, женщин и службы...

Мысли мага наконец нехотя вернулись к тому, из-за чего он сегодня сюда заявился, из-за чего ему захотелось немного расслабиться. Особый посыл, воспринятый магическим чутьем Наместника, как обычно, был крайне неприятен. Заныл, словно больной зуб, правый висок, боль отравленной стрелой пробороzdила череп, подкралась было к глазам, но была перехвачена и после нескольких мгновений неприятного зуда, сопровождавшего ток избыточной нервной энергии, рассеяна. Гилсвери прекрасно знал, что означает этот посыл. И пребывал, мягко говоря, в паршивом настроении.

По договору с дал-роктами, с этими Светом проклятыми Вестниками Тьмы, в данную декаду полная власть над Алтарем Зверя всецело принадлежала им. И, соответственно, все засферники, что могли появиться в это время на Алтаре, являлись собственностью Вестников. И надо же такому случиться, что после четырнадцати лет ожидания засферник попал именно к дал-рокам. С этими чужаками и так вечная проблема – очень уж они редкие гости во Внутреннем Круге. Чрезвычайно редкие. И новый чужак, к величайшей досаде мага, достался не ему. Быть засфернику у дал-роков обыкновенным рабом, если не прикончат сразу, а мог бы послужить великому делу...

Краем глаза Гилсвери заметил появление двух из своих «неистребимых»: сотницу Онни Бельт, командира его личной охранной дружины, надобности в которой маг никогда не видел, но каковая полагалась ему по статусу, и ее заместителя, рослого и широкоплечего подсотника Лекса Хитрована. Последний, откинув капюшон воинского плаща, сразу притормозил около стойки, чтобы пропустить бокал чего-нибудь крепкого. Губы Гилсвери еле заметно дрогнули в добродушной усмешке – Лекс, как обычно, выглядел по последней моде. Короткая стриженная борода, тонкая нитка усов по краю верхней губы, пламенно-рыжая шевелюра, собранная в хвост чуть ниже затылка, светло-зеленый ксомох, отливающий на груди медью круглых блях, завивающихся в плотную чешуйчатую спираль. Шерстяной плащ-накидка светло-серого цвета с большим капюшоном на плечах и спине был прошит широкими полосами из кожи рогача. Высокие, почти до колен, облегающие сапоги из шкуры вилсига, сшитые в четыре шва, отда-

вали насыщенным пурпуром, к задникам крепились шпоры с вертящейся головкой в форме круглых зубчаток.

Трактирщик Билок, не мешкая, но и не особенно торопясь, с достоинством поставил перед подсотником бокал с дронтумом. Онни Белът же, не замедляя шага, решительно проследовала дальше. При ближайшем рассмотрении она являла разительный контраст Лексу. Из-под высокого кожаного шлемника выглядывали слегка растрепанные и влажные кончики песочных волос, наглухо запахнутый на груди плащ потемнел и обвис от впитавшейся влаги, выдавшие виды шерстяные штаны и далеко не новые, но еще добротные сапоги были густо заляпаны уличной грязью. Онни никогда не заботилась о внешности. Своим подчиненным она нравилась в любом виде. У Гилсвери мелькнула мысль снять ее с патрулирования и пусть за сотницу в эту Светом проклятую погоду покомандует ее пижонистый заместитель – но ведь обидится. Дружинница столь ревностно относилась к своим обязанностям, что любой намек на слабость, приписываемую женскому полу, был бы для нее оскорбителен.

Остановившись по другую сторону стола, сотница быстро и четко приложила правую ладонь к груди в ритуальном приветствии. Лицо ее было спокойно, хотя вести, притащившие ее сюда, наверняка заслуживали внимания – Гилсвери не любил, когда его беспокоили по пустякам, тем более в «Весельчаке». Даже если делала это женщина, нередко делившая с ним постель.

– Светлейший, прошу прощения за беспокойство, но у западных ворот хальд, – в своей обычной бесстрастной манере доложила дружинница. – И довольно нахальный Ломится в город, как жених в постель к своей невесте в брачную ночь. Следует ли его впускать?

Верховный маг Хааскана недоуменно пожал плечами:

– Странные вопросы ты задаешь сегодня, сотница. Ты знаешь порядок. Хальды для нас всегда желанные гости... Выкладывай, в чем там дело.

– Собственно, ничего особенного, но под седлом у хальда большой черный дракх, как у дал-роктов.

– Ты хочешь сказать – чарс?

– Очень похож.

Брови Наместника на секунду удивленно поползли вверх.

– Разберемся. Приведи его сюда.

Сотница «неистребимых» живо вышла из зала, прихватив по пути Лекса, с недовольной миной отставившего недопитый бокал, и оба снова канули в ночь, под холодный неуютный дождь.

Гилсвери медленно отхлебнул изрядный плоток «светлого» дро, подержал на языке, смакуя гамму острых вкусовых оттенков. По губам скользнула легкая, почти неразличимая для окружающих улыбка. Совпадение? Скорее всего, да. Вряд ли дал-рокты выпустят из рук *такую* добычу. Разве что эти самоуверенные болваны, абсолютно уверенные в превосходстве своей расы и любого ее представителя над всеми остальными, послали к Алтарю самого худшего воина. Сотню лет назад был такой случай, тогда чужак отбилсЯ самостоятельно... да нет, маловероятно. Что же до чарса... Не у одних дал-роктов имеются большие черные дракхи, коих они именуют чарсами. По слухам, далеко за их землями водятся дракхи еще больших размеров. Да и приручить боевого чарса дал-роктов невозможно, многие умельцы пытались, да мало кто после этого жив остался. Просто хальд, пожаловавший в Сияющий, по всей вероятности, прибыл из очень далеких краев... Тем лучше. Маловато осталось вне Внутреннего Круга непуганых хальдов, а этот явно был из таких, иначе объехал бы Сияющий за тысячу шагов. Был, правда, и второй вариант: столь смело явившийся сюда хальд мог принадлежать к фанатикам Пророчества, что еще больше упрощало дело. Ну что ж, хоть кто-то вместо засферника. Круг Причастия давненько не получал своих жертв.

5. Дал-рокты

Патрульный отряд из четырех десятков воинов под началом терха Инитокса медленно кружил на боевых чарсах вокруг Алтаря Зверя, исполняя необходимый ритуал. Ни непрерывные потоки ливня, ни темнота не могли помешать Вестникам Тьмы восстановить картину происшедшего. Впервых, для глаз *измененных* света было вполне достаточно, во-вторых, сейчас следовало смотреть внутренним, а не внешним взором, самой своей *сутью*.

Поэтому для Вестников следы ясно читались на израненной, взрыхленной копытами чарсов, размокшей земле. Следы, которые невозможно затоптать, которые вытравлены в самой сути этого мира. Магические следы. Чужака. Демона из-за Сферы. Небывало сильного демона. Судя по ширине шага, демон был мал ростом, как обычный хаск, и там, где его нога ступала вне каменной поверхности Алтаря, трава была лишь слегка примята. Но взгляд Посвященного – острее. Он видит глубже. И терх Инитокс видел, что почва под травой израна, сочится невидимой кровью. Прикосновение мыслечувств к этим следам жгло, жгло неведомой силой, не присущей, никак не присущей магам этого мира, не говоря уже о простых презренных хасках...

Ловчий маг сражался... и был сражен. Его неподвижное тело мокло на Алтаре Зверя под непрерывными струями небесного водопада, нагрудная пластина виритовых доспехов была смята чудовищным по силе ударом. Чудовищным. Потому что никакими известными силами, кроме магических, так смять виритовую сталь невозможно. Смерть Драхуба прозвучала в душах дал-роктов как крик, исторгнутый смертельно раненным зверем, и они слышали бы его, даже находясь в глубине Родовых пещер. Но они находились всего в двух переходах и прибыли сюда спустя час совершенно бешеной скачки на своих неутомимых чарсах.

Завершив чтение следов, Инитокс выпрямился в седле и задумался. Взгляд по-звериному горящих глаз, вытянутых узким изогнутым разрезом почти к вискам и потому позволяющим обозревать три стороны света из четырех возможных, невидяще устремился куда-то сквозь ливень. Чарс под ним остановился, и движение всего отряда тут же прекратилось. Ветер бросал в серокожее лицо пригоршни воды, тугими струями сек плечи и грудь, обтянутые плотным кожаным плащом, вода ручьями стекала по ногам и пышущим жаром бокам чарса, но терх ничего не замечал. Верховой зверь под ним нетерпеливо переступал копытами. Беспокоился. Как и все остальные звери патрульного отряда. Они всхрапывали, шумно и горячо фыркали, рвали копытами дерн, обнажая черную, вымокшую землю. Причиной тревоги были мириады чуждых запахов под ногами, оставленных чужаком. Но если звери беспокоились открыто (на то они и звери), то воины бесстрастно и неподвижно сидели в седлах, молча ожидая приказаний терха.

Инитокс задумался, потому что произошло то, чего ранее не происходило никогда. Хранитель Силы Рода был убит! Могучий маг был убит практически одним ударом: отпечаток пятерни демона на панцире говорил именно об этом! Первый раз в своей жизни терх испытал суеверный страх перед силой того, с кем пришлось столкнуться Драхубу. Но и это еще не все! Всем известно – и слабосильным многочисленным хаскам, и страшным четырехруким нубесам, и поедателям трупов раксам, и железнотелым хабидонам, и неуловимым, как блеск света, охтанам, и быстроногим крылатым моджерам, способным бегать быстрее боевого чарса и потому в них не нуждающимся, и медлительным, но несокрушимым хотхоям... разве что безмозглым гвэлтам, поедателям камней и собственных испражнений, не знающим ничего, не известно, что боевого чарса дал-роктов невозможно покорить! Чарс будет сражаться за своего хозяина, сражаться над телом своего раненого, впавшего в беспомощность и более не отдающего приказаний хозяина, даже над его трупом, пока не уничтожит врага или пока не погибнет сам...

Но никогда не предаст его!

Ибо боевой чарс дал-роктов был одной из тех великих сил, что делали его немногочисленную расу, Род, могучим. Черные чарсы по праву считались младшими потомками Рода...

И все-таки глаза Инитокса видели иное.

Боевой чарс ловчего мага был пленен! Сражался свирепо, но был пленен! Не убит! А затем чужак уехал на нем! Сбросил боевое снаряжение чарса, словно ненужный хлам, наземь, сел в седло, из которого еще не выветрился запах прежнего хозяина, и чарс не разорвал его в клочья! Подобное не укладывалось у Инитокса в голове, вызывая острую боль в висках. Ситуация была невозможной. Оскорбление было страшным. Еще не встречался ловчему магу враг, осмелившийся выступить против Хранителя Силы дал-роктов... и осмелившийся остаться после этого в живых!

Демон из-за Сферы должен умереть. Ничто и никто не может стать препятствием на пути Священной мести. Дал-рокт не умеет сдаваться. Не имеет такого права, пока жив, пока в нем тлеет хоть искра животворной силы. Он или исправляет свои ошибки, или умирает. Таково правило Рода. И чтобы месть была полной, свершить ее должен тот, кто более всего этого заслуживает.

Ловчий маг Драхуб.

Всем известно – невозможно убить Посвященного дал-роктов конечной смертью, и вовсе невозможно убить Хранителя Силы Рода, потому что жизни его – все равно что звенья одной бесконечной цепи, наматывающейся на барабан времени. Но сам в себя маг будет возвращаться nepозволительно долго для сложившейся ситуации, ситуации вопиюще оскорбительной и требующей скорейшего разрешения единственно истинным способом. Магу необходимо было помочь, и помочь немедленно.

Инитокс сделал знак. Два воина мгновенно слетели с седел и перенесли тело ловчего мага в центр Алтаря Зверя, а затем так же молча и быстро отступили. Ливневые струи разбивались о стальной панцирь мага небесным водопадом, фонтанируя каскадами брызг во все стороны, каменный круг Алтаря почти скрылся под слоем бурлящей, вспененной воды. Но скверная погода не могла помешать терху исполнить свой долг. Инитокс вскинул обе руки вверх, словно вознамерившись порвать когтями небесное брюхо, и сфокусировал открытые ладони на теле Драхуба. Четыре десятка воинов безмолвно повторили его жест, объединяя свои разумы в общую ментальную сеть. В мгновенно наэлектризованном воздухе ощутимо сгустилось напряжение. Некоторое время Сила концентрировалась, а затем потекла к телу Драхуба непрерывным потоком. По черноте доспехов проскочила первая бледная и короткая молния, угаснув в водяных брызгах. За ней другая. Еще одна. Внезапно все тело Драхуба окуталось трескучим, ветвящимся коконом из молний.

И темные глаза мага наконец открылись, незряче блеснув тусклым, отраженным светом ночного неба.

6. Явление засферника

Наместник отставил бокал, обостряя слух.

Приглушенные грозой шаги у привязной перекладки, недовольное фырканье дракха, которому чужак соизволил сказать несколько коротких, ничего не значащих слов на странно звучащем, но вполне понятном благодаря заклинанию Речи языке. Для ушей мага стены не были преградой, хоть и были из каменного дерева. Серое кольцо на указательном пальце Наместника, выточенное из макама, живого магического камня, и заряженное защитными заклинаниями, вдруг запульсировало, коротко озарилось алым светом и погасло.

Это было предупреждение.

Гилсвери нахмурился. Чужак с магическими способностями? Усилим воли маг резко обострил свое восприятие, приводя в боевую готовность кое-что из арсенала магических заклинаний. Менять что-либо было уже поздно, да и незачем. Гилсвери был абсолютно уверен, что в силах справиться с любым чужаком, каким бы тот ни был. В конце концов, именно он был сильнейшим магом этого макора. И все же следовало проявить бдительность.

В следующую секунду дверь трактира распахнулась.

Пропустив порыв свежего ветра, первой в зал вошла Онни Бельт. Вслед за ней порог переступил чужак, замер, сбрасывая с головы мокрый капюшон, быстро, но цепко скользнул взглядом по залу, присматриваясь к обстановке, и последовал за дружинницей. Замыкал шествие Лекс. Тяжелая дверь из каменита медленно захлопнулась за ним, оградив уютный мирок «Весельчака» от гнева Сферы и шумливого занудства ливневых струй.

Обогнув ближние к входу столики, Онни Бельт подвела незнакомца к стойке бара, чтобы согреть его чаркой крепкого дронтума перед представлением светлейшему – ему, Гилсвери. Все как заведено...

Маг не верил своим глазам, ошеломленно наблюдая за передвижением ночного гостя. Непривычная одежда и ничем не примечательная, кроме цвета волос, внешность – все это было не в счет. Редчайший серебристый цвет ауры – вот где был зарыт макам! Вот что лучше всего остального выдавало сущность явившегося! Зверь его заворожи, засферник! Засферник!

Ему стоило большого усилия остаться внешне бесстрастным.

Гилсвери безотчетно поднял бокал к губам, отхлебнул, на этот раз не чувствуя вкуса. Справиться с дал-роктом при появлении в этом мире, абсолютно не зная сил и возможностей врага... да еще и прихватить чарса, заставить его повиноваться... Истинный Свет, кажется, на этот раз случилось нечто из ряда вон выходящее! Если этот засферник обладает хотя бы половиной Силы того, кто не дошел до Ущербных гор столетие назад, не дошел по причине очень уж рокового стечения обстоятельств, то у этого мира еще есть шанс на существование! И надо будет как можно быстрее отослать засферника по Пути, пока дал-рокты не спохватились и не выслали за ним погоню. Потому что если поиски приведут этих мстительных выроdkов сюда, в Сияющий, то не миновать вооруженного конфликта или чего похуже.

– Эй, Билок, налей-ка нам по кружечке «светлого», – донесся до Гилсвери развязный голос подсотника Лекса, не упускавшего случая побаловаться дармовщинкой. Долговязый трактирщик молча принялся выставлять на стойку бокалы.

– Одну минутку, – остановил его чужак. – Я не прочь принять что-нибудь согревающее, но, боюсь, поставлю себя в затруднительное положение. Если бы ты был так любезен и показал мне образец вашей платы, то может быть...

– Первая чарка за счет заведения, – буркнул костлявый Билок, деловито разливая светлый пенящийся напиток из кувшина. – Сияющий – гостеприимный город.

Тон, каким это было сказано, говорил об обратном. Ну не любил Билок чужаков, что уж тут поделаешь. А еще больше не любил разливать дорогую выпивку даром. Онни, например,

наполненный бокал проигнорировала. Лекс же присосался к своему, как пиявка, в несколько глотков осушив до дна и крикнув. Взгляд его вожделенно уставился на нетронутую порцию сотницы. Чужак поднес бокал к носу, принюхиваясь, осторожно хлебнул. Кивнул и одобрительно улыбнулся, прикладываясь уже смелее.

Гилсвери продолжал пристально изучать неожиданного гостя. Для него и внешний облик говорил о многом. На вид, по меркам хасков, засфернику можно было дать лет тридцать. Худощавый. Темные, коротко стриженные волосы. Редкий цвет в землях Внутреннего Круга, где самыми распространенными являются рыжий, песочный и пепельный. Глаза серо-зеленые, если не изменяет острота зрения, живые и любопытные, хотя выражение лица совершенно спокойное... К правому виску липла какая-то странная круглая монета, удерживаемая на своем месте непонятно какой силой... Амулет? Ростом чужак с обычного хааскина, тело свободно облегает одежда, покроем напоминающая ксомох, но с разрезом спереди, чего у ксомохов не бывает... Цвет... Маг чуть поморщился. Цвет одежды засферника был настолько насыщенно-черным, словно кроивший его портной использовал для своего изделия полотно первородного Мрака. Черный цвет – цвет грабителей и убийц, цвет виритовых доспехов Вестников, цвет... Плохой, в общем, цвет, скверный... Неудивительно, что многие завсегдатаи трактира прервали свои разговоры, стоило только чужаку возникнуть на пороге. Но для Гилсвери сейчас цвет не имел значения. Он обладал слишком многими знаниями и слишком долгим жизненным опытом, чтобы не понимать, что для чужаков в большинстве случаев цвет не имеет никакого другого значения, кроме эстетического. Вот если бы чужак был местным магом, прошедшим присвоение Ранга, то тогда цвет его одежд значил бы нечто весьма неприятное для их обладателя...

До Гилсвери внезапно дошло, что внутренним зрением он видит лишь плотную серебристую ауру незнакомца, вернее, ее контур вокруг тела, но не чувствует его самого. Ни эмоций, ни отголосков мыслей. О том, что чужак чувствует, можно было догадываться только по небогатой мимике лица. Гилсвери еще ни разу не доводилось сталкиваться с таким абсолютным видом ментальной защиты. Обычно чем сильнее маг, тем сильнее распространяется эманация его сущности. И невозможно скрыть все бесконечные уровни мозговых и телесных излучений. Крепкий орешек...

Перекинувшись с гостем парой ничего не значащих слов о погоде и вкусовых качествах дронтума, подсотник наконец вспомнил о деле (после недвусмысленного и весьма увесистого тычка затынутого в кожаную перчатку кулака Онни Бельт ему в бок). Лавируя между пустыми столиками, которые завсегдатаи не посмели занять из-за их близости к столику Наместника, Лекс подвел засферника к магу и с почтительной миной на лице оттарабанил:

– Верховный Маг и Наместник Хааскана, Фиолетовый Мастер и ахив Сияющего Города – светлейший Стил Леверин Гилсвери.

– Элиот Никсард, – спокойно ответил засферник.

Едва их глаза встретились, как по позвоночнику Гилсвери неприятной змейкой скользнул холодок. Что-то в глазах чужака было такое... Гилсвери не смог подобрать точных слов для возникшего неприятного ощущения. Что-то странное, чужеродное для человека... Что-то, вызывающее смутную, темную тревогу, идущую из неизведанных глубин подсознания...

Чужак был опасен.

Гилсвери нахмурился, едва заметно кивнул:

– Да прибудет с тобой Свет, путешественник. Присаживайся.

Подсотник коротким, энергичным жестом приложил правую ладонь к груди и поспешно удалился. Хвост на затылке покачивался в такт его шагам. Подождав, пока гость усядется на предложенный стул с другой стороны стола, маг сделал пальцами сложный многосоставной знак – их тут же окружила полупрозрачная магическая ширма, по форме напоминающая перевернутый бокал, не проницаемая ни для посторонних звуков снаружи, ни для слов, что должны

были сейчас прозвучать. Незачем лишний раз волновать чересчур любопытных подданных... Казалось, в трактире повисла напряженная тишина – замер барабанный ритм, умолкла и без того издыхающая в тоске флейта. Но это только казалось – жизнь в трактире шла своим чередом. Чужак, кстати, расслабленно откинувшись на спинку стула и всем своим лениво-спокойным видом словно подчеркивая, что чувствует себя здесь, в присутствии Гилсвери, совершенно свободно, ни единым жестом не выказал удивления, что, вполне вероятно, указывало на его знакомство с подобными мерами предосторожности.

– Тебе необходима информация, чужеземец. – Гилсвери не спрашивал, а констатировал. Засферникам всегда необходима информация. Как и любому, кого неожиданно заносит в иной мир. – Как Наместник Хааскана я обладаю властью и знаниями, чтобы ответить на любой твой вопрос. Но сначала ответь ты мне. Как тебе удалось справиться с дал-роктом?

Гость пожал плечами. Лицо его выражало лишь вежливое любопытство, а магически защищенный мозг казался вместилищем сосущей пустоты.

– Я оказался быстрее его.

Гилсвери мысленно улыбнулся, внешне оставшись невозмутимым. Он оказался прав. Чужак сам признался в убийстве дал-рокта. Но как он это сделал?

– Мне нужен более определенный ответ.

– Я всегда чту законы гостеприимства, светлейший, но у каждого есть свои секреты, требующие молчания. Спроси о чем-нибудь другом.

После такого ответа лицу, наделенному всей полнотой власти, Гилсвери полагалось продемонстрировать гнев или хотя бы недовольство, пострадать карой за строптивость, но маг кожей чувствовал, что в данном случае подобный маневр не годится. Перед ним сидел не покорный и боязливый землешапец. Поэтому он спокойно повторил:

– И все же я настаиваю на ответе, чужеземец. Тебе не известны нюансы нашей местной политики в отношении дал-роктов, а мне необходимо знать, какие осложнения могут вызвать твои действия, чтобы предусмотреть ответные меры. Так как ты с ним справился? Магия или боевое искусство?

– Ах, вон оно что. Ты желаешь знать способ... – Чужак задумался, но ненадолго. – Пожалуй, и то и другое. Должен заметить, что я только защищался, если это поможет как-то сгладить... осложнения, которые могут возникнуть из-за моих действий.

А это уже лучше. Чужак начал оправдываться раньше, хотя его ни в чем еще не обвинили, правда, не без иронии. Теперь самое время напустить на себя суровый вид... «Суровый вид» мага выразился в том, что он чуть сдвинул брови к переносице.

– Не имеет значения, защищался ты или нападал. Ты убил одного из дал-роктов, а они по своей природе мстительны до фанатизма. Твой след приведет их сюда так же просто, как летняя тропа, присыпанная снегом. Я впустил тебя в город, еще не зная, кто ты такой. Тем самым, по существующим законам, я оказал тебе покровительство. Я справлюсь с любым дал-роктом и с любым их количеством. Но месть Вестников Тьмы может коснуться ни в чем не повинных жителей Хааскана, и я, как правитель, этого не допущу.

– Другими словами, мой отдых в этом городе уже закончился? – понимающе усмехнулся Никсард. – Хорошо, светлейший. Я не люблю доставлять людям неприятности. Но прежде чем я отправлюсь в путь, позволь напоследок задать интересующий меня вопрос.

Гилсвери едва заметно качнул головой, что у него означало кивок. Его приятно удивило, что засферник и не думал спорить. Как будто ему все равно – провести ночь в тепле и уюте или снова отправиться под ливень в кромешный мрак. Завидная выдержка, внушающая определенное уважение. Жаль, нельзя его *прощупать*, узнать о его мыслях и намерениях, хорошо закрылся, мерзавец...

– Я ищу человека по имени Остин Валигас. Приходилось ли тебе слышать о нем?

Сильнейшему магу Хааскана после этих слов с большим трудом удалось сохранить невозмутимый вид, не выдав не единым жестом внезапного волнения. Вопрос чужака его не просто озадачил – он его поразил. До самой глубины души. За два века своей долгой жизни он повидал немало засферников, и никто из них еще не искал ранее попавшего в мир Хабуса. Потому что само появление здесь засферников было закономерной случайностью. Никто из них никогда не ожидает, что окажется здесь, и смерть любого из них оставалась абсолютной тайной для остальных. Именно поэтому маг и не подумал спрашивать, что именно привело гостя сюда, в Сияющий. Ничего, кроме случайности, привычно полагал он. И только сейчас выяснилось, что чужак попал в мир Хабуса сознательно, преследуя какую-то свою цель. Это казалось невероятным. И крайне настораживало. Недаром сегодняшней гость показался ему так опасен. Впрочем, Гилсвери не боялся мести с его стороны. Откуда тому было знать о его роли в судьбе Валигаса? Кто ему скажет? Прошло столько лет, сам Гилсвери вспомнил о Валигасе только сейчас, когда прозвучало почти забытое имя, да и все эти чужаки для его хааскинов на одно лицо. С другой стороны, знакомство этих двоих оказалось неожиданным подарком, позволяющим устроить все как надо хотя бы до половины Пути... Главное сейчас – задать общее направление... В своей силе маг не сомневался – здесь у него слова никогда не расходились с делом. Но если есть хоть малейшая возможность уладить дело мирно, то он этой возможности не упустит... Пауза затягивалась, пора было отвечать, и Гилсвери медленно кивнул, словно припоминая.

– Остин Валигас? Это имя мне кажется знакомым. Если мне не изменяет память... Да, когда-то в Сияющем был такой человек...

– А где он сейчас?

– Прошло много лет с тех пор, как я его видел, но я редко ошибаюсь... Неурейя. Думаю, его следы следует поискать в Неурейе, этот город находится в макоре Кордос. Кстати, для тебя самое разумное отправиться сейчас к границе Нубесара – это по пути в Неурейю. Успеешь добраться до нубесов прежде, чем до тебя доберутся дал-рокты, и ты спасен. Нет... значит, такова твоя судьба. Справиться с одним дал-роком еще не значит победить их всех.

– Нубесар? А что помешает дал-рокам последовать за мной и туда?

– Их собственная смерть, Элиот Никсард, – со знанием дела заверил Гилсвери. – У них давняя вражда с дал-роками.

– Следует ли тебя понимать так, что, отводя угрозу от себя и своих людей, ты подставляешь под удар своих соседей?

– Оставь свою колкость, чужеземец, ты и знать не знаешь о том, что у нас происходит. Нубесы практически неуязвимы для дал-роков. – Гилсвери позволил себе слегка усмехнуться, подчеркивая тем самым вздорность обвинений. – И еще. Поверь, мне неприятно в силу сложившихся обстоятельств выпроваживать гостя моего города в ночь, поэтому я дам тебе до Неурейи проводника.

– Ты очень любезен, светлейший. Прошу меня извинить, похоже, я вмешиваюсь не в свое дело.

– Именно так. Извинения приняты. Кордоса можно достичь примерно за три дня, если не задерживаться во встречных городах. Тебя связывают с этим человеком родственные отношения?

– Родственные отношения связывают Остина Валигаса с тем, кто попросил меня его разыскать...

* * *

Я с любопытством рассматривал сидящего напротив человека, представленного мне как правителя макора в целом и этого города в частности, стараясь делать это не слишком откоро-

венно. Это было бы невежливо. Огненно-рыжие волосы подстрижены так же коротко, как и у меня, так же гладко выбрито худощавое лицо. Глаза светло-голубые, отсвечивающие изнутри сталью, очень холодные, взгляд лишен эмоциональной окраски, верхняя челюсть немного выступает вперед. Держится прямо, но одежда висит несколько небрежно, образуя в различных местах живописные складки. Если бы довелось столкнуться с подобным типом на Нове-2, я, пожалуй, не обратил бы на него внимания, так как он вполне смахивал бы на одного из моих современников, например, на какого-нибудь руководителя среднего звена некой промышленной корпорации. Однако интересный тип этот Наместник. Человек, обладающий огромной властью, правитель страны, и вдруг коротает время в обычном трактире, среди прочего люда. Может быть, простота нравов у хааскинов считается добродетелью? Кстати, если правитель, то почему – Наместник? Есть кто-то еще, кого он замещает? Впрочем, что мне до этих местных проблем. Пусть тешатся...

Попытки эмлота возникнуть с пояснениями я пока пресек, не до него.

Интерес мага ко мне был куда большим, чем мой к нему. Он вел со мной какую-то игру, цель которой мне пока не была ясна. Говоря о Валигасе, он лгал – его выдавала собственная аура, колебания и оттенки которой не спрячешь за невозмутимостью лица. И в то же время он, кажется, действительно когда-то его видел. Мне бы очень не помешало получить слепок его памяти, сразу бы все прояснивший, но как это сделать вежливо? Под каким предлогом заставить мага прижать эмлот к своему виску? Я покосился влево. Сопровождавшие меня стражники – мужчина и женщина – тихо беседовали возле стойки бара, не спуская с меня внимательных глаз. До них было метров пять. Достаточно далеко, чтобы не мешать нашей беседе, и достаточно близко, чтобы расстояние не помешало телохранителям Наместника в случае чего выполнить свои обязанности. Руки обоих лежали поблизости от поясных ножей, наверняка хорошо сбалансированных для броска, и я почему-то не сомневался в их меткости. Ничего эти телохранители со мной поделаться бы не смогли, что поодиночке, что вдвоем, но нарываться на скандал и действовать силой не хотелось. Грубо и глупо. Эти люди в общем-то неплохо ко мне отнеслись. Впустили ночью в город неизвестного человека – против собственных правил, как я понимал, угостили выпивкой. И не так уж важно, какая цель за этим крылась – в данный момент они не желали мне зла...

Ладно, была не была! Почему бы не сказать прямо?

* * *

– Светлейший... могу я попросить о небольшом одолжении? Я хочу быть уверен, что мы говорим об одном и том же человеке. – Чужак оторвал странную «монету» от виска и положил на стол. – Если эту штуку прижать к виску, то у тебя перед глазами встанет внешность человека, которого я ищу.

Гилсвери лишь усмехнулся. Ему были знакомы различные механические штучки из-за Сферы. Они были для него безвредны и, как правило, долго в мире Хабуса не работали. Но ему стало любопытно. Он и сам мог сотворить что-то подобное магически, но всегда интересно взглянуть на чужую работу. «Монета» оказалась странно теплой, когда он приложил ее к голове и замер, желая увидеть обещанное, но особо не надеясь. Так и получилось. Секунды бежали, а «монета» продолжала безмолвствовать.

– Я ничего не вижу. Твой амулет не работает, чужеземец.

– Надо немного подождать, – пояснил чужак. – Изображение проявляется не сразу. А пока мы можем поговорить.

Но Гилсвери уже увидел. У него даже перехватило дыхание. Изображение было столь четким, словно он столкнулся с Валигасом нос к носу... Светловолосый, с приятным, откры-

тым лицом Валигас смотрел на него живым, доброжелательным взглядом... Словно еще не знал, что маг Хааскана отправит его на смерть. Он поспешно вернул монету чужаку:

– Это он...

– Благодарю... Что-то не так?

– Тебе следует поторопиться. Речь идет о твоей жизни, и сейчас для тебя дорога каждая минута.

– Что ж, спасибо за помощь, – в голосе чужака снова мелькнула едва уловимая ирония.

– Да, еще один нюанс. У тебя неподобающая одежда для Внутреннего Круга. Я распоряжусь, чтобы тебе выдали что-нибудь более приличествующее местным обычаям.

– А что не так?

– Черный цвет в народе ассоциируется с цветом несчастья. Ты можешь столкнуться в пути с весьма недоброжелательным отношением к себе только по этой причине.

– Ну если дело только в цвете, то обо мне можно не беспокоиться. Я приму меры самостоятельно. За предупреждение благодарю. С тобой, светлейший, куда приятней иметь дело, чем с магом дал-роктов...

После этих слов Гилсвери словно громом ударило. Он побледнел как смерть. Не помогло никакое самообладание.

– Магом дал-роктов? – выдохнул Наместник свистящим шепотом. – Так *кого* ты убил, чужак, на самом деле?! Он успел себя назвать?!

– Он назвал себя Драхубом. Это имеет какое-то особое значение?

– Имеет. – Наместник гневно сузил глаза. – Ты привел с собой не просто беду, чужак. Ты притащил войну. Ты не можешь здесь больше оставаться ни одной минуты. Может быть, еще не поздно...

– Даже так? – Никсард пожал плечами, поднимаясь из-за стола. – В таком случае я готов отправиться в путь.

Гилсвери тоже встал. Вскользь отметил напряженный взгляд Онни, неподвижно застывшей возле стойки, предельную собранность Лекса, затем снова сотворил магический знак, и защитная завеса исчезла, вернув приглушенный шум общего зала, звуки прежнего незатейливого дуэта флейтиста с барабанщиком. Сотница, получив мысленный посыл, мгновенно оказалась рядом, всем своим видом выражая готовность к действию.

– Сотница, тебе предстоит поездка в Жарл, – хмуро приказал Наместник. – Прямо сейчас. Будешь проводником... для нашего гостя.

Онни Бельт молча приложила правую ладонь к груди, на мгновение, как требовал устав, в знак того, что приказание принято. Задавать лишние вопросы было не в ее характере.

Гилсвери сурово глянул на засферника, по-прежнему не проявлявшего видимого беспокойства. Лишь легкую озадаченность. Тот, похоже, еще не понимал, что натворил. Неудивительно – надо быть хааскином, чтобы понять.

– Надеюсь, ты успеешь, чужеземец. И да пребудет с тобой Свет.

7. Колдэн

– Поднимите его.

Тяжелый, властный голос Владыки Колдэна ощутимо всколыхнул застоявшийся воздух Родовых пещер. В тронном зале царил почти полный мрак, если не считать слабого мерцания грибов-гнилушек, издавна причудливыми гроздьями раскиданных по каменным стенам, оплетенным бесчисленными нитями грибниц не хуже паучьих сетей. Мрак и тишина. И слабо тлеющие головешки грибов.

Вот уже несколько сотен лет дал-рокты не нуждались в свете после коренного *изменения*, произведенного предком Владыки со своей расой ценой собственной жизни.

Воины-чжеры из ритуальной охраны Владыки, в шипастых металлических доспехах, расставленные редкой цепью по периметру зала, напоминали своей неподвижностью статуи. Когтистые черные пальцы сжимали витые двуручные рукояти обнаженных мечей, уткнутых остриями в отполированный за тысячелетия каменный пол, узкие длинные глаза слабо светились в густой темноте.

Хранитель Силы Рода, Посвященный Последней ступени, ловчий маг Драхуб, слабый, как младенец после воскрешения и магического переноса, сотворенного волей Владыки Колдэна, пошатываясь, пытался встать на ноги в круге вызова, размещенного в центре тронного зала. Двое воинов-чжеров, сорвавшись со своих мест, подхватили ловчего мага под руки и, оттащив от круга вызова, поставили на ноги перед тронном. Вернее, хотели поставить, но маг просто повис на их руках, не в силах справиться с одурманивающей слабостью, накатывающей на Посвященного обессиливающими мутными волнами.

– Скверно выглядишь, Драхуб, – мощно пророкотал Владыка. – Я не должен был видеть тебя в таком состоянии. Как ты это допустил?

Икседуд коротко махнул рукой, хлестнув заклинанием по поникшей фигуре мага. Сильная судорога выгнула Дра-хуба дугой, затем на мгновение он обмяк. Когда он снова попытался встать, то смог сделать это уже самостоятельно. Чжеры отпустили его и вернулись на свои места, определенные уставом ритуала.

Потверже расставив ноги, Драхуб поднял массивную голову, утяжеленную стальным шлемом, выкованным в виде головы одного из далеких предков дал-роктов – свирепого хищного дал-рокра. Очертания тронного зала были ему привычны, как привычно может быть место, в которое заглядываешь время от времени на протяжении очень долгой жизни. Привычен был и мрак, подсвеченный лишь мерцающими грибами, – для глаз хаска этот мрак был бы сплошным, дал-рокту же света в зале вполне хватало, чтобы различать все в мельчайших подробностях.

В темных, невероятно длинных прорезях глаз мага полыхнул глубинный огонь, дарованный природой всем ночным хищникам. Особое строение глаз не позволяло ему видеть только то, что было сзади, но трон находился прямо перед ним – вырубленное из цельного куска мрамора высокое кресло с вытянутой в два роста дал-рокта спинкой и широкими, как стол, отполированными до блеска подлокотниками. Над самим тронном, в воздухе, без всякой видимой поддержки, медленно вращаясь вокруг оси, горизонтально парил меч из макама, испуская темный свет. Легендарный меч Марбис. Обладающий чудовищной мощью, которую вливали в него из столетия в столетия Сила Рода, меч повиновался лишь сильнейшему из Вестников Тьмы – Икседуду, Владыке Колдэна, который в данный момент стоял рядом с тронном, опираясь одной рукой на ближний подлокотник, и пристально глядел на ловчего мага. Икседуд был гигантом даже по меркам собственной расы, на две головы превышая самого рослого дал-рокта. Плечи его были необъятны, а запредельная мощь тела вызывала священный трепет. Почти черный цвет его кожи говорил о неизмеримом количестве прожитых лет, как и могучие, выдающиеся

вперед челюсти, способные посоперничать с челюстями чарса. Магическая аура окутывала его плотным непробиваемым коконом, в огромных, вытянутых к вискам глазах вместо зрачков тлели красные полосы раскаленного металла. Владыка пребывал в плохом настроении.

Тронное кресло всегда было для Икседуда лишь символом, и он предпочитал принимать доклады стоя. А докладчик должен был позаботиться о том, чтобы Владыке пришлось потратить на него как можно меньше времени. Предельным усилием воли Драхуб полностью овладел собой. Владыка не любил проявлений слабости у своих исполнителей.

– Где раб из-за Сферы, Драхуб? Как получилось, что ты остался без родового меча, без чарса и без жизни, а твои доспехи выглядят неподобающе?

Драхуб шумно вздохнул, широко раздувая ноздри, – напоминание о поражении кипятком ожгло мозг. Когти правой руки царапнули по позорной вмятине на стальном нагруднике, вмятине, в точности повторяющей очертания ладони демона. Он не сменит эти доспехи, пока не убедится, что демон мертв!

– Я упустил его...

– Говори.

– Ты удивишься, мой повелитель. Мне не хвاشло времени. Не хватило мгновения, чтобы произнести заклинание. Хотя всем известно, что, когда произносятся слова Силы, время послушно останавливает свой бег и ждет, пока они не будут произнесены... – Маг на мгновение умолк, сжав кулаки в нестерпимом приступе гнева, когти глубоко впились в ладони. На мраморный пол закапала кровь. – Ты еще больше удивишься, повелитель, когда я скажу, что боевой чарс, черная порода не боящихся Истинной Тьмы и Неверного Света, специально выведенная тобой из обычных дракхов для нашей расы, мой боевой чарс... сменил хозяина. Теперь он повинуетя чужаку, демону из-за Сферы...

– Говори! – Приказ хлестнул, словно удар освинцованной плети.

– Демон невероятно силен. Настолько силен, что в голову приходят крамольные мысли о Пророчестве...

– У нас нет пророчеств.

– О Пророчестве хасков, повелитель! О Миразре, которого они называют Светочем. О Пророчестве, которое угрожает нашей расе...

Икседуд тяжело вздохнул, устремив взгляд в глубину зала. Он не верил в Пророчество хасков. Но хаски верили в свое Пророчество, а могучая вера, как подсказывал Владыке опыт его более чем длинной жизни, может свернуть горы. Поэтому необходимо было принять меры.

Однако Драхуб оплошал...

Икседуд не наказывал исполнителей за ошибки смертью, как многие из властительных хасков, правителей макоров. Это было глупо. Мерзко. Непостижимо... Хорошие исполнители воли не растут, как мерцающие грибы на стенах Родовых пещер. И кто гарантирует, что следующий не ошибется так же? А время будет упущено, как и необходимый момент для исполнения задуманного. Постоянно нужно учитывать, что для любого дал-рокта что-то всегда происходит впервые, даже если он Хранитель Силы Рода. Никогда ранее Драхуб не знал поражений и поэтому перестал быть осторожным. Теперь же смертельно уязвленное самолюбие заставит его найти демона хоть на краю Света. Теперь он будет маниакально осторожен и предусмотрителен. Не так самонадеян. И приложит все силы, чтобы в следующий раз не оплошать. У хасков же все было бы иначе. Опача, изгнание, казнь... Безумная раса, не имеющая права на существование в Хабусе. Деградирующая и вымирающая. Давно было пора помочь ей закончить существование. Но дал-рокты не всеильны, каким бы могуществом они ни обладали. Законы Равновесия, установленные Спящим Зверем во Внутреннем Круге на всю Эпоху Угасания, связывали руки.

– Смог ли ты понять в состоянии *после жизни*, куда демон направился?

– В ближайший город хасков, повелитель, который они, называют Сияющим. Он чужак, повелитель. Ему нет дела до хасков, нет дела до того, что своими действиями он нарушил договор Четырех Рун...

– Поражение затмило твой разум, Драхуб. Демон не заключал этого договора, а значит, и хаски к этому не причастны. Они не виновны в твоём поражении. Но они нарушат договор, если помешают нам забрать чужака. Сделаем вот что... Ты отправишься в Сияющий и потребуешь выдачи чужака. В случае отказа... тысячи воинов тебе будет достаточно, чтобы разрушить город до основания. Они давно уже полагают, что сильнее нас, так покажи им, как они заблуждаются. Да и воинам не мешает потренироваться в реальном сражении, а то наши соседи, раксы и хабидоны, давно не показывали норы и воины застоялись без дела. Чужака, если его удастся взять живым, доставишь ко мне. Глядя на твой нагрудник, я не могу скрыть любопытства... Никто среди хасков не обладает подобной силой, и я хочу посмотреть, на что он способен. Полагаю, из него вышел бы исключительный раб... Действуй.

Драхуб почтительно склонил голову и, совсем уже оправившись, почти твердым шагом вышел из зала. Икседуд молча проводил его тяжелым задумчивым взглядом, затем обронил:

– Керикс!

– Я слушаю, повелитель.

Высокий воин, до того неподвижно стоявший позади трона, вышел и замер перед Владыкой. Керикс принадлежал к самой младшей ветви Правящего Рода и по причине своей молодости, а для дал-рокта пятьдесят лет – не возраст, еще не успел набрать полную силу Посвященного. Зато был исключительно исполнитель, предусмотрителен и настойчив в достижении поставленной цели, как и остальные младшие отпрыски Рода, коих у повелителя было множество. Все они с рождения обладали статусом терха – командира воинов и пожизненно были связаны с воинской службой. В спокойное время терхи в основном занимались пограничными разъездами, а при первой же необходимости любой из них мог быть брошен в сражение – набираться жизненного опыта. Пока Икседуд использовал Керикса для мелких поручений.

– Свяжись со своим братом Инитоксом – его патруль ближе всех к хаскам. Пусть немедленно отправляется к границе Нубесара. Чужак не должен ускользнуть. В отличие от хасков, демоны не боятся ночи, и этот может отправиться в путь, не дожидаясь утра. Не без подсказки Наместника Хааскана, естественно, – ведь маг хасков хитер и дальновиден, он наверняка пожелает заставить демона работать на свое Пророчество. Действуй.

Расторопный Керикс испарился, словно его и не было.

Владыка неторопливо вышел из тронного зала, легко раздвигая тьму массивным телом. Ритуальная охрана чжеров бесшумно снялась с уставных мест и, выстроившись в две колонны ему в затылок, тронулась следом скорее по традиции, чем из предосторожности. Никакой хаск не посмел бы сунуться в Родовые пещеры, где властвуют высшие магические силы дал-роков.

8. Размышления о чужаках

После того как Онни с засферником вышли в ночь, Гилсвери еще долго сидел в зале. Сидел и медленно потягивал «светлый» маленькими глотками, не замечая ни вкуса, ни запаха, равно как и суеты услужливого Билока, аккуратно подливавшего в бокал по мере его опорожнения.

Думы Наместника были тяжелей некуда, достаточно было взглянуть на его лицо – сдвинутые к переносице брови, глубокая вертикальная складка прорезала лоб, словно след от удара меча. К тому же глаза... В глаза мага глядеть было страшновато, они почти полностью утратили свой привычный серо-голубой цвет. Зрачки проглядывали словно сквозь толщу прозрачного льда...

Из трактира быстро поползли слухи один нелепее другого, а за ними потянулись и сами любители разномастного дронтума с кислинкой, от греха подальше, – простой люд не привык к проявлению сильных эмоций на лице Верховного мага... Двое стражников вдруг вспомнили о предстоящих разводах в караул и прочих неотложных делах, четверо дородных торговцев вдруг спохватились, что не подсчитана еще дневная выручка, ожидающаяся в кассовых ящиках. Бородатые ремесленники запоздало сообразили, что оставили жен одних, без присмотра, того и гляди коварные соседи наставят им рога, да и дорога ой как неблизка под проливным дождем, особенно если дом находится в другом конце города, а улицы превратились в бурные ручьи. В общем, предлогов убраться подобру-поздорову нашлось предостаточно. Любому хааскину было ведомо, что Наместнику под тяжелую руку лучше не попадать, были уже случаи... и народ благоразумно рассосался, да так тихо, что Наместник этого и не заметил.

А причина для столь тяжких размышлений действительно была.

Основных Признаков появления Героя по Пророчеству существовало три. Первый Признак, гласивший, что Героем суждено стать безродному чужаку, толковать можно было весьма широко. Например, что Героем может стать хальд из стран, не имеющих никакого отношения к Внутреннему Кругу, или илсут, существо, не принадлежащее ни к хаскам, ни к хальдам, то есть к роду людей. А рас в Хабусе хватало. Или, например, что Героем может стать некто, вообще не принадлежащий к этому миру, то есть любой чужак, прибывший из-за Сферы. А потому участь каждого из них была предreshена, как только их нога ступала во владения Внутреннего Круга.

Второй Признак гласил: путь Героя начнется с Алтаря Зверя.

И опять чужаки были самыми возможными кандидатами. Какие-то непостижимые надмировые законы приносили их из-за Сферы прямо на Алтарь Зверя, они были просто вынуждены совершать по нему первый шаг. Да, засферники были очень удобными кандидатами, так как само их появление в Теневом Мире Хабуса уже делало их обладателями первых двух Признаков Героя. Но обычно дело этим и ограничивалось. Круг Причастия равнодушно убивал двупризнаковых, а Хабус при этом не нес никаких потерь.

Причиной волнений мага был Третий Признак.

Магия. Светоч принесет с собой магию, нейтрализующую разрушительную Силу Круга Причастия. Как выяснилось, на этот раз дал-рокты сотворили то, чего не делали уже много лет, – магическую ловушку. Возможно ли, что каким-то образом они предвидели появление Героя? Случайность или преднамеренность? Пророчество хасков Вестникам Тьмы более чем не выгодно. Оно убьет их расу с той же вероятностью, с которой даст будущее остальным народам. А значит, тот, кто может стать проводником этого Пророчества, должен умереть, и как можно быстрее.

Дал-рокт напал на чужака, когда тот появился на Алтаре, и тем самым способствовал выявлению Третьего Признака, потому что проиграл. Проиграл не просто дал-рокт, а могучий маг Драхуб, с которым даже он, Гилсвери, побаивался столкнуться в прямом поединке, так

как исход предсказать было невозможно... По всему получалось, что Пророчество неожиданно-негаданно само заявило права на этого чужака...

Кулак Гилсвери с силой опустил на стол, едва не перевернув подпрыгнувший бокал. После этого даже самые заядлые выпивохи протрезвели и, изрядно струхнув, ретировались из трактира в поисках более спокойных местечек, позволяющих употреблять благословенный напиток без досадных помех, чтобы забыть о насущных проблемах хоть на какое-то время...

Гилсвери этого также не заметил.

Пророчество...

Само это слово было для него ненавистно. Как ни парадоксально, он давно уже утратил веру в Пророчество, а возможно, никогда и не имел ее. Сейчас трудно говорить об этом, прошло столько лет после гибели Пенеты, все так изменилось... И образ жизни, и жизненный опыт, и сам мир вокруг. Он стал хуже. И мир, и он сам, Гилсвери.

Пророчество за это время тоже не стало лучше. Оно по-прежнему требовало жертв, и Волшебный Зверь приходил к нему во сне – огромный, непостижимый, гора слепящего Света без определенных очертаний. Хотя у него не было глаз, Гилсвери чувствовал на себе его взгляд – пристальный, взыскующий... И маг просыпался в ледяном поту, а жестокие судороги скручивали в дугу его позвоночник. Спящий Зверь выбрал его своим жрецом, не спрашивая на то согласия. Год за годом маг посылал самых разных чужаков на Причастие, оставляя их в неведении относительно уготованной им участи, посылал одного за другим, давно потеряв счет их жизням, по заведенному Сферой порядку. Посылал на верную смерть, магически лишая воли и собственных желаний... Совесть, превратившаяся в уголи, сострадание, развеявшееся пеплом по памяти прошлого... Он пытался. Честно пытался вернуть себе веру, чтобы обрести хоть какую-то цель в жизни, но каждая напрасная жертва все больше ожесточала душу, в конце концов он очерствел.

Но самое главное – из-за Пророчества погибла Пенета, его законная и любимая жена, и поэтому он не желал о нем слышать от посторонних. Когда чужаки отправлялись в Круг Причастия, он ни на что особо не надеялся. Зверь требовал жертв, и он их получал и будет получать, пока этот проклятый Мир Уходящего Света, как именовали его дал-рокты, медленно, но неотвратимо идет навстречу Тьме, растворяясь в ее разрушающих объятиях...

А тут этот чужак, Мрак его поглотит...

Факты издевались над ним, а он упрямо не желал верить. Чтобы не лишиться надежды, не нужно ее иметь – это так просто... Зачем тревожить старые душевные раны и думать, что мир наконец сможет измениться. Да и не мог он представить ни одного из этих чужаков-засферников, ни прошлых, ни нынешнего, в роли Светоча, Неистребимого, Избавителя Хабуса. Внутри его все бунтовало против неизбежности появления подобных чужаков в его мире. Не надо быть провидцем, чтобы понять: что им до проблем Теневого Мира? Зачем он им? Они слишком далеки от всего, что близко и понятно ему, хааскину, истинному сыну своего мира, и, даже находясь на пороге смерти, они все равно мысленно пребывают в своих мирах, в присущих им чаяниях и заботах.

Он поднес к губам в очередной раз наполненный Билоком бокал и привычно опалил горло небольшим глотком терпкого пенящегося напитка. Он привык за эти годы к некоему равновесию, а чужак должен был его разрушить. Мог дать надежду и убить ее, снова не исполнив предначертанного, мог вернуть ту иссушающую боль, что ломала его почти шесть десятков лет назад и до сих пор время от времени натягивает нервы подобно раскаленной проволоке. Пенета... Она так любила свой мир, что не смогла остаться в стороне. А он... Он любил ее больше жизни и все-таки не смог, не успел предложить Кругу Причастия свою жизнь вместо ее...

Гилсвери опустил веки, касаясь их напряженными пальцами.

И все-таки, все-таки... Такого сильного кандидата не было уже добрую сотню лет... Да, ровно сто лет, что само по себе наводило на определенные мысли. Тогда шел 2621 год от Пришествия Зверя и тоже были все Три Признака, но Герой погиб. Роковое стечение обстоятельств. Погиб из-за того, что не был предупрежден и соответствующим образом не подготовился к Причастию... Опять же, если он его предупредит, ему уж точно не видать чужака в Круге, ведь кто решится на такое добровольно? Только идиот... Или Светоч... Гилсвери горько усмехнулся. Острая необходимость что-то для себя решить, что-то придумать, болезненно ела печень. Шанс был велик как никогда. Несмотря на отчаянное нежелание участвовать в Пути Пророчества, Гилсвери чувствовал, что на этот раз ему все-таки придется приложить руку к этому делу более основательно, чем раньше... Тот факт, что засферник прибыл по собственной воле – отыскать сородича, четырнадцать лет назад сумевшего добраться только до Неурейи, не давал ему покоя. Каким-то образом засферник смог найти путь в мир Хабуса, что лишний раз говорило о его необычной Силе.

И Гилсвери решился. Ради светлой памяти Пенеты. Чужак должен был добраться до Круга, чего бы это ему ни стоило. Только там может выясниться, тот ли он, кто нужен этому умирающему миру. И если все-таки не тот, его ждет смерть. Дал-рокты ведь тоже могут ошибаться.

Гилсвери отставил бокал, жестко провел растопыренными пальцами по лицу, сбрасывая напряжение. Взгляд его остро скользнул по залу. Лекс терпеливо ожидал указаний возле стойки, коротая время за разговором с Било-ком, так как больше говорить было просто не с кем – все посетители разбежались. Нетрудно было догадаться, что послужило тому причиной, но по этому поводу маг не испытал ни малейших эмоций. Сейчас ему было не до подданных. Сейчас, возможно, в его руках была судьба всего Хабуса. Гилсвери едва слышно щелкнул пальцами, и через мгновение «неистребимый» стоял возле его столика, всей своей позой выражая готовность к действию, в чем бы оно ни заключалось. В отсутствие сотницы Лекс исполнял ее обязанности, и делал это толково.

– Лекс, мальчик, кое-что произошло. Чужак – засферник. Причем засферник, ускользнувший от дал-роктов, поэтому вскоре следует ожидать их под стенами Сияющего. – Слова тяжело падали вниз, словно опустевшие глиняные бокалы со стола, неловко сброшенные рукой накачавшегося по макушку выпивохи. От своих «неистребимых» у Наместника никогда не было секретов, что только увеличивало взаимопонимание между ними и заставляло воинов служить ему с наибольшим рвением. Глаза Лекса расширились от изумления, но он не проронил ни слова, продолжая слушать мага с предельным вниманием.

– Крепостную стражу и Стальную дружину придется привести в полную боевую готовность, но сделать это надо по возможности тихо, незачем раньше времени тревожить народ. Дал-рокты могут и не объявиться здесь, а сразу пойти по следам чужака...

– А как же Онни, – непроизвольно вырвалось у Лекса, по уши влюбленного в свою начальницу, как, впрочем, и вся дружина «неистребимых» – три десятка тертых, закаленных в сражениях мужиков, – так что тревога в голосе воина была неподдельной. – Она же там совсем одна, с этим...

– Тихо, Лекс. Ничего с Онни не случится, я пекусь о ней не меньше твоего. До границы нубесов немалое расстояние, но они непременно успеют – поверь моему чутью, я редко ошибаюсь, и ты это знаешь. Тем более что сначала след чужака должен привести дал-роктов в наш город.

– А если Вестники разделятся? Если часть Вестников направится сюда, а остальные рванут к нубесам, чтобы уж наверняка надрать задницу засфернику?

– Выбирай выражения, парень. – Голос мага стал строже, он пристально взглянул в глаза рослого подсотника, волевым усилием приглушая его тревогу. – Но мысль дельная, голова у

тебя работает. Недаром ты в заместителях у Онни. И все же они успеют. Я не оставлю их без своей помощи. А сейчас иди, буди воеводу. С энвентами я поговорю сам.

– Хорошо, светлейший. Я все сделаю! – Лицо дружинника прорезала белозубая улыбка облегчения. Затем Лекс резко приложил ладонь к груди и выбежал из трактира.

Наместник помотал головой, словно отгоняя наваждение, глубоко вздохнул. Лекса он смог обмануть, а себя вряд ли обманешь. Он слишком долго думал. Надо было самому отправиться с засферником, но нерешительность его остановила. Теперь оставалось надеяться, что, прежде чем он достигнет границы нубесов, с неожиданной опасностью тот справится сам, если таковая возникнет... А может быть, будет лучше, если засферник не доберется до нубесов? Слишком большие проблемы он принес с собой в этот мир... Гаденькая, малодушная мысль. Ведь он уже послал Онни. Да, надо спешить, еще есть возможность поправить дело. Вот только оставлять город на энвентов, не поговорив с ними, не следовало, а это тоже займет время.

– Билок! – гаркнул Гилсвери. – У тебя найдется кувшин побольше?

– Как не быть, светлейший!

– Отнесешь в Башню Сбора. И ужин на троих.

– Будет исполнено, свет...

Наместник его уже не слушал, направляясь к выходу.

Трактирщик торопливо шмыгнул на кухню, оттуда через люк – в погреб. Ни большой рост, ни внушительная комплекция не мешали ему двигаться с ловкостью подростка, чем Билок гордился особо. Для Наместника кувшин всегда найдется. Сколько угодно кувшинов. Жратва тоже будет в лучшем виде. Он, Билок, уж постарается, с радостью проявит все возможное усердие. Завистники ведь спят и видят, чтобы Наместник сделал с их убогими забегаловками то же самое, что и с его трактиром, чтобы и к ним маны потекли рекой, да вряд ли дождутся. И пусть сегодняшний вечер не оправдал его ожиданий – это ничего, хороших вечеров на его долю хватит, а всех денег все равно не заработаешь...

9. Ночная дорога

Дорога с дробным топотом развевалась под копытами дракхов.

Холодный встречный ветер нес с собой сырость прошедшего ливня и букет специфических запахов, присущих природе незнакомой планеты. Небо было сплошь затянуто черным бархатным покрывалом без единого проблеска звезд, и по всем человеческим меркам над землей стоял мрак кромешный.

Но Злыдень, судя по уверенной поступи, прекрасно видел в темноте, да и серый дракх моей спутницы тоже бежал бодро и уверенно. Ночь наших зверей ничуть не беспокоила, это у хааскинов из Сияющего Города на все, связанное со светом, был прямо какой-то бзик. Обращение к равному – светочтимый, к Наместнику – светлейший, приветствие и прощание – «да пребудет с тобой Свет», напиток – «светлый» дронтум, даже у города название – Сияющий. Я усмехнулся. А все скверное, естественно, связано исключительно с темнотой. И с черным цветом (я уже заставил свой плащ стать таким же серым, как и одежда спутницы). Правда, следует признать, что проблема с недостатком освещения у них была решена неплохо. Например, магические светильники в трактире. Да и над центром города висел светящийся шар весьма приличных размеров, вполне заменяя природный спутник. Так что горожане вполне могли бы разгуливать и ночью без особого риска споткнуться на неровном месте, если бы не ливень, разогнавший всех по домам.

Думаю, я видел в темноте не хуже своего чарса. Глаза подстраивались к любому освещению. Говоря откровенно, меня можно было считать не совсем «человеком» с тех самых пор, как судьба связала меня с искусством Лешу, но о неприятном я предпочитал не задумываться. С некоторых пор... В общем, я видел не только вымощенную серыми прямоугольными брусками дорогу, но и щели между этими брусками.

Вымостить дорогу хорошо обработанным камнем... Я прикинул, сколько сил, времени и средств на это нужно было потратить. Серьезное достижение для столь примитивного общества. Наверное, без пресловутой магии не обошлось... *«Каменит, – подсказал эмлот, настроенный на интерактивный режим. К этому времени он успел перевести содержимое слепка памяти с мозга Гилсвери в удобочитаемую базу данных. – Материал, получаемый из особой породы местного дерева, называемого камнелюбом. После вырубki древесины камнелюба должна пройти необходимую обработку в течение трех декад, по истечении этого срока она окаменеваet и служит неограниченно долго».*

Неплохо. Прямо скажем, неплохо. Если бы в моем мире не использовали материалы покруче, то подобная идея меня бы заинтересовала.

Я покосился на спутницу и на всякий случай справился у эмлота об ее более точном статусе. Онни Бельт, чин – сотница, возглавляет дружину «неистребимых», отряд телохранителей Наместника, под началом тридцать опытных воинов, заместитель – Лекс Хитрован. Искусна во владении мечом, кроме того, эрсеркер, как и остальные воины дружины...

Эрсеркер? А это с чем кушать?

Эрсеркер (эре) – низшая категория выпускников магической школы (Дом Пресветлого Искусства), не проявивших особых способностей при прохождении начального трехгодичного курса теоретического обучения – первой ступени. По желанию поступают на вторую, шестилетнюю ступень или перекалфицируются в особую касту воинов, или покидают Дом навсегда. Обработанные мастерством и силой магов-учителей, эрсеркеры приобретают иммунитет к направленным против них заклинаниям до третьего уровня Силы, кроме того, получают навыки владения минимальным набором заклинаний защиты и нападения...

Стоп, стоп, остальное потом. Этому эмлоту только дай волю, всю «оперативку» забудет. Значит, не стражница, как я окрестил ее про себя вначале, а, как теперь выяснилось, дружинница. Впрочем, большой разницы нет – что так, что эдак.

Онни скакала справа, и так как дракх хааскинки был сантиметров на сорок ниже моего Злыдня, весьма выдающегося своими достоинствами зверя, мне приходилось смотреть на нее сверху вниз. Интересная женщина... Внешне она сильно отличалась от жителей Сияющего – сплошь рыжих и бледнокожих. Готов поспорить с кем угодно, что она не хааскинка, похоже, на этой планете пруд пруди самых различных рас – человеческих и чужих... «Кордка, – снова подсказал эмлот, – *уроженка макора Кордос*». Угадал. На мой взгляд, ей можно было дать примерно тридцать-тридцать пять межлет. Кончики волос сотницы, выглядывающие из-под низко надвинутой шляпы-колокола (*илемник*, шепнул эмлот) были желтоватыми, как сухой речной песок, а гладкая кожа лица и шеи отливала светло-желтым янтарем. Под плотным и тяжелым дорожным плащом из грубой серой шерсти угадывалось крепкое, отлично сложенное и явно закаленное физическими упражнениями тело, к тому же, несмотря на суровый образ жизни, весьма женственное. Внешностью сотницу Небо также не обидело: высокие тонкие брови вразлет, изящный прямой нос, безупречные правильные линии скул и подбородка. Большие темно-зеленые глаза... и полнейшее равнодушие к происходящему, словно эту женщину кто-то основательно выхолостил от любых проявлений эмоций. С самого начала совместной гонки она не проронила ни слова. Раньше ей мог мешать ливень, но он уже кончился, а сейчас мешала разве что только собственная неразговорчивость, которую она продемонстрировала еще в трактире. Впрочем, будем справедливы – скачка сама по себе не слишком располагает к беседе... И все-таки немного странно. По идее, я совершенно новый человек в этих местах, а у нее ко мне никакого любопытства. И она не притворялась. Я не дал бы себя обмануть: эмоции простых смертных были для меня открытой книгой. Складывалось впечатление, что я был для нее явлением настолько временным и мимолетным, что не стоило тратить на меня усилий. Возникал естественный вопрос: почему? Надо заметить, я не люблю неясностей. С какого бы края к этому подступиться... В эмлоте наверняка есть разгадка странного отношения, но нужно еще задать правильный вопрос... Без труда уловленная еще в Сияющем незримая связь, натянувшаяся между Наместником и его телохранительницей подобно упругой тетиве, говорила об очень близких отношениях этой парочки. Тем не менее Наместник пошел на риск потерять сотницу, если дал-рокты все-таки перехватят нас до Нубесара. Нетрудно сделать вывод, что только какие-то далеко идущие и, несомненно, исключительно важные планы относительно моей особы могли заставить Наместника поступить подобным образом. Что такие планы имеются, я понял еще в трактире. Наместник не лгал, рассказывая о дал-роктах и проблемах, связанных с этим племенем, но и не говорил всей правды. На ложь у меня чутье было особенное. Как бы не скрывал человек своих намерений, его всегда выдаст собственная аура. Поэтому ложь для отвода глаз Наместнику не удалась – мой предполагаемый подопечный, Остин Валигас, был мертв.

Ну что ж, с этого и начну, проверю информацию о Валигасе. А затем неплохо бы понять, что известно магу о светопоглощающей сфере над планетой. Главное – зацепиться за нужный кончик ниточки, а дальше клубок начнет разматываться сам собой...

Развертка мыслеблока началась сразу же после запроса. И меня совсем не удивило, что я угадал. Остина Валигаса действительно не оказалось в живых. По сведениям Гилсвери, он был убит еще четырнадцать лет назад в городе Неурейя, принадлежащим макору Кордос. Чему свидетельницей была Онни Бельт. Погоди-ка, а какого Зла она там оказалась с Валигасом? Слишком подозрительное совпадение... *Сопровождение. Цель? Доставить к Кругу Причастия. Что такое Круг Причастия? Ключ к пробуждению Волшебного Зверя. Волшебный Зверь? Ого! И с чем же его есть? Некорректно.* Понятно, с чувством юмора у эмлота слабовато. Волшебный Зверь, полная информация!

И эмлот выдал.

Клубок размотался и навертел такого, что меня прошибла жаркая испарина и голова пошла кругом. О Небо, только этого мне не хватало для полного счастья... Долбаный маг с его долбаным пророчеством... Недаром, как только я заикнулся о Валигасе, он сразу ухватился за предоставленную возможность направить меня в Неурейю... Оттуда меньше половины пути до Круга Причастия. Собственно, только поэтому меня и впустили ночью в Сияющий – чтобы направить по Пути... Ими двигало вовсе не гостеприимство, так что зря я радовался, что народ попался такой... радушный.

Мысленным шелчком по одной из строчек развернувшегося перед глазами меню сиглайзера – «Фарргет, размышления о жизни» – я запустил трехчасовую музыкальную композицию, спокойную, сильную и глубокую. Глобула Фарргета была одной из самых моих любимых. В самый раз, чтобы немного успокоиться...

Мерзавцы.

10. Башня Сбора

– Дай-ка я обмозгую все, что ты нам сейчас рассказал. Хочу все понять правильно – дело серьезное. Итак, первые два Признака налицо, и чистота обоих не подлежит сомнению. Этот чужак не из шальных сорвиголов, которые, обожравшись хмельником, воображают себя Освободителями только потому, что их по дури занесло помочиться на Алтарь Зверя...

Олсен Желтоглазый – мужиковатый, кряжистый на вид маг, чем-то смахивающий на комель столетнего камнелюба, которому на первый взгляд больше пристало бы ходить за плугом по пашне, чем возиться со сложными заклинаниями и управлять городом, – заложив руки за спину, неторопливо расхаживал взад-вперед по залу библиотеки, воинственно выставив короткую бороду. Но вся его кажущаяся простоватость мигом исчезала, стоило только взглянуть в его глаза, желтыми угольями тлеющие глубоко в глазницах. Сразу становилось ясно, что этот хааскин – Мастер, и Мастер не из последних.

– Чужак из-за Сферы не может знать легенды, а само появление засферников в Теневом Мире Хабуса, как мы знаем на опыте, является чистой случайностью. Никто из них понятия не имеет о нашем мире, пока не появится здесь. Конечно, первые два Признака для засферника выполняются сами собой, и мы уже не раз сталкивались с этим, но потом подобные «герои» благополучно проваливали свою миссию. Теперь же дело пошло несколько иначе, так как за поимку засферника взялся сам Драхуб. Так? Как мы знаем, дал-рокам тоже прекрасно известно наше Пророчество, и в их интересах его не допустить, ведь это будет означать их гибель или быстрое вымирание, если они не смогут провести очередное изменение расы – в обратную сторону, чтобы вернуться к Свету. Дал-рокты попытались захватить засферника, и им это не удалось. Более того, он одолел мага Вестников Тьмы, сильнейшего после самого Владыки Икседуда, мощь которого не поддается постижению. То есть чужак справился с магией, не знаю уж каким способом, и тем выявил Третий Признак... А как, кстати, ему это удалось? Очень хотелось бы узнать. Мои скромные силы на это не рассчитаны.

Олсен Желтоглазый остановился и вопросительно уставился на Наместника, молча внимавшего его разглагольствованиям, сидя за столом в компании с Кетрамом, которого народ Хааскана не зря прозвал Пламебородым. Борода Кетрама была не просто рыжей, как у любого истинного хааскина, – она «горела», непрерывно источая ровное слабое свечение, а при необходимости могла метать жгучее смертоносное пламя прямо на врагов. Единственным безбородым магом был сам Наместник, за что его народ негласно величал Гладколицым, но мало смельчаков решалось произнести это прозвище вслух при свидетелях. Не из страха быть наказанным магом – сами горожане враз бы накостыляли по шее пустобреху. Наместника народ уважал и любил, никому не позволяя насмешек над своим правителем.

Олсен Желтоглазый, Желтый Мастер и Кетрам Пламебородый, Красный Мастер, являясь полноправными ахивами (правителями) отдельных городов – Ясного и Светоносного, были также и главными помощниками Наместника, энвентами правой и левой руки. Обладая даром портала, Наместник связал еще более сотни лет назад три крупных города Хааскана в единую сеть, Связку. Маги могли ежедневно общаться между собой, переходя из города в город как из комнаты в комнату, а потому и правление этих трех городов было общим и каждый выполнял часть определенных обязанностей, не распляясь на все сразу. Олсен Желтоглазый считалсялевой Рукой Наместника и следил за соблюдением законов Связки, контролировал тюрьмы, суд и исполнение приговоров. Естественно, все это он делал не сам лично, а с помощью армии собственных помощников в трех городах. Кетрам Пламебородый, Правая Рука, ведал казной и армией и обязан был по первому тревожному сигналу перебросить необходимое количество войск в любой из городов Связки. Поэтому никто из соседей, ни ближних, ни дальних, не торопился нападать ни на один из этих городов, ограничиваясь лишь мелкими пограничными

набегами. Никому не улыбалось испытать всю мощь Хааскана в первой же стычке. При набегах же на другие города в ближайший к месту нападения город Связки перебрасывались регулярные войска из остальных и спешили на помощь. Так что враг всегда получал по зубам и несолоно хлебавши убирался восвояси.

Совещания сильнейшие маги Хааскана обычно проводили в библиотеке Башни Сбора, расположенной в центре Сияющего, как, например, сейчас, и на эти совещания было принято появляться в цветах своих магических приоритетов. На плечи Олсена был наброшен желтый плащ, Кетрам щеголял в красном ксомохе, просторном одеянии до колен из теплой водоотталкивающей ткани, а сам Наместник вырядился во все фиолетовое, вплоть до сапог. Цвета говорили об их основных, изначально заложенных в их сущностях магических способностях, а приобретенные в течение жизни трудом и упорством и зачастую пересекающиеся в счет не шли. Так, основа магии Кетрама Пламебородого состояла в глубинном владении силами огня со всеми вытекающими отсюда явлениями, а Олсен Желтоглазый отличался необыкновенно мощным даром управления светом и был способен создавать магические светильники гигантских размеров – как, например, Бошар, главное магическое светило Сияющего, подвешенное с помощью той же магии над центром города и способное работать в двух режимах – дневном и ночном, одаря хааскинов светом, который отняла у них Сфера. А также обладал даром внушения, просто и естественно заставлял народ прислушиваться к своим словам, действуя на подсознательном уровне во благо поставленной цели. Наместник, Фиолетовый Мастер и сильнейший маг Хааскана, мог сотворить то же, что и они, и почти с той же мощью, но главным его приоритетом было владение силами земли – горные обвалы, изменения лика местности, пропасти и овраги. Умел он также создавать долго действующие порталы, вроде порталов Связки, что ценилось весьма высоко, но это умение отнимало невероятное количество сил и применялось только при особой необходимости, да и то – при наличии подходящего по мощи Источника. В Связке, например, оказалось именно три города, а не больше, потому что только на три города и хватало Источника, расположенного под Башней Сбора в Сияющем. В остальных городах Источники оказались столь слабы, что не способны были поддерживать даже один парный портал...

– Так как, Стил? Что можешь сказать по поводу умений чужака? Что-то ты здорово задумался...

Оторвавшись от тяжелых раздумий, Гилсвери медленно обронил:

– Чужак не пожелал об этом разговаривать.

– Чужак не пожелал разговаривать с тобой, Наместником? – охнул Олсен. – И ты не поставил его на место?

– Поверь мне, это была не та ситуация, где я мог диктовать условия. Засферник обладает невероятной по мощи Силой неизвестной нам природы. Поэтому я не стал настаивать на ответе.

– Еще бы, – довольно ядовито хмыкнул Пламебородый, доливая в полупустой бокал «светлый» из кувшина, уже наполовину опустевшего. – Свалить Драхуба... Я о таком только мечтал. Уже за один этот поступок чужаку можно списать его дерзость. Хотел бы я на него взглянуть...

Гилсвери сплел пальцы правой руки в сложном заклинании, произнес несколько ритуальных слов. Посреди зала возник магический силуэт чужака – точная внешняя копия, на которую ахивы уставились с живым любопытством.

– Ого, – пробормотал Олсен, мрачней на глазах. – Да он носит черный цвет...

– Брось, – небрежно усмехнулся Кетрам Пламебородый. – Ты сам не веришь в эту чушь, придуманную невеждами-землепашцами. Черный Губитель, антипод Светоча... Самая настоящая чушь!

– Может, и чушь, да только не стоит сбрасывать со счетов и это предположение, – насутился Олсен, наклонив голову вперед и глядя на собрата-ахива исподлобья. – К тому же из-за этого чужака может разразиться самая настоящая война, если дал-рокты решат, что мы нарушили договор Четырех Рун, приняв его в своем городе. А сейчас не та ситуация, чтобы воевать с Вестниками. Надеюсь, ты не забыл, что на южных границах зашевелились хабидоны. Да и уйдаги, по донесениям разведчиков, готовятся к новым набегам. Их Верховный спит и видит, как бы обложить наши земли данью, а после удара Вестников мы станем легкой добычей даже для самого ленивого. Тем более что Пророчество для этих варваров пустой звук, и призыв к единению для борьбы с общим врагом на благо мира пролетит мимо их волосатых ушей, как стрела, выпущенная в небо.

– Не такой уж и легкой. – Пламебородый тоже невольно помрачнел после слов Олсена, оставив на время свою обычную язвительность. – Хааскины никогда не были легкой добычей. Не спорю, при прямом столкновении с дал-роктами мы понесем огромные потери. Но эту битву мы выиграем. Сейчас мы сильны как никогда: десятки искусных магов, сотни эрсеркерров, тысячи хорошо обученных воинов. Дал-рокты не смогут нас уничтожить, как они пытались сделать это сотню лет назад, чтобы полностью контролировать Алтарь Зверя. Не удалось тогда, а сейчас не удастся тем более. Скорее, мы сами их всех положим, если они сунутся на нашу территорию. И если вас интересует мое мнение, то чужаку просто необходимо помочь в полном соответствии с Верой наших предков. – Пламебородый покосился на Наместника. – Если ты, конечно, прав, Стил, насчет Силы чужака.

Гилсвери скупно усмехнулся:

– Думаю, что да.

– В таком случае даже нарушение договора Четырех Рун меня не остановит, – воинственно заявил Пламебородый.

– Мне бы твой оптимизм, – хмуро проворчал Олсен, подходя ближе к своему краю стола, где его дождался почти забытый бокал со «светлым» дро. Событие обсуждалось нешуточное, и ему было не до выпивки, но вот горло что-то пересохло от речей. – А по мне, если мы сейчас пойдем на поводу у Пророчества, то, вне всякого сомнения, поставим себя под удар.

– Да ты понимаешь вообще, что говоришь, Желтоглазый? – Кетрам неожиданно вспыллил и грохнул своим бокалом по столу так, что едва не разбил его. Содержимое не расплескалось только по причине почти полного его отсутствия, а с рыжей бороды посылались красные искры. – На поводу у Пророчества?! Да Хабус больше ста лет ждал того момента, когда снова появятся Три Признака, и такой шанс спустить дракху под зад? Ты, проклятый еретик...

Олсен от такой вспышки даже забыл, что тянулся к бокалу. Кустистые брови сошлись над переносицей, как два противоборствующих войска, а глаза под ними сверкнули нестерпимо желтым огнем, едва эти брови не опалившим.

– Да ты сам подумай, голова ты каменитовая! – Тон Желтоглазого тоже повысился. – Три Признака есть, не спорю, но древнего знамения пока так и не последовало. Надеюсь, ты еще его не забыл? «Когда Спящий проснется»? Только тогда в Теневом Мире появится Светоч!

– О чем ты говоришь?! Семь сотен лет слишком много даже для такого легендарного мага, как Спящий, и, скорее всего, забвение, в которое он впал по собственной воле, уже необратимо! Спящий уснул навечно, поэтому не стоит брать его в расчет!

– И после этого я еретик?!

– У вас нет повода для спора, ахивы.

Ровный голос Наместника прервал перепалку магов. Разгоряченные несходством точек зрения, они выжидающе уставились на Гилсвери, каждый желая увидеть в нем своего сторонника. Гилсвери усмехнулся. Видел бы сейчас кто этих героев, ссорящихся, как малолетки. Гроза и гордость Хааскана. Ну что ж, он дал им время высказаться и узнал их мнение насчет чужака, а теперь пришло время сказать свое слово.

– Чужак уже час как двигается по дороге к Нубесару. Дал-роктам нет смысла нападать на Сияющий. А если они все-таки сюда сунутся, мы укажем им направление, по которому ускакал чужак. Пусть догоняют. Что же до договора Четырех Рун, то нет причин считать его нарушенным. Если ловчий маг не смог захватить засферника, то это его личная проблема, никак не касающаяся договора.

– Дал-рокты могут решить иначе, – не согласился Олсен Желтоглазый. После слов Наместника он с видимым облегчением на лице зашагал по залу, вновь забыв про бокал. Большая часть угрозы со стороны дал-роктов была отведена от Сияющего блестящим ходом Верховного Мага. По крайней мере, для него, Олсена, этот ход был блестящим, а Пламебородый пусть думает, как хочет.

– Возможно, – Гилсвери коротко кивнул. – Нам остается только ждать, как будут развиваться события.

– Та-ак, – протянул Кетрам Пламебородый, недобро покосившись на Наместника, сидевшего за столом справа от него. – Что-то я тебя не пойму, Стил. Ты отправил кандидата одного в ночь, не посоветовавшись с нами? Тогда зачем ты нас здесь собрал? Чтобы сообщить о своих блестящих действиях?

– И правильно сделал, – довольно проговорил Олсен Желтоглазый. – Чтобы нас собрать, нужно время, а времени, учитывая данные обстоятельства, не было. Выкрутится как-нибудь. Светоч все-таки, как-никак. Справится и один.

– Кандидат в Светочи, – хмуро поправил Пламебородый. – Что-то ты чересчур радуешься, толстяк. Тебя что, судьба Хабуса вовсе не волнует?

– В первую очередь меня волнует судьба моего народа, – огрызнулся Олсен. – Ты готов рискнуть благополучием города, жизнью людей, которых ты знаешь лично, сейчас, ради неизвестного далекого будущего, до которого ты, возможно, просто не доживешь? Стил поступил правильно. Теперь мы можем спокойно решить, что нам делать дальше и как чужаку помочь. Один он и в самом деле может не справиться... незнание местности и Закона Равновесия может навлечь на него много неприятностей...

– Он не один. В качестве проводника я дал ему Онни.

Оба ахива в немом изумлении уставились на него. О близкой связи Наместника со своей телохранильницей не знал разве что глухой и слепой.

– С чего это ты решил пожертвовать своей лучшей...

– Стоп. – Гилсвери положил ладони на стол и властно выпрямился. – Лучше послушайте меня. Да, я пошел на огромный риск, не придав чужаку мощный отряд охраны, отправив его только со своей лучшей из «неистребимых». Но чужак, сопровождаемый отрядом воинов, непременно привлечет пристальное внимание всех многочисленных недругов Пророчества, а уж те не замедлят вмешаться и приложат все силы, чтобы уничтожить его. Вдобавок приданный для сопровождения многочисленный отряд насторожил бы самого чужака, так как я ясно дал ему понять, что не собираюсь рисковать своими людьми ради него. Я обрисовал ему ситуацию с дал-роктами, после чего он согласился, заметьте, добровольно согласился убраться из Сияющего ночью.

– Еще бы, – язвительно усмехнулся Пламебородый. – Ты же не объяснил ему, что по ночам у нас ни один здравомыслящий человек в путь не отправится. Что стены у города построены не только для защиты от Вестников... – Он недовольно заглянул на дно вновь опустевшего бокала, но за кувшином больше не потянулся, решив, что с него на сегодня хватит. В голове уже прилично шумело. – И парень, благородная душа, решил избавить Сияющий от неприятностей... Нет, он мне определенно нравится. Впрочем, раз с ним Онни, то как-нибудь отобьются от нечисти, тем более что в прошлом году мы неплохо проредили ее в наших лесах... Договаривай уж до конца, Стил. Чую, что Онни ты неспроста послал с засферником. Решил

передать бразды правления кому-то из нас и отправиться следом? Не сотница же будет ограждать его от Закона Равновесия, она всего лишь эрсеркер.

– Ты всегда отличался буйным воображением, Пламебородый. – Олсен хмыкнул. – Путешествовать по дорогам, как простому хаску...

Гилсвери поочередно глянул на обоих ахивов. Его пронизывающий взгляд невольно заставил их поежиться, а Олсена – озадаченно умолкнуть.

Кетрам удивленно хмыкнул. Неужто угадал? Ведь в шутку было сказано...

– Ты прав, Кетрам. Я отправляюсь за чужаком. Если дал-рокты прикончат и этого засферника, то следующего я могу не дожидаться до конца своей жизни. Я ведь уже скоро на третью сотню перейду, возраст, Мрак его забодай. Мы тоже не вечные, хоть и Мастера. Если я упущу такой шанс для Хабуса, то никогда себе этого не прощу.

Наместник поднялся из-за стола.

– погоди, – попытался остановить его Олсен Желтоглазый. – Что это ты задумал? Ты не можешь сейчас оставить Сияющий! А если дал-рокты не поверят, что чужака у нас нет? Без твоей Силы нам не обойтись.

– Поверят, – спокойно отмел возражение Гилсвери. – Владыка Колдэна наверняка уже вернул к жизни Драхуба, а тот учует след чужака не хуже лысуна. Ловчий маг не успокоится, пока не отомстит, так что ему будет не до Сияющего. Да и вы вдвоем, в случае чего, вполне можете заменить меня одного, нечего приbedняться. Тем более что защитные заклинания города я уже привел в полную боевую готовность.

– Но один! – продолжал протестовать Олсен, неподдельно озабоченный намерениями Наместника. – Как ты можешь отправиться совсем один?! Кетрам, что же ты молчишь?

Но Кетрам Пламебородый лишь одобрительно улыбался в густую бороду. Он поступил бы так же.

Гилсвери тоже чуть заметно улыбнулся, усилием воли сбрасывая напряжение. Вечно Желтоглазый пытается проявить о нем отеческую заботу, хотя по возрасту годится ему разве что в далекие правнуки – ведь ахиву не больше ста лет.

– Успокойся, Олсен. Я возьму с собой Лекса.

– И все? Ты же Наместник Хааскана, а отправляешься в путь как какой-нибудь безродный хаск...

– Ты уже забыл, что было сказано? Большой отряд всегда привлекает внимание. А два путника – это всего лишь два путника. Я поеду тайно. Никто не должен знать, что я покинул Сияющий. Это твоя забота, Олсен. Если будет необходимо, наденешь на себя мою личину, чтоб ни один хааскин ничего не заподозрил. На этом все. Пожелайте мне Света и Добра – и к делу, ахивы.

11. Легенда

Вы знаете, как возникают магические планеты?

Я наконец узнал. Весьма, весьма занимательная история. Все происходит гораздо проще, чем можно вообразить. Самая обычная планета может быть преобразована в магическую – для этого достаточно, чтобы своим присутствием ее почтил некий Волшебный Зверь. Действительно просто, да? Не могу обойтись без ерничанья, но по представлениям Наместника некая вселенская тварь путешествует по космическим просторам и время от времени останавливается для отдыха в каком-нибудь из приглянувшихся ей миров. И засыпает на какие-то несколько тысячелетий. Пара пустяков. Бесполезно пытаться описать облик этого вселенского создания, потому что в каждую следующую секунду оно иное – то громадное и необъятное, как мир, со шкурой из клубящейся тьмы, гасящей самые яркие звезды (поразительно, но ни разу в жизни не видав звезд, постоянно скрытых покровом Сферы, маг тем не менее был знаком с устройством Вселенной), то крошечное как песчинка. Впрочем, вид Зверя абсолютно не имеет значения. Важно, что он якобы существует, и его поиски Места не окончатся никогда, по крайней мере, пока существует Вселенная. Но, предположим...

Предположим, что вот он уже устал от долгой прогулки. Вот он осмотрелся, просканировав окружающее космическое пространство сотнями немислимых излучений, и выбрал планету. Следует заметить, что ему подходит далеко не каждая. В том или ином виде на этой планете должна существовать разумная жизнь, наделенная воображением, причем последнее условие строго обязательно! Что за скука спать несколько тысячелетий и смотреть лишь свои собственные сны! Нет, Зверю подавай сны чужие. И Зверь, довольно урча, а может, и не урча, а совершенно беззвучно – кто их знает, этих волшебных тварей, – сворачивается в уютный клубок и засыпает на какой-нибудь равнине (или в дремучей, непроходимой чаще леса, или в высоких горах на неприступном плато, под злой вой ветра). Зверь засыпает примерно на столько же тысячелетий, сколько длилось его путешествие, и колоссальная, непостижимая, необъятная мощь этого существа самим своим присутствием создает вокруг избранного Места (в нашем случае – планеты) Сферу магической ауры. Сон его длится долго. Опасно долго. Потому что магическая аура со временем становится все плотнее и плотнее, пропуская все меньше истинного Света вниз, поглощая этот Свет для самого Зверя, забирая его у жаждущей развития природы и существ, обитающих в данном мире. Флора и фауна планеты постепенно скудеют, а иногда, если Зверь просыпается слишком поздно, – гибнут. Но это случается очень редко, так как Зверь прекрасно осведомлен о своей слабости «соснуть» несколько лишних столетий и старается предупредить столь печальный ход событий весьма простым действием – заводит «будильник». Скажем, на пару-другую тысячелетий вперед, с разбросом в плюс-минус сотню лет. И когда звенит «звонок»... Понятное дело, это всего лишь метафора, как и «будильник». С таким же успехом можно сказать – «и когда гремит гром» или – «и когда содрогается земля» (скорее всего, никаких явлений вообще не наблюдается), но, когда звенит этот злосчастный «звонок», мир, в котором спит Волшебный Зверь, создает Героя, который его и разбудит. Вот приблизительно как все это выглядело. И ради этой красивой сказки... По сведениям Гилсвери, почти за три тысячи лет (если быть точным – 2721) спячки Зверя погибло больше народу, чем в любой из войн между макорами. И чужаки из других стран и других миров были лишь скромным ручейком в этой чудовищной жертвенной реке. Слишком много было желающих стать Освободителем по совершенно разным, но вполне человеческим причинам – слава, власть, долг и прочая дребедень. Но если местный люд шел в Круг сознательно, то чужаков завлекали туда без их ведома и согласия. Считалось, что добровольно никто из них не способен пожертвовать собой ради счастья и благополучия жителей Теневого Мира, то бишь, по-местному – Хабуса. Еще бы. Хотелось бы взглянуть на такого идиота. Они верили в своего Волшебного Зверя и

заставляли умирать людей, как я это понимал, в какой-то местной энергетической аномалии, названной Кругом Причастия. Кретины. Сволочи. Патриоты, мать их... Я им такого Освободителя покажу, что кое-кому тошно станет...

Впрочем, ничего я им показывать не буду. Наоборот, сливаю тихо и быстро, пусть сами разбираются со своим «зверским» Пророчеством. А от непрощенной спутницы надо будет отделаться при первом же удобном случае... Таких «гидов» мне не требуется, тем более что дорогу до хкаси-телепорта я и так отыщу. Внутренним чутьем.

Такие вот дела. Меня отправили по тому же пути, что и Валигаса. Как и десятки, если не сотни и тысячи чужаков до меня, слепой игрой случая попавших в этот злосудный Теневой Мир Хабуса. Вот только жернова местного Пророчества смолотили парня куда раньше, чем он достиг Круга Причастия. Несчастный случай. Скорее всего, подстроенный. Так как выяснилось, что у Пророчества есть и сторонники, и противники, которым видеть чужаков в Круге Причастия вовсе не улыбается. Обычная религиозная чушь, которой окружено любое пророчество, причем чушь, поделенная на два абсолютно несогласных друг с другом течения – на Активную веру, Путь сопряжения сил, и веру Пассивную, Путь невмешательства. Сторонники первой, естественно, окрестившие себя *сподвижниками*, считали, что с приходом Светоча, Несущего Свет, Неистребимого, Освободителя, возможен двойной исход для существующего мира – или вернется Свет и жизнь изменится к лучшему, или наступит Последний День мира в случае малейшей ошибки Освободителя. Ошибка же возможна, если Освободителю, выбранному Волшебным Зверем, не хватит сил для осуществления своей миссии. Чтобы этого не произошло, все живущие под Сферой, не щадя собственных жизней, должны оказывать ему любую помощь, какая только будет возможна. И тогда Последний День не придет, а Хабус будет спасен для потомков как Мир Светлый.

Сторонники Пассивной Веры, или *наблюдатели*, тоже полагали, что ошибка возможна, если Светоч, выбранный Зверем, окажется слаб – в таком случае он будет именоваться Черным Губителем. Но вывод из этой предпосылки следовал прямо противоположный – никому и ни под каким видом настоятельно не рекомендовалось оказывать какую-либо помощь кандидату в Освободители, ежели таковой объявится, даже на грани гибели последнего. Ведь погибнет только слабый и сомневающийся, сильный же, истинный Светоч, выполнит свое предназначение при любых обстоятельствах, а значит, мир будет спасен. Так погибнет же слабый, избавив Хабус от ужаснейшей участи!

Вот такой вот бред, тошнотворный до оскомины, с проявлениями которого, в чем я был абсолютно уверен, мне придется вскоре столкнуться как с неотъемлемой реальностью этого мира. Примечание: дал-рокты называли Светоча Миразром, или Губителем по-своему (а также Потрясателем Сферы, сыном Спящего Зверя, Посланцем гибели), так как при любом раскладе Пророчество хасков несло этой расе гибель. Миразр... Само звучание слова, звучание грозное и неприятное, рождало ассоциации с аббревиатурой от Разрушитель Мира. Я попробовал выяснить, в чем дело, и узнал следующее: когда-то дал-рокты были таким же светлюбивым народом, как и хааскины, корды, серые адалаи и прочие человеческие расы, населяющие этот мир. Но несколько сотен лет назад прежний Владыка Колдэна предпринял небывалый шаг – он решил заранее приспособить свою расу к полному отсутствию света, что обещало уже не такое далекое будущее, и произвел с помощью всей доступной ему магии коренное изменение физической сущности дал-роктов. Те далекие дни впоследствии стали известны как Дни Исхода. Владыке этот чудовищный эксперимент стоил жизни, а многие рядовые представители расы, не перенеся изменения, превратились в безумных и кровожадных чудовищ... *Когда обреченные войны дал-роктов были посланы в земли нубесов умирать, а это случилось в Дни Исхода, они унесли немало хитиновых воинов за собой в Вечную Ночь, и тогда два народа превратились в непримиримых врагов. До этого были лишь пограничные стычки, обычные для любого макора, теперь уже – кровная, неугасимая вражда...* Это – цитата из файла. Моя голова к

этому времени, перегруженная лишней информацией, уже отказывалась воспринимать каждое новое понятие в отдельности, так что ограничусь общими местами.

Понятно теперь, почему маг был так уверен в моей безопасности, если я успею добраться до Нубесара. Понятно также, что дал-рокты не смирятся с моим присутствием в Хабусе, пока не уложат меня в могилу. От этой мысли мне стало прямо-таки нехорошо. Нежданно-негаданно я оказался в гуще местных проблем по самое «не хочу», и мне это совсем не понравилось. Никогда не относил себя к любителям острых ощущений. Но руки, к счастью или к прискорбию (это как посмотреть), *уже* были развязаны. Мой подопечный был мертв, а я, соответственно, свободен от всяческих обязательств перед нанимателем. Точнее – просителем, в данном деле я участвовал не за деньги, а из личных соображений. Так что можно было уносить ноги. Вернее, *нужно* было уносить ноги, и как можно скорее. То есть найти хкаси-телепорт и перенестись домой. А парня, конечно, жаль, что тут говорить... Мои способности на несколько порядков выше способностей обычного человека, но повернуть время вспять и я не в силах.

12. Сиглайзер

К тому времени, когда рассвет бросил робкий взгляд в наши края, голая равнина по обочинам вымощенной каменными брусками дороги проросла мохнатыми кустиками, а глобула Фарргета выдала последние аккорды океанского прибоя, и наступила утренняя тишина. Вернее, наступила бы, если бы мы не неслись на дракхах сломя голову.

Еще через пару километров нас окружил лес, пестревший всеми оттенками зеленого, синего и желтого – хоть какое-то разнообразие для глаз после унылой серо-зеленой равнины. Среди растительности преобладали те самые камнелюбы, из которых здесь мостят дороги, – высокие деревья с мощными серыми стволами и широкими разлапистыми кронами с темно-зелеными стреловидными листьями.

Я пребывал в странном состоянии души и тела. Все окружающее казалось каким-то нереальным – лес, дорога, небо, весь мир вокруг. И обстоятельства, вовлекшие меня в это странное приключение, виделись какими-то дутыми, надуманными... А еще меня глодало беспокойство. Отчетливое ощущение сгущающейся над головой опасности покусывало ауру крохотными острыми зубками. Ощущение это не имело отношения ни к предполагаемым преследователям, ни к тому, что ждало меня впереди, здесь было что-то иное, и пока я не мог понять – что... Может быть, само нахождение в этом мире было нежелательным для меня...

Похоже, мое настроение передалось Злыдню – повернув на бегу лобастую голову с острыми треугольными ушами, он косил на меня антрацитовым глазом, в котором горело явное желание подраться с воображаемым врагом. Чуткий зверь. И умный. А еще кровожадный. В общем – боевой, в самый раз для такого странного путешествия... в неизвестность.

Однако что-то уж сильно сосет в желудке, пора принять меры.

Я выудил из внутреннего кармана плаща дубликатор и вызвал из банка данных формулу пищевой гранулы – парочки таких хватало, чтобы унять голод на весь день. Покосился на эрсеркершу, но предлагать не стал. Вряд ли она примет что-либо из рук незнакомца, да и прошло всего несколько часов, как она выехала из города (ее голода я не ощутил), а я проболтался натошак целый день и накручивал ночь. Дубликатор вернулся на свое место, а гранулы отправились в желудок наводить там порядок. На отсутствие какого бы то ни было вкуса я привычно не обратил внимания – выбирать не приходилось, да и человек я неприхотливый.

– Что за штука у тебя на виске? Зачем она?

Неожиданный вопрос «неистребимой», донесшийся сквозь дробный стук четырех пар копыт, заставил меня невольно улыбнуться. Про себя. Не удержалась. Все-таки сумел расшевелить её любопытство если и не собственной персоной, то сиглайзером. Фактически она впервые заговорила со мной за время нашего путешествия, и я был не против завязать разговор, чтобы хоть словами заглушить некие тревожные предчувствия.

Я повернул голову и приветливо улыбнулся, встретившись с настороженным взглядом ее зеленых глаз.

– Это сиглайзер. В нашем мире мы научились записывать слова и музыку очень сложным способом на такие вот приспособления... Если есть желание, то могу дать послушать.

– Музыка? – Красивое лицо спутницы осталось непроницаемым, но любопытство ее заметно возросло. Как я уже говорил, все ее эмоции были для меня как на открытой ладони, если они вообще возникали в этой равнодушной душе. – Как может столь малый инструмент издавать звуки?

Я немного подумал и не нашел ничего лучшего, чем сказать все как есть. Столь простой ум просто не воспримет чересчур сложных разъяснений.

– Вряд ли я смогу подробно объяснить, как он работает. Я всего лишь использую эту вещь. Надеюсь, ты меня поймешь. Вот простейший пример – когда ты пьешь в трактире свой дронтум, ты, скорее всего, понятия не имеешь, как он изготовлен.

В косом взгляде, которым она меня одарила после этих слов, явно скользнуло пренебрежение.

– Общие представления мне доступны. Только рецепт изготовления какого-то определенного сорта держится в строжайшем секрете.

Чем-то я все-таки ее задел. Может быть, тоном. Мой статус цивилизованного засранца здесь ничего не значил, так что не стоило разговаривать с ней, как учитель со школьницей. Учту на будущее.

– Вот об этом я и говорю. Отсутствие знаний о секрете рецепта не мешает тебе наслаждаться напитком, не так ли? Так и в моем случае. Я знаю, как пользоваться сиглайзером, но понятия не имею, как он был изготовлен, на каких принципах работает. Что не мешает мне наслаждаться музыкой.

– Что ж, я бы рискнула. Люблю музыку. Но сперва я хотела бы узнать то же, что узнал от сиг... от этой штуки Наместник.

Ах вот оно что. Даже сейчас эрсеркершу Верховного мага прежде всего интересовали вопросы безопасности. Она беспокоилась о своем шефе, которому ночной гость подsunул какую-то неизвестную штуковину. После чего шеф стал весьма нервным и отправил ее в ночь с чужаком, хотя мог поручить это дело и кому-нибудь другому, статусом пониже.

– Я показал ему лишь облик человека, которого ищу. Он тоже заложен в сиглайзер.

– Наместник узнал его? – невозмутимо поинтересовалась Онни, словно ожидала чего-то подобного.

– Да... он сказал, что я смогу найти его в Неурейе, если он жив.

– Я хотела бы взглянуть. Может быть, я тоже его видела?

Я-то в этом не сомневался, но дружиннице незачем было об этом знать. Четырнадцать лет назад, когда Остин Валигас попал в этот мир, ей было ровно двадцать лет, и тогда она еще не была сотницей и особо доверенным лицом Гилсвери. Но и чужак, по мнению Верховного мага, не представлял особой ценности, поэтому он и дал ему в сопровождающие соплячку, всего два года как поступившую на службу. Онни сумела довести Остина только до Неурейи, а там, в банальном поединке с каким-то наемником Гронтом, затеянным из-за какой-то ерунды во время ее кратковременного отсутствия (опять же по мнению Наместника – я ведь пользовался его памятью), он был убит. Тут мне пришло в голову, что я могу увидеть эти события своими глазами, если сниму слепок памяти с мозга своей спутницы. Кстати, очень хорошая идея, будет что представить заказчику по возвращению.

– Погоди немного, я подготовлю сиглайзер для работы с тобой.

Честно говоря, отношение к сиглайзеру этих людей меня удивляло. Обычно представители столь неразвитых сообществ боятся всего нового и непонятного. Но здесь, скорее всего, сказывалась привычка ко всяким магическим штучкам. Не исключено, что у них уже имеются магические предметы, способные запоминать мелодии или облик определенного человека...

Я проверил по эмлоте. И в самом деле имелись. Теперь понятно, что особо удивляться им было нечему...

Я подобрал мелодию попроще: неторопливый ритм, мягкий нечастый бой ударников. В трактире Сияющего музыкант работал на небольшом барабане, которому было еще далеко до настоящих басов, а я не хотел пугать спутницу, какой бы бесстрашной она себя ни воображала. Сарона исполняет красивую романтическую песню о любви, такие нравятся женщинам. Затем, не сбавляя бешеной скорости движения, протянул сиглайзер дружиннице. Выронить я его не мог, кроме моих пальцев прибор цепко удерживало и биополе, ну а если его выронит дружинница, то на этот случай оставалось Лешу. Кругом – беспроигрышный вариант.

– Прижми к виску.

Она повертела кружок сиглайзера в пальцах, внимательно разглядывая его с обеих сторон.

– Любой стороной, – подсказал я, угадав ее замешательство. – И можешь отпустить – он не упадет.

Онни кивнула и, припечатав сиглайзер к виску, осторожно убрала руку. Тот, естественно, остался на месте. Прибор был настроен на индивидуальное пользование, лично для меня, поэтому, пока он находился на любом носителе, я тоже слышал музыку. Мне же пришлось и управлять им на расстоянии, так как спутница управления не знала, а объяснять было слишком долго и сложно. Да и межшрифта, на котором были заполнены строчки меню, она не знала. И я развернул стереому Валигаса перед мысленным взором женщины, внимательно наблюдая за ее реакцией.

Ей понадобилась какая-то доля секунды, чтобы вспомнить часть своего далекого прошлого. Внешне в ней почти ничего не изменилось, самообладание этой женщины было поистине железным, но внутри ее эмоции наконец словно прорвало. О Небо, чего там только не было! Страх, отчаяние, ненависть к убийце Валигаса, мятущиеся отголоски забытой влюбленности в своего бывшего подопечного, чувство беспомощности и застарелой вины за то, что не смогла его уберечь...

Я поспешно погасил стереому и запустил ранее отобранную глобулу, – композиция длилась около двадцати минут, и я дал «неистребимой» возможность успокоиться. Первые же аккорды песни Сароны заставили Онни Бельт забыть о делах давно минувших лет. Она была изумлена до глубины души. Просто не могла поверить, что слышит музыку из этой маленькой штучки. И какую музыку! Уж я – то знал. Оставил ее в покое и занялся собственными мыслями.

Я никак не ожидал такого результата от показа стереомы. Странная штука – судьба... Четырнадцать лет назад Онни Бельт везла человека, чужака из иного мира, на верную смерть в Кругу Причастия и умудрилась в него влюбиться... А если бы они все-таки добрались до места назначения? Остановила бы она Валигаса, нарушив волю Наместника? Или позволила бы ему сделать последний смертельный шаг – в Круг? Сейчас, сопровождая меня, она не испытывала сомнений – сказался жизненный опыт, изменивший взгляд на вещи, – но тогда, когда ей было всего двадцать и душа еще не была чужда романтики... Наверное, для нее было даже лучше, что ситуация разрешилась именно так. Не пришлось принимать решения, которое могло круто изменить ее жизнь... Возможно, именно с тех самых пор в душе дружинницы что-то перерегелo вместе с девичьей влюбленностью, наградив нынешней бесстрастностью... Ладно, я не психолог, нет смысла гадать.

Дорога неслась под копыта, а я рассеянно смотрел вперед, прислушиваясь к звучащему в такт мыслям ритму глобулы Сароны и в который раз решая про себя щепетильный вопрос... Может быть, не совсем этично с моей стороны читать чужую историю жизни с эмлота со всеми глубоко хранимыми тайнами и личными переживаниями, но ведь и они здесь не собирались со мной церемониться. В чужом мире все средства хороши, а излишняя деликатность мало кому помогла сохранить жизнь... Силы Зла, кажется, я стал испытывать чувство вины за то, что разбудил в спутнице столь печальные воспоминания...

Что-то меня отвлекло от самокопания.

Нечто двигалось среди леса параллельно нам по обе стороны дороги. Сверхчувственно настроенное восприятие, мгновенно среагировав на уловленную опасность, развернулось сканирующим паутиным экраном-сетью во всей полноте, накрыв участок местности около километра в диаметре. Спустя какие-то доли секунды я уже обладал необходимой информацией. Множество отдельных живых особей, десятков пять. Какое-то хищное зверье, решившее выяснить, годимся ли мы им в качестве добычи. Судя по ощущениям, весьма голодное зверье.

Злыдень возбужденно тряхнул ушами, громко, с подвыванием, фыркнул, словно желая сбросить надоедливые поводья, снова повернул голову, уставившись на меня блестящим черным глазом, на этот раз – требовательно и азартно. Ему хотелось драки. Этот здоровенный черный парень ничего не боялся, жажда убийства его просто переполняла. Ему нужен был враг. И этот враг наконец появился в лесных окрестностях после долгих часов скучной скачки. Нет уж, парень, меня подобные сопровождающие тоже не устраивали, но я приму свои собственные меры. Надо сказать, что за свою жизнь я повидал немало разных страшилищ: чего стоит хотя бы лорк, хищник, до сих пор живущий в таком цивилизованном мире, как Нова-2, – свирепое, могучее создание, сплошь состоящее из клыков, когтей и панцирной кожи, взрослая особь которого способна разорвать бронированную машину. Цивилизация оттеснила этих зверюг в глубь дремучих лесов планеты, но так и не смогла уничтожить полностью даже спустя три столетия тотального истребления. Я мысленно воссоздал этот образ у себя в голове в цвете, придал твари рост, вдвое превышающий рост моего чарса, добавил адское чувство голода, нестерпимое желание поохотиться и способность к всеядности, а затем послал этот жуткий образ по ментальной паутине.

Сработало, да еще как.

Местное зверье, решившее сопровождать нас в качестве почетного эскорта, бросилось врассыпную. На всякий случай я отследил их продвижение до границ сканирующей сети и, как оказалось, не зря. Несмотря на внушенный ужас, звери не покинули нас совсем, просто держались теперь на почтительном расстоянии. Вероятно, эта местность служила им привычными охотничьими угодьями, и они не желали так просто сдаваться. Что ж, пока они не будут приближаться, меня это устроит.

Двадцать минут, отпущенные на глобулу Сароны, давно прошли, и когда я вернулся на волну сиглайзера, то меня ждал сюрприз. Здесь следует кое-то пояснить. Дело в том, что сиглайзер можно подстраивать под настроение и без программного меню, для этого лишь надо знать об этом. Пожелаешь – и аппарат займется подбором мелодии самостоятельно. Друзинница знать этого не могла, но вслед за отзвучавшей Сароной теперь звучала одна из глобул Шоларса – «Песнь Фанриетты, история о потерянной любви» (мощная композиция, глубоко воздействующая на подсознание). Музыка глобул заставляет переживать так, как если бы эта история случилась именно с вами, вдобавок глобулы Шоларса сопровождаются особенно яркими картинками происходящих событий и развивающихся взаимоотношений главных героев композиции. Я удивленно покосился на сотницу, но не стал ей мешать. Похоже, вошла во вкус. Как бы она ни пряталась за своим безразличием, тема любви ее все-таки волновала. Как и всякую нормальную женщину.

Так мы и неслись некоторое время среди утреннего, пропахшего тишиной леса, внося разлад в лесной покой грохотом копыт, пока я не почувствовал, что в нашем маленьком отряде не все ладно.

Эмоции эрсеркерши вдруг словно сорвались с цепи. Закружились в причудливом хороводе снежной метели, замерли фотосрезом, стеклянисто оплыли. Ею целиком завладело потрясение, навалилось на нее, как многотонный камень, и я ощутил, как сминается ее воля, словно мягкий воск, как темнеет разум, словно костер, заливаемый сильным холодным дождем.

Я резко повернулся. Взгляд Онни остекленел, по щекам текли слезы. Грудь судорожно вздымалась, словно ей не хватало воздуха. Я наклонился, хотел сорвать сиглайзер, но в последний момент передумал. Столь резкий переход никуда не годился. Я поступил иначе – сделал *свой* заказ. Расслабляющее, успокаивающее *темпа*. Глобула для глубокой медитации. Десять минут.

Через некоторое время заострившиеся от внутреннего напряжения черты лица Онни Бельт смягчились, испытанное потрясение, сгустившееся в душе черным давящим комком,

начало постепенно рассасываться. А когда *темпа* закончилось, я запустил боевой марш Скорпионов, наемников с Сонгердана. Взбадривает весьма неплохо, по себе знаю...

Так и произошло. Взгляд женщины прояснился, слезы высохли. Она целиком пришла в себя и какое-то время рассеянно смотрела перед собой на несущуюся под копыта дорогу, уже адекватно реагируя на реальность. Я отвернулся, не желая ей мешать в эту минуту. Щит равнодушия смело с ее души, словно его и не было, он остался только на лице. Но ее спокойное лицо не могло меня обмануть. Я чувствовал ее неловкость и стыд за проявленную передо мной слабость, свойственную женщине, – и не спешил со словами утешения, понимая, что сделаю только хуже. Наконец «неистребимая» повернулась ко мне, задумчиво взглянула, молча сняла сиглайзер с виска и передала мне.

Верховые звери несли нас дальше, не интересуясь нашими проблемами. Я не лез к ней с вопросами, а она не торопилась делиться впечатлениями. Я и так знал, что ей понравилось общаться с сиглайзером, но она все еще была сильно напугана и уже не очень-то и рада, что согласилась на этот эксперимент. Я немного перестарался, предоставив сиглайзер неподготовленному и непосвященному человеку, но я не мог предугадать, что она сумеет сделать заказ под настроение. И еще я чувствовал, что мой аппарат произвел на нее сильное впечатление. В любом случае, ее пробудившаяся от спячки эмоциональность нравилась мне больше, чем то показное равнодушие, с которым она сопровождала меня от самого Сияющего. Сиглайзер привычно устроился на моем виске, но я не торопился копаться в полученном слепке с мозга Онни, пока система не закончит информационную адаптацию. Да и вторгаться в глубоко личное мне показалось сейчас несколько... неэтичным, преждевременным. Злоклятая щепетильность опять подняла голову. Ничего, главное, что память Онни у меня была и картину гибели Валигаса я еще просмотреть успею...

Почувствовал всплеск внимания со стороны эрсеркерши, я безотчетно повернул голову. Теперь она смотрела на меня совсем по-другому – пристально, оценивающе, задумчиво. Мягче. От былого равнодушия не осталось и следа. Ее неожиданный вопрос застал меня врасплох:

– Ты любил когда-нибудь? По-настоящему?

Глубоко же я ее задел, если она решилась спросить об этом меня, не просто постороннего, чужого ей человека, а чужака из совсем другого мира. Я не стал ломаться, придумывая ответ. Просто кивнул:

– Да. Я и сейчас... еще люблю. Наверное.

– Почему же ты оставил ее?

Я ответил прежде, чем сообразил, что же она сказала:

– Она оставила меня раньше... Постой, как ты догадалась?

– Обычно в наш мир попадают те, кто не имеет привязанностей в своем.

– Интересная мысль...

– Она погибла?

Я внезапно разозлился. Не люблю, когда кто-либо касается этой наболевшей темы. Но сдержался, ответил спокойно:

– Просто ушла... давай поговорим о чем-нибудь другом.

– Ты знал Остина Валигаса? Ты был его другом?

– Нет, я никогда не видел его лично. Я знаю его отца.

– Он и просил тебя его отыскать?

– Да.

– Как же тебе удалось... Я хочу сказать, что в наш мир люди из-за Сферы попадают только случайно...

– Долго объяснять. Извини. Лучше скажи, как тебе музыка сиглайзера.

– Эта музыка не для нашего мира, – задумчиво проговорила Онни. – Такая музыка способна убивать и исцелять. Я была не готова к чему-то подобному... Я забыла, кто я такая и где нахожусь, а это опасно.

Глубокомысленное замечание.

– В чем-то ты права, музыка сильная. Но в моем мире такая музыка привычна...

– Лысуны! – вдруг резко крикнула сотница, встрепенувшись, словно гончая, почуявшая дичь. – Надо прибавить ходу, эти твари могут доставить нам множество неприятностей!

Шпоры эрсеркерши с силой впились в чешуйчатые бока дракха, и тот рывком вырвался на полкорпуса вперед. Злыдень с горловым ворчанием тут же сократил разрыв, причем без моего вмешательства. В звере зыграло чувство соперничества. Я снова обострил ментальный слух. Те же самые звери, которых я пуганул раньше, решились-таки подойти ближе, хотя и не так близко, как в первый раз. Ты полна неожиданностей, женщина-воин. С дороги невозможно разглядеть зверей в глубине леса, до их стаи не меньше двухсот метров, выходит, у тебя есть определенное ментальное чутье, сходное с моим. Чутье эрсеркера?

Я вновь сотворил усиленный образ лорка и напустил его на преследователей, красочно и подробно представив, как ловлю одного из них и одним движением жутких когтистых лап разрываю надвое. Из леса донесся вой ужаса. Стая бросилась прочь, удаляясь с поистине феноменальной скоростью для бега по пересеченной местности с препятствиями, а я еще и наподдал им вслед, расширив скан-сеть до трехкилометрового диаметра.

– Как ты это сделал?! – вскрикнула женщина, хватаясь одной рукой за эфес меча и рывком выдвигая лезвие на ширину ладони. – Как ты вызвал эту жуткую тварь?

О Небо, она почувствовала! Мое уважения к ее способностям многократно возросло... Скорее всего, первый раз моего «страшила» ей помешала ощутить музыка сиглайзера, теперь же ее восприятие было открыто.

– Я лишь представил... – Я пожал плечами, внутренне посмеиваясь. – Такие звери водятся в моем мире.

Онни Бельт с лязгом задвинула меч обратно и мрачно бросила:

– Я рада, что не живу в твоём мире.

Причем сказано это было таким тоном, что мне впору было оскорбиться за свой мир, но тут я *уловил* еще кое-что, и мне стало не до обид. У нас появились новые преследователи, только что возникшие на границе действия скан-сети. Я еще немного расширил ее пределы и проанализировал ощущения, сравнивая их с эталоном, полученным ранее при встрече с ловчим магом Драхубом.

Точно.

За нами, примерно в трех километрах, бешено несутся довольно большой отряд дал-роков. Причем они постепенно нагоняли, ведь у каждого из них был такой же чарс, как и подо мной, – боевые собратья Злыдня. А впереди них, словно вздернутое в атакующую позицию копье, неслась жгучая иссушающая злоба. Адресованная лично мне.

13. Застава

Утро выдалось очень холодным.

Ежась под вилсиговым кожухом, Йевелд приподнялся на лежаке, сонно оглядывая полутемное помещение караулки. Из чаши эхолова доносилась множественная ритмичная дробь, пока тихая, но постепенно нарастающая, которая и потревожила его чуткий сон. Кого это несло в такую рань, Тьма их забодай? Не дают отдохнуть нормальному человеку. Впрочем, сам виноват. Заигрался с напарником в чашечки до середины ночи, вот теперь и глаза продрать не может.

Йевелд накинул кожух на плечи и зашнуровал на груди, затем пристегнул оружейный пояс с мечом. Места здесь были беспокойные, совсем под боком – граница владений дал-рокетов, и хотя те много лет уже не беспокоили земли Хааскана, но береженого Свет Истинный бережет. Да и лысуны, любители человечинки, постоянно в округе шастают, эти мерзкие твари только острую сталь и уважают.

На соседнем лежаке заворочался напарник, высунул из-под кожуха патлатую голову и хрипло пробормотал в рыжую спутанную бороду, скрывавшую лицо едва не до бровей:

– Обоз, что ли?

– Тебе бы только о жратве думать, Крашен. Уши раскрой. Несутся во весь опор, словно Вестники у них на хвосте висят. Как бы не гонец самого светлейшего, этот ждать долго не будет, сразу по шее съездит за нерасторопность.

Крашен выпростал из-под кожуха руку и озадаченно почесал в затылке.

– Амулет у нас последний.

– Знаю. Что это они последнее время заладили только в одну сторону ездить – к нубесам, поперетаскали все амулеты. Придется сгонять на ту сторону Карбеса, забрать лишние.

– Дракха сначала накорми.

– Хорошо лежа на боку командовать, – беззлобно проворчал Йевелд, натягивая сапоги. Крашена он уважал, тот служил без малого пятнадцать лет и успел поучаствовать в десятке крупных боевых стычек, не считая мелких. – Встал бы да накормил.

– Твоя очередь.

– Знаю, – вздохнул Йевелд.

Напарник повернулся на другой бок и мгновенно уснул – с лежака донесся негромкий храп. За это Йевелд тоже его уважал – некоторые вояки, с которыми уже доводилось нести дозор, храпели так, что уснуть не было никакой возможности и приходилось всю ночь ворочаться с боку на бок да толкать храпевшего, чтобы хоть на минуту избавить свои уши от проклятого звука.

Сняв с вбитого в стену кольшка кожаный шнур отводящего взор амулета и набросив его на шею, Йевелд нахлобучил на голову выдавший виды шлемник и вышел из караулки наружу. Холодный пронизывающий ветер сразу накинулся на него, как оголодавший лысун. Вокруг выложенной каменитом тропинки, ведущей к сараю и навесу для дракхов, блестели мелкие лужи, почва сильно набухла от влаги. Знатный был ночью ливень. Хорошо, что караулка стоит на небольшом возвышении – почти все вниз стекает, в овраг, проходящий неподалеку...

Кстати об овраге.

Йевелд зорко глянул по сторонам, прежде чем пойти к навесу седлать дракха. Высокая, в рост человека ограда вокруг территории караулки, конечно, лысунов не пропустит – очень уж эти звери колючий мят не любят, из которого эта ограда сплетена, – но караульщик не привык полагаться на счастливый случай. Только на себя самого. А вчера двоих лысунов он видел на краю оврага, как раз перед ливнем. Зубы точили о стволы камнелюба да на караулку

поглядывали. А зубы у них... Проклятые звери. Не столь уж и опасные, когда бродят только парами, но все равно неприятно, когда всякая нечисть желает тобой закусить.

Проклятая служба.

Все караульщики Ножевого ущелья, что разрезало хребет Карбесовых гор почти по прямой, за исключением двух небольших изгибов в конце и начале, числились в крепостной страже Сияющего, и примерно три раза в год, когда подходила очередь, каждый из них попадал на целую декаду на этот пост – гвэлтов сторожить, что в этих горах обитали. Вроде и не особенно утомительно, да со скуки сдохнуть можно. Куда интереснее в Сияющем по кабакам и бабам таскаться, сменившись с крепостного караула... А тут – тут только с лысунами воевать. Да с гвэлтами. Вот уж мерзкий народец, и чего его светлейший Наместник Хааскана вовсе не искоренил, не пришлось бы и караулки держать по обе стороны отрезка длиной всего в пять бросков (ровно столько тянулось Ножевое ущелье), отрезка, на котором безобразничали гвэлты, из-за чего приходилось снабжать путников специальными магическими амулетами. Амулеты были сотворены лично светлейшим, чтобы оберечь проезжих от нападения каменных тварей, и время от времени подзаряжались каким-нибудь дежурным магом из Сияющего.

Да, проклятая служба, сам себе кивнул Йевелд и прошел под навес. Похлопав Обормота по крупу, он снял со стены седло и принялся прилаживать его на широкую спину дракха. Обормот мелко затанцевал на месте, чувствуя, что предстоит прогулка, до которой застоявшийся дракх был весьма охоч.

– Не балуй, – строго осадил Йевелд.

Покормить Обормота времени уже не было, но до второй караулки всего час пути, так что потерпит, ничего с ним не случится. А лебс везде одинаков, что здесь, что там... Только дракхи и трескают это воющее зерно за милую душу... Холодный ветер снова попробовал забраться ему под кожу, и Йевелд зябко передернулся. В такую погоду только дракху все нипочем. Вот уж выносливые животные, только позавидовать можно, – в любое время года, что зимой, что летом только навес над головой и приходится сооружать, и то не столько для дракхов, сколько для самих людей, чтобы хоть как-то укрыться от непогоды. Впрочем, ограничиваться лишь навесом приходилось не только поэтому. Дракхи не переносили стен, замкнутых помещений. Сразу начинали беситься, если их пробовали завести хотя бы в сарай. Вот и приходится дрожать рядом с дракхом на ветру... Затянув подпругу под вместительным брюхом Обормота, Йевелд замер, прислушиваясь. Да, топот был слышен уже и без эхолова. И впрямь кто-то несся во весь опор. Жаль, ежели и в самом деле окажется, что это гонец. От него и самой мелкой маны за прокат амулета не дождешься, как же – служба макору. А вот по шее – запросто.

Закончив седлать, Йевелд вывел дракха из-под навеса к воротам. Ждать пришлось недолго. Через минуту из-за поворота на всем скаку вынесло двух всадников. Глаза караульщика изумленно расширились. На здоровенном, черном, прямо дал-роктовском дракхе скакал какой-то чужак, а на втором, самом обычном на вид, сером... Зверь заворижи! Происходило что-то из ряда вон выходящее. На втором дракхе неслась сама Онни Белът, эрсеркер, первейшая из телохранителей самого светлейшего. И потрясающая женщина! Сердце Йевелда неровно забило при мысли о том, какая это удача – познакомиться с сотницей поближе. В городе у него такого шанса не представилось бы никогда, а здесь, на пустынной дороге, когда из мужчин, кроме него и чужака, никого нет... Ну и что, что он, Йевелд, молод... А может, как раз потому, что молод, он...

Спохватившись, Йевелд торопливо откинул щеколду ворот и вывел Обормота за ограду. Ман ему сегодня точно не видать, так что придется жить на подекадное жалованье. Ну да не впервой. Тем более что за такую оказию с сотницей он и сам готов выложить подекадное кому угодно, лишь бы она обратила на него внимание. Какая женщина, да прибудет с ней Свет и с ним, Йевелдом тоже, какая потрясающая женщина... Бедра, талия, грудь – мечта любого нормального мужика... Да еще и боевая!

Вскочив в седло, караульщик пришпорил дракха, и, когда путники нагнали его, Обормот несся уже во весь опор, охотно разминая застоявшиеся ноги.

14. Тревожное ожидание

Предупреждающий крик дозорного донесся со стороны западных ворот, и сразу густая цепь закованных в сталь воинов дрогнула и зашевелилась на крепостной стене. Вестники Тьмы появились куда позже, чем их ожидали, и приготовления к их встрече были давно закончены. Как и засферник, они явились с запада, по его следам, с лучами мутного утреннего света.

Широко раскрытыми глазами с большой высоты Севрен глядел, как темное клубящееся облако огромного войска с глухим рокотом, не спеша выползает из степи и широкой подковой охватывает стены Сияющего города на расстоянии полета стрелы. Такое вратник Севрен видел впервые в жизни по причине незначительности своего возраста. И впервые же в жизни он стоял на боевом посту наравне с остальными, как того требовала ситуация. И правда, что вратнику делать в своей караулке, когда город окружают враги, – не ворота же он им отворять станет. Вот и поставили его вместе с остальными. Впрочем, место на третьем ярусе крепостной стены, где он стоял, как раз оказалось над его родными западными воротами, так что он мог считать, что просто продолжает нести службу – с «повышением» в должности...

Севрен нервно стиснул приклад арбалета, отпустил и безотчетно поправил рукоять меча, непривычно отягощавшего пояс. По распоряжению Нарсона Большерукого, тысячника крепостной стражи, даже самым заваливающим воякам, штрафникам и выпивохам, было выдано полное вооружение: кто чем хоть чуток умел владеть, то и получил сполна... Так что сейчас наверху густо перемешались воины из крепостной стражи и стальной дружины, по общенародному – «камнюки» и «железяки», а среди них нашлось место и вратникам всех трех городских ворот. Оглядевшись, со стен можно было увидеть еще несколько сотен «железяк», целиком заполнивших центральную площадь города. Крохотная с такой высоты фигурка подвоеводы Нарсона Большерукого, проводившего осмотр, быстро двигалась вдоль стройных рядов воинов, безликих и неподвижных в ожидании приказов. Это был резерв, в любой момент готовый рвануться вперед и заткнуть собой образовавшуюся брешь, если до такого дойдет. Дисциплина у Нарсона Большерукого всегда была железной, суров был подвоевода, дважды повторять не любил, и его чугунные кулаки частенько охаживали нерадивых.

Севрен очень надеялся, что до столкновения с дал-роктами дело не дойдет. Прямо-таки молился, чтобы этого не случилось. Ну какой из него вояка... Из воинского оружия и амуниции вратнику достался старый боевой меч с выщербленным лезвием (обычный двуручный «жальник» – прямой, с двусторонней заточкой) да такая же старая кольчуга, сильно посеченная, пробитая насквозь в двух местах, – видно, не слишком повезло ее прошлому владельцу. И все равно это было куда лучше, чем ничего. Хоть и старая, кольчуга еще способна была выдержать удар стрелы на излете, а меч вполне мог раскроить голову какому-нибудь дал-рокту, если тот, конечно, окажется еще большим неудачником и неумехой, чем сам вратник... В такую «оказию», конечно, слабо верилось... В народе про Вестников говорилось, что они и рождаются-то с мечом в руках. Если и был у него какой шанс, так только в схватке с пардом, из коих войско неприятеля, по рассказам бывалых вояк, состояло обычно на треть. Будучи потомками рабов-хасков, воспитанные в Родовых пещерах дал-роктов на равных с воинами Рода и всецело преданные своим хозяевам, они все же уступали последним в мастерстве владения воинским искусством. Впрочем, Севрен и меч в руках едва умел держать, так что за несколько ночных часов, что провел на стене, весь извелся от волнения, места себе не находил. Да и как тут не волноваться, когда неожиданно-негаданно запахло самой настоящей войной, войной с исконными, страшными врагами. Но ошалевшее от нервного напряжения сердце в конце концов устало бухать в груди, что кузнечный молот, и теперь лишь глухо ворочалось где-то под желудком... Наверное, проголодался. И все-таки, все-таки... Первый раз оказавшись на стенах среди настоящих служак, знающих вкус кровавых сражений, Севрен с удивлением понимал,

что испытывает не только жуткий страх, как вполне обоснованно ожидал, зная свою робкую и совсем не боевую натуру, но и гордость. Ощущение собственной значимости – что вот не обошлись в трудную минуту без него, какого-то вратника, – сладко тешило вдруг проснувшееся самолюбие. Да и сейчас совсем не то, что ночью, когда сидишь в караулке один-одинешенек, сейчас рядом – плечо сотоварища, на которого можно положиться...

Севрен покосился влево и скривился, точно от оскомины. Вот же проклятие! Он только сейчас и заметил, какого соседа послала ему судьба. Не в силах сдержаться, но и не желая привлекать внимание этого «сотоварища», он чуть слышно зашипел с досады. Прислонившись лбом к холодному каменному зубцу, чтобы облегчить муторное состояние после ночной попойки, рядом стоял... да нет, едва держался на ногах Гораз. Алкаш и последний мерзавец. Да уж, на плечо этой сволоты положишься в трудную минуту... как положишься, так и сложишься. Севрен на свою глупую голову одолжил ему как-то половину подекадного жалования на пару дней, так этот гад, Стерегающего на него нет, одолженку зажал и вот уже третью декаду не возвращает... Да еще заявляет прямо в глаза (чтоб его причастило, чтоб дети его Светлого Ока никогда не увидели, если вообще когда-нибудь появятся), что не видал он никаких денег от караульщика Севрена, Мрак его забодай...

Севрен зло сплюнул и глянул вправо.

Вот тут-то он едва не грохнулся в обморок от неожиданности. Справа стояли ахивы. Словно из воздуха нарисовались. Мастера Желтого и Красного Плащей, Олсен Желтоглазый и Кетрам Пламебородый, самые важные и могущественные персоны после Наместника. Стояли и молча смотрели на растекающиеся внизу подобно черной грязевой волне боевые порядки дал-роктов. В неверном свете раннего утра борода Кетрама пламенела ярче Бошара, главного светила Сияющего, еще не переключившегося в дневной режим.

Севрен быстро отвернулся, инстинктивно втянув голову в плечи, и тоже уставился вниз, не желая обращать на себя внимание столь могущественных персон, мешать им в их несомненно важных помыслах, чтоб их... Неосторожная мысль оборвалась на полуслове. Конечно, на то они и маги, чтобы вот так, незаметно, появляться там, где требуется, но... Хм... Вот ляпнул бы что крамольное – и прощай, головушка. Желтоглазый одним движением пальца снимет, он на это горазд.

Но внезапный испуг быстро прошел. Умом Севрен понимал, что магам сейчас не до какого-то вратника. И когда маги наконец заговорили между собой, он наострил любопытные уши, для которых этот разговор явно не предназначался.

– Ну что ж, город готов настолько, насколько это вообще возможно, – с заметным удовлетворением проговорил Кетрам Пламебородый. – На стенах пять сотен опытных, тертых ветеранов, прошедших не одну заварушку и не раз смотревших смерти в глаза...

Севрен прямо-таки расправил плечи, услышав о себе такой отзыв. Ну, не совсем, конечно, о себе, вернее, даже вовсе не о себе, но раз он сейчас стоит среди ветеранов, то и сам кой-чего стоит, разве нет?

– ...В городе – еще двенадцать сотен. А надо будет, так еще из наших городов через порталы можно будет подтянуть. Так что если Вестники хотят крови, они ее получат.

– Вечно ты торопишься воевать, – мрачно проворчал Олсен Желтоглазый. – Смотри, накличешь. Слов Вестников мы еще не слышали, и чем мы будем говорить – словом или сталью и магией, – еще не известно.

– Зато ты все стараешься оттянуть неизбежное, – жестко усмехнулся Кетрам. – По мне, так этот паскудный народец давно уже было пора пустить под корень, чтоб не только под ногами не путался, а даже мыслью своей зловерной Пророчества не касался.

– Пророчество, пророчество... сколько раз я слышал это слово за свою жизнь, оскомину уж набил. Я тебе вот что скажу – эти в кои-то веки совпавшие Три Признака кажутся мне какими-то... неубедительными. Как бы столь подозрительно удачное стечение обстоятельств

в лице этого странного чужака не оказалось предательским заговором хабидонов. Если они стакнулись с Вестниками, а те использовали удобный предлог...

– Стоп, стоп, остановись-ка... По раскрытию заговоров ты у нас мастак, это твоя работа, но должен заметить, что дал-рокты в предлоге никогда не нуждались. Всегда брали, что хотели, коли хватало сил взять. Впрочем, ты ведь всегда был закоренелым скептиком. А по мне самоличный отъезд Наместника – самое убедительное доказательство. Чутье у него всегда было безошибочное...

Севрен вытаращил глаза, застыв как статуя. Отъезд Наместника? Он не ослышался? Сердце ухнуло еще ниже, хотя казалось, что дальше некуда. Да как же они без Наместника отобьются против такого-то громадного войска?

– Безошибочное... – тяжело вздохнул Олсен Желтоглазый, как человек, плечи которого давит непосильное бремя. – По мне, так все мы когда-нибудь ошибаемся. И пусть я скептик, но если следовать всем Признакам, то Спящий должен был проснуться. Не желаешь сходить в Усыпальницу и убедиться?

– Хватит ерничать. То признак второстепенный. И лично я в него не верю и в счет не беру... Погоди. Видишь терха впереди дал-роктовского войска?

– Как не видеть. Как слово будем передавать? Самолично или магически?

– Да ты присмотрись внимательнее, – раздраженно посоветовал Кетрам.

– Проклятие! – удивленно вскинул брови Желтоглазый. – Прав оказался Гилсвери. Драхуб собственной персоной. Почивший и воскресший. Вот тебе и Три Признака. Вот тебе и Пророчество...

– Зверь тебя заморозит, – вдруг вспыхнул Кетрам, – ты же сам маг! Должен понимать, что Посвященного Вестников так просто не прикончить! И дела это не меняет, чужак ведь справился уже с ним, не так ли?

– Справился, да не конечной смертью... А если он лгал?

– И Наместник не смог бы этого понять? Думай, что ты говоришь!

– Сам думай, – нехотя отбивался Олсен. – Гилсвери что сказал? Что не рискнул провести принудительный допрос, так как Сила из чужака перла неведомая и могучая.

– Вот именно, что неведомая и могучая, – как раз Драхуба свалить! А чарс? Разве не доказательство? Даже ты не сможешь овладеть чарсом, Желтоглазый!

– Это меня и тревожит. Чую я, что этот чужак в сговоре с дал-роктами... И наш Гладколицый как пить дать попадет в западню...

– Тьфу на тебя, Олсен! – В сердцах Кетрам назвал собрата по имени, чего делал редко. – Всюду тебе заговоры мерещатся! Ей Свет, не зря тебя народ Тюремщиком окрестил. Ладно, двигай на переговоры. За Наместника остался ты, тебе его и изобразить...

– С Драхубом не получится, – возразил Олсен. – Он сумеет разглядеть сквозь личину.

– В таком случае поговори с ним по-свойски, – зло проговорил Кетрам.

Севрен услышал тяжелые, отдающие звоном стали шаги и, не в силах сдержать любопытство, бросил украдкой взгляд влево. Со стороны северных врат вдоль зубцов крепостной стены по верхнему ярусу приближался воевода Хабаш Быстрый.

Маги выжидательно умолкли.

Воевода представлял собой внушительное зрелище. Высокий и худощавый в миру, после облачения в полное боевое снаряжение Хабаш Быстрый казался массивным и грозным: туловище от шеи до паха было защищено пластинчатым подвижным панцирем, руки и ноги укрывала прочная одежда из толстой кожи лесного зверя-увальня, проклепанная сегментированными стальными полосами, не мешавшими движению. Шею защищали поля удлиненного узорчатого шлемника, обрамлявшего суровое лицо опытного воина, голову венчал стальной шлем. С оружейного пояса справа свисал длинный двуручный меч, слева мощная шипастая булава, удар которой разбивал череп дракха, спереди – трехгранный стилет длиной в две

ладони, легко проникающий в щели вражеских доспехов. От фигуры Хабаша так и веяло мрачной несокрушимой силой, чувствовалось, что он полностью готов к бою. Воеводу Севрен боялся и уважал, пожалуй, еще больше ахивов – как непосредственное начальство.

Остановившись в двух шагах от магов, воевода почтительно приложил защищенную стальной перчаткой кисть к груди.

– Какие будут распоряжения, светоносные?

Ответить ахивы не успели – шум со стороны порядков дал-роктов неожиданно усилился, привлекая внимание всех собравшихся на ярусе. Еще не до конца выстроившееся войско дал-роктов снова целиком пришло в движение, явно перестраиваясь для отступления. От топота сотен огромных чарсов дрожала земля, вибрация даже проникала наверх крепостной стены. Влажная после ливня почва разъезжалась под ударами мощных копыт, оставлявших после себя грязное месиво вместо дерна. Ахивы удивленно смотрели, как бронированные всадники Вестников поворачиваются к ним спиной и трогаются прочь, вливаясь узким четырехрядным потоком на вымощенное каменитом полотно Большой Торной дороги, способной без особого ущерба для себя держать вес верховых воинов. Маги переглянулись, одинаково чувствуя нежданное облегчение.

– Никак уходят? – пробормотал себе под нос Олсен Желтоглазый.

– Точно, – ядовито оскалился Кетрам. – Уходят. Поняли засранцы, что мы им не по зубам. Осада отменяется.

– У Драхуба отменный нюх, светоносные, – с совершенно невозмутимым видом негромко заметил Хабаш, словно ему было все равно, биться с дал-роктами или нет. – Скорее всего, он понял, что чужака у нас нет, и не собирается терять время на выяснение подробностей. Думаю, он взял его след. Что ж, боевой сбор можно считать учебным, потренироваться никогда не мешает.

– Ну да. – Пламебородый недовольно глянул на воеводу, задетый его замечанием. – Думаешь, я этого не понимаю? А все-таки жаль. Было бы неплохо его здесь немного задержать, чтобы не сел на хвост Наместнику, а то и кровь ему пустить, как тот чужак...

– Перестань, Кетрам, – в глубоко посаженных глазах кряжистого Олсена вспыхнуло гневное пламя. – Все бы тебе мечом помахать, а что при этом простые воины полягут, для тебя будто значения не имеет. Наместник в безопасности, он уже несколько часов как в пути. Дал-рокам его не догнать. Чужака с сотницей – тем более...

С небывалой радостью в сердце вратник Севрен провожал взглядом грозное воинство дал-роктов. Дыхание войны миновало Сияющий, не отобрав ни единой жизни. Не понадобились ни меч, ни арбалет, ни выдавшая виды кольчуга. «Напьюсь, – с непривычной для себя лихостью решил Севрен, обычно придерживающийся более или менее трезвого образа жизни. – Точно напьюсь. На радостях. Такое стоит отметить...»

Неожиданно Севрен почувствовал на себе взгляд одного из магов и боязливо съежился, гадая, чем это он привлек внимание столь могущественной особы. Вины за собой он не знал, но радость от несостоявшегося сражения несколько померкла. Он не осмелился оглянуться и проверить, кто именно на него смотрит, поэтому не увидел, как Олсен Желтоглазый сотворил левой рукой в сторону вратника едва заметный жест. Голова Севрена вдруг загудела, словно его огрели мешком с песком, а разговор магов вылетел из головы напрочь, даже само их присутствие на крепостной стене забылось.

Да что же это с ним, изумленно думал Севрен, чувствуя, как предательски подгибаются внезапно ослабевшие ноги, а тело упорно льнет к каменному зубцу, как у пьяного к встречному столбу. Вроде еще не пил, а ощущение как с похмелья... Недоуменно глянув по сторонам, он обнаружил в двух шагах воеводу и испуганно отпрянул от стены. Мнимое похмелье сразу пропало, вышколенное службой тело само по себе вытянулось в струнку.

Но воеводе было не до него.

Хабаш Быстрый задумчиво смотрел вслед удаляющейся колонне дал-роктов.

15. Каменный мешок

Когда Онни Бельт в очередной раз оторвала взгляд от дороги, летящей под копыта ее Шалуна, то наконец увидела иззубренные стены Ножевого ущелья, почти отвесно вздыбившиеся сразу за пиками могучих разлапистых камнелюбов – настоящих лесных великанов. Здесь, возле Карбесовых гор, лес почему-то рос особенно густо и мощно, а дурная слава этого места, связанная с обитавшими тут гвэлтами, была известна далеко за пределами Хааскана да и соседних макоров также. Выглядели гвэлты как мифические каменные горгульи, коими иные свободные маги любят украшать свои жилища – прямоходящие узколобые твари с вытянутыми беззубыми мордами и бесполезными зачатками крыльев за спиной, серые, как каменные кручи, их порождающие. А может, когда-то гвэлты и были горгульями, пока какой-то особо одаренный Силой болван, владеющий силами земли, не оживил бездушный камень. Но если это событие и имело место, то произошло это в очень давние времена, так как сведений о нем не сохранилось, гвэлтов же с тех пор расплодилось тьма. Любимым времяпрепровождением каменного народца являлось сбрасывание огромных, гладко обтесанных камней на проезжающих путников, если те, конечно, позволяли. А не позволить этим пустоголовым недоумкам можно было только двумя способами, по крайней мере, Онни Бельт знала только эти два – или проскочить самые опасные участки со специальным амулетом на шее как можно быстрее, пока дозорные гвэлтов не успели очухаться от действия отводящей глаза магии, или свернуть шею этим дозорным. Причем для второго способа нужен был хотя бы самый заваливающий Мастер под рукой, на худой конец – ученик второй ступени, Подмастерье, потому что простому воину гвэлты не позволят взобраться на утесы, где сидят их дозорные. Размажут по склону лавиной камней, и вся недолга. А после будут плясать на трупе врага ритуальные танцы. Что самое интересное, свои жертвы гвэлты не поедали, и вообще было неизвестно, чем они питаются. Может, камнями?

Онни терпеть не могла этой дороги. Терпеть не могла находиться под защитой какой-либо магии, даже если эта магия исходила от Наместника. Не очень-то приятно бывалому воину ощущать свое бессилие перед врагами, которых невозможно приласкать верным мечом... Как эрсеркер, она могла в некоторой степени противостоять чужой магии, но сама к действенным заклинаниям была неспособна, только к простейшим. Не дал Истинный Свет таланта, давно похоронена мечта юности стать полноценной магичкой...

Несмотря на целую ночь бешеной скачки, Шалун пока не выказывал признаков усталости. Зверь у нее был отличный, сама отбирала из стаи сопливчиков, растила, воспитывала. Вот и вышел выносливым, быстрым и сообразительным. Шалун не боялся ни пронзительных криков, специально предназначенных для распугивания недостаточно тренированных дракхов противника, на которые были большими мастерами старые вояки, ни блеска стали, не обращал также внимания на запах крови. Последнего добиваться особенно непросто, ведь по природе своей дракхи как были хищниками, так и остались, сколько их ни разводи в «мирных» условиях на лебсе, да на воде, и норовили самочинно влезть в любую драку, где едва запахнет кровью...

В общем, хорошим зверем был ее Шалун.

А теперь, когда в компанию к нему затесался громадный чарс дал-роктов, и вовсе стал резвее резвого. Ничего удивительного – ишь как чарс косится на ее Шалуна, клыки белые скалит, дай волю, разорвет в клочья и сожрет, если не подавится. Что вполне может случиться – ведь Черный в полтора раза крупнее обычных серых дракхов... Небывалое дело, если подумать – чарс, кровный зверь дал-роктов, и оседлан чужаком из земель неизведанных. Не могла припомнить Онни такого случая, а стычек с Вестниками за годы ее жизни случалось немало, и если верх брали хааскины, то звери серолицых бились до смерти даже после гибели своих хозяев. И столь страшны они были в битве, что... В общем, детей у хасков ими пугали. Вот не будешь слушаться, придет Черный, огнем плюющийся, схватит огромными клыками и уне-

сет тебя к дал-роктам в Темные гробницы, и превратят они тебя в создание ночи, раба-парда Владыки Колдэна. Страшно? Ну, взрослым, понятное дело, уже не так страшно, выросли из детских штанишек, а шалопаям малолетним все же страшновато, и из штанишек они от этих слов прямо-таки выскакивают...

Эх, Причастия на нее нет, спохватилась с досадой сотница, о чем думает?! О детских страшилках, когда город ее почти что родной, где значительную часть жизни прожила, от дал-роков, возможно, изо всех сил отбивается, и ночь для него эта – последняя... Ее лицо чуть заметно напряглось. Нет. Прочь тревожные мысли. Не дадут маги такому поганому делу случиться. Гилсвери с энвентами своими, Кетрамом Пламебородым да Олсеном Желтоглазым, не позволит себя одолеть, сила у них немалая. Только на это и надежда.

А может, и не будет ничего. Может, и вовсе не будет никаких дал-роков. А если и появятся, то попугают горожан да в сторону отвернут, город в покое оставят. Ведь чужак, который им потребен, – вот он, с ней скачет... тот самый, который голыми руками ловчего мага утихомирил... Все-таки верилось в это с трудом. Драхубом у хааскинов тоже пугали детей, лет этак сотни с две. Что же это получается? Грозная живая легенда была походя прикончена засферником? Да уж... Может, вот такому и будет по силам исполнить Пророчество Зверя... Думать об этом и то боязно, но надежда в сердце живет, как живет она в сердце каждого хааскина, корда, серого адалая и прочих Светом живущих хасков, – что им еще осталось, кроме надежды... И если этот чужак тот, чье истинное имя Онни и произносить-то про себя пока не будет, то она постарается сделать все, чтобы доставить его к Кругу, все, что в ее силах, и только смерть может остановить ее... Если же и этот засферник в Круге прахом ляжет, как и сотни до него, то не будет в том ее вины. Главное – донести. Не повторить ошибки, как с Остином...

Нет, все-таки нелегкая чужака принесла, чует ее сердце... Чертов засферник со своим чертовым сиг... сгла... сглайзером, язык сломаешь, пока выговоришь, Стерегущего на него нет... Думала, что уже все и забыла, что все быльем поросло и пеплом в памяти развеялось... ведь... сколько? Да уж четырнадцать лет минуло... А сердечко, оказывается, помнит, ишь как зашлось, неладное... словно распахнулась замурованная дверка, выпустив наружу нежданные, непрощенные, ненужные чувства, ох какие ненужные... Остин, Остин, боль сердечная, боль давняя, застарелая, память юности далекой... Никого так больше в жизни не любила, против Наместника готова была пойти... Какая яркая картинка... Как живой, словно вчера только расстались... Ясные синие глаза, светлый непокорный чуб... И озорная улыбка... Никто так не умел улыбаться, как Остин, – нежно и лукаво одновременно. Ох, как же больно... Вот проклятый... И музыка его такая же – яркая, страшная, небывалая сказка наяву... Сказал бы кто, не поверила бы, пока сама не увидела, что такая музыка, с картинками, может существовать... Самый искусный маг вряд ли такое сотворит, столь совершенную иллюзию... И эта история про влюбленных... недаром так рану разбередила... И Наместник тоже хорош, ни словом не обмолвился, о ком его чужак расспрашивал, а ведь должен был, ведь это ее касается, да еще как... Чертов Наместник, Причастия на него нет... Только в постели ласковый, а как дела касается, так норовит мужику перепоручить, не доверяет женщинам, не верит, что они могут быть способнее мужчин, недоговаривает... доказывать уже устала, что не хуже других, делом доказывать... Впрочем, на этот раз он послал именно ее. А ведь и у самого Наместника имела боль давняя, тоже когда-то жену потерял, которую любил до беспамятства... Сама Онни не видела, но от стариков слышать доводилось (не при ее короткой жизни это произошло, ведь Гилсвери уже второй век доживал). Пенетой его суженую звали. Сгинула не где-нибудь, а в Кругу Причастия, понесла ее туда нелегкая правды искать да спасения для мира Хабуса... Да только не принял ее Круг. Отторг и уничтожил, в прах развеял.

С тех пор у Гилсвери только одна любовница была – она, Онни Бельт, чем-то она ему ту, прежнюю, напоминала... Чертова любовь. Сколько судеб она сломала, сколько страданий принесла. И на что ее Создатель придумал? Худшего испытания не вообразишь. У чужака – и то,

похоже, те же проблемы. Вот ведь как ответил: «Да. Я и сейчас... еще люблю». А голос – прямо неживой. Лицо враз окаменело, а в глазах – тщательно скрываемая и все-таки прорывающаяся наружу боль, Онни сумела это увидеть, ощутив в тот момент некоторую родственность их душ... и даже испытал к нему что-то вроде сочувствия. Куда ни ткни, кругом сплошные страдания, прописанные людям с Сотворения мира... будто нельзя, не суждено никому прожить жизнь в мире и согласии. Словно висит неугасимое проклятие на всем роде человеческом...

После резкого поворота дорога вынесла их к первой караулке. Онни заметила отделившегося от нее всадника в форме крепостного стражника, пустившегося во всю прыть вперед, и отбросила мысли о личных проблемах до более подходящего времени. Ловкий парнишка этот стражник, сообразительный. Надо будет его перед подвоеводой отметить.

Спустя минуту всадники поравнялись. Онни заметила, как блестят при взгляде на нее глаза молодого караульщика, совсем еще пацана с виду, как дерзко пялится он на ее грудь. Словно кожаного, защищенного стальными поперечными пластинами ксомоха на теле и нет вовсе, а едет она, сотница, голой. Совсем ошалел этот сопляк, что ли, всего десять дней пробыв без женщин? За кого он ее принимает? Может, по зубам пару раз треснуть, чтобы морду отвернул? Стережущего на него нет, вот что... Или Наместника... Тот ему цвет лица вместе с кожей враз бы поменял за один такой взгляд...

– Да пребудет с тобой Свет, светочтимая сотница Онни! – бодро поприветствовал караульщик взволнованным тенором. – Что заставило тебя в этот час оказаться здесь, никак в Сияющем что случилось?

– Да пребудет... Поменьше вопросов, воин. Амулет с тобой?

– А как же! – Ничуть не обескураженный резким ответом, парнишка с самодовольной улыбкой похлопал по груди, словно и не Наместник вовсе, а сам он сотворил этот горный амулет. – Где ему еще быть!

– Для чего здесь пост? – неожиданно поинтересовался дотоле молчавший засферник. – Мы уже достигли границы макура?

Какая странная речь у чужака, вновь отметила Онни. Заклинание Речи делало понятным общий смысл его слов, но их звучание коробило слух. А еще в этом голосе звучала сила, которой хотелось противиться. Испытанное ею совсем недавно мимолетное родство их душ исчезло, уступив место неприязни. Как-никак именно чужак оказался виновником неприятных воспоминаний, ранящих сердце.

– Ножевое ущелье, чужеземец, – хмуро ответила сотница. – А в караулке – охранные амулеты, чтобы проехать это ущелье.

– Охранные амулеты? От кого? Кстати, я уже называл свое имя в трактире. Никсард, помнишь? Можно Элиот. Первое – родовое, второе – личное.

– Не важно, чужеземец. Проедешь и не заметишь. Забудь.

– Не слишком-то ты вежлива, дружинница.

Онни промолчала. Дробный топот копыт трех дракхов отбивал желание напрягать голосовые связки. Да и зачем стараться для чужака, которому, скорее всего, суждено умереть. И чем меньше она с ним будет общаться, тем спокойнее эту смерть воспримет. И тем быстрее, кстати, забудет про эту штуку у него на виске, после приобщения к которой ее одолевало странное желание попросить ее еще раз – ну не стыдоба ли? Глядишь, так скоро совсем безвольной станет.

Но засферник, не удовлетворившись ее ответом, обернулся к молодому караульщику:

– В караулке кто остался, воин?

Уловив некоторую холодность сотницы по отношению к спутнику, тот пренебрежительно глянул на хальда:

– Напарник. А тебе что с того?

– Не груби, парень. Вернулся бы ты, пока есть время, да предупредил своего напарника об опасности. Дал-рокты на хвосте висят. Не слишком-то вы с ними в дружеских отношениях, не так ли?

Онни вскинулась, осаживая Шалуна на всем скаку, – руки в кожаных перчатках рванули поводья так, что дракх гневно захрипел от боли в ушах. Остальным пришлось последовать ее примеру, и три верховых зверя, шалые после столь внезапной остановки, нервно затанцевали на дороге. Недоверчиво сузив глаза, она уставилась на чужака.

– Откуда знаешь?

– Знаю. И лучше вам поверить.

Сказано было весьма веско. Что-что, а умел чужак заставить прислушаться к своим словам, голос у него был особо поставлен.

Онни внутренне напряглась, расширяя сферу ментального восприятия, – терпеть не могла это упражнение, очень уж тяжело оно ей давалось. И тут же накатило и ударило чувство опасности. Как же это она своим нюхом эрсеркера не учуяла этого раньше? Большой отряд дал-роктов и в самом деле, что называется, висел на хвосте. Не исключено, что с ними был маг, который и помог им так хорошо замаскироваться. Онни сконцентрировала мысленный щуп, уже зная, где искать... Нет, не маг. Просто Посвященный, терх, и, судя по ощущениям, не из самых способных, о чем говорила бледная, как бы притушенная аура командира дал-роктов. Впрочем, возможно, он просто чем-то сильно утомлен, в этом случае аура выглядит примерно так же... Все лучше, чем полный сил боевой маг. Теперь Онни могла назвать расстояние до Вестников с точностью до сотни шуггов, и расстояние это оказалось весьма небольшим. Под каждым из них были такие же дьяволы, как Черный у засферника, поэтому неудивительно, что дал-рокты неотвратно приближались. Проклятие...

– Давай-ка сюда амулет, воин, и возвращайся к напарнику, – недолго думая, приказала Онни, повелительным жестом протягивая руку.

Парнишка-караульщик явно растерялся.

– Так... этот у нас последний. Я потому и поехал с вами, чтобы из другой караулки их забрать...

– Быстрой! – рявкнула дружинница и, выхватив из его рук поспешно протянутый амулет, столь же резко добавила: – А теперь возвращайся к напарнику, и убирайтесь вместе в горы. Нет времени с вами возиться. И поторопись, если не хочешь, чтобы Вестники тебя сожрали!

Окрик подействовал.

Онни заметила разочарование, мелькнувшее в глазах караульщика перед тем, как тот развернул своего дракха и пустил его вскачь обратно. Ничего, перебьется. Наверняка рассчитывал познакомиться с ней поближе. Ох уж эти мужики... Но как же не вовремя они подъехали к ущелью! Схватиться с ними под самым что ни на есть боком у гвэлтов – только этого ей и не хватало для полного счастья... Постой. А может, как раз все получится? Раз Посвященный Вестников не из самых способных, то и приданные отряду защитные силы могут не сработать против гвэлтов. А если гвэлтов еще и предварительно подразнить и взбудоражить, то...

Все эти мысли мгновенно пронеслись у нее в голове.

– За мной, хальд! Отстанешь – пропадешь!

Шпоры с силой вонзились в чешуйчатые бока, и Шалун сразу рванул с места в карьер. Когда речь идет о том, чтобы выжить, некогда беречь зверя. Мгновение спустя Черный легко догнал ее дракха и снова пристроился слева. Онни же продолжай подгонять Шалуна, заставляя зверя выкладываться на износ, ветер так и свистел в ушах.

Чем дальше, тем сильнее дорога была усыпана колотым щебнем, и уши драть за это надо было не кому иному, как гвэлтам, так как оползней и обвалов в этих горах отродясь не бывало. Хорошо хоть, что большие камни гвэлты после «потех» обратно наверх отволакивали, только

щебень и оставался. Понимают, что по непроезжим дорогам никто не сунется ноги ломать, а значит, и забав для них не будет, хоть тресни.

Вскоре показалось дозорное гнездо гвэлтов, вырубленное в толще скалы на головокружительной высоте. Слегка приподнявшись на стременах, Онни бросила быстрый взгляд за спину. Позади пока было чисто, но опасная близость Вестников Тьмы ощущалась теперь столь же явственно, как холодок встречного ветра на разгоряченном бешеной скачкой лице. Однако ну и чутье у засферника! Почти как у мага. А может, он маг и есть? Гилсвери на этот счет тоже ничего не говорил, но... Может, просто не придал особого значения? Или не знал. Нет, не мог не знать, кому, как не ему, лучшему магу Хааскана, а то и всего Внутреннего Круга, дано видеть любого чужака насквозь с первого же взгляда?

Дорога стремительно неслась им навстречу, из-под копыт во все стороны летели каменные осколки, гулкое эхо, обгоняя их, отражалось от склонов Ножевого ущелья. Здесь Торный Путь не был вымощен брусками камня из-за гвэлтов, но щебня на дороге и так хватало, так что ненастная погода не грозила путникам непролазными хлябями. Вот только гвэлты были куда неприятнее самой непролазной грязи... Жаль, что с ними нет опытного мага с парочкой боевых заклятий наготове...

Чуть далее подножия скалы, на которой находилось дозорное гнездо гвэлтов, ущелье плавно сворачивало влево. Подняв голову, Онни заметила, как из гнезда высунулись мерзкие, уродливые головы гвэлтов, похожие на куски плохо обтесанных валунов. Гвэлты слышали звук копыт, но самих всадников заметить не могли: Горный амулет отводил взор. У гвэлтов не хватало ума сбрасывать камни просто на звук. И все же дурное предчувствие сжало сердце. Что-то сегодня было не так. Слишком рано эти твари забеспокоились...

И опасения Онни Бельт, к несчастью, оправдались.

Они на огромной скорости уже вписывались в поворот, когда где-то впереди, высоко над головой, каменные склоны громко захрустели под тяжестью громадных валунов, еще не видимых из-за скальных выступов и зарослей горного кустарника-мягуна, но неотвратимых, как смерть.

– Быстрее! – пронзительно крикнула Онни, уже догадываясь, почему амулет не сработал. Похоже, последнее время именно этим амулетом слишком часто пользовались, и он выдохся раньше срока. Им просто не повезло. А может быть, все дело в засфернике, в его присутствии? Гадать было некогда. Повинуясь окрику и шпорам, Шалун выжал из своего сильного тела все, на что был способен, от напряжения выкатив глаза из орбит, хрипя и роняя с губ вскипевшую пену, а Черный словно и не обратил внимания на увеличение темпа. Онни тоже от такого зверя не отказалась бы...

В следующий миг все посторонние мысли пропали.

Из зеленой массы мягуна, мохнатым поясом охватывавшего склон на высоте нескольких десятков шугтов над дорогой, вынырнул огромный валун высотой с человеческий рост. Вынырнул и стремительно понесся вниз, наперерез летящим, как стрелы, всадникам. Бешено крутились щербатые бока, вздымалась столбом пыль, летели во все стороны клочья перемалываемого кустарника и брызги щебня.

Онни хладнокровно прикинула расстояние и скорость валуна. По ее расчетам, они успевали впритык – валуну оставалось одолеть еще шагов сорок, прежде чем он упадет на дорогу. Чужак молча мчался рядом и, похоже, собирался следовать всем ее распоряжениям. Оно и верно, не та ситуация, чтобы показывать норы, и хорошо, что он это понимал.

Каменный шар стремительно приближался, на глазах увеличиваясь, но они успели. Они пронеслись прямо под ним – как северный ветер, как взгляд, брошенный вдаль, как луч Всевидящего Ока, вечно катящегося по Сфере сквозь тысячелетия... И по ущелью гулким эхом пронесся тяжкий хруст принявшей удар дороги – позади.

Но Онни Бельт не успела перевести дух. Стоило ей бросить взгляд вперед, и из груди вырвался отчаянный крик – склон чертили еще несколько бездушных убийц, проскочить мимо которых уже было просто невозможно. Ни проскочить, ни остановиться. Почему-то на этот раз гвэлты оказались невероятно предусмотрительны.

С утробным громоуханием ближайший валун подпрыгнул на встречном выступе и рухнул на дорогу прямо перед мордами дракха и чарса. Жуткий по силе удар сотряс почву, смял дорогу. Вмиг обезумевший Шалун взвился на дыбы, едва не опрокинувшись на спину вместе с Онни, закружился, затанцевал на месте, да так, что у нее перед глазами все завертелось и слилось в какой-то цветной клубок. Зверь захрипел и издал пронзительный, раздражающий душу визг, выдержать который было не в силах человеческих. Выронив поводья, Онни зажала уши, крича от боли что-то отчаянное и злое, а потом чарс чужака налетел на Шалуна, и этот невзрачный с виду засферник одним движением руки вырвал ее из седла. Онни не успела ничего понять, как оказалась впереди него на Черном, а на то место, где кружился взбесившийся Шалун, ухнул громадный каменный шар, оборвав визг несчастного зверя треском смятых в лепешку костей. Не останавливаясь, валун тяжело подпрыгнул, срубил ствол камнелюба по ту сторону дороги, отскочил по противоположному склону и... покатился обратно. И вот уже Онни с чужаком уворачиваются от падающего дерева, а каменные ядра продолжают валиться со всех сторон, спереди и сзади, избивая, утрамбовывая тяжелыми ударами дорогу, отрезая путь в обе стороны, и вот-вот накроют каменный мешок, умело сотворенный злобными гвэлтами, чтобы навсегда похоронить в нем непрошенных гостей...

Тряслась под ногами земля и, вращаясь, опрокидывалось небо, рвались из рук невесть как у нее оказавшиеся поводья чарса, причиняя боль стиснутым намертво пальцам, острые каменные осколки иссекали в кровь лицо, едкая пыль забивала горло...

И вдруг все кончилось.

Онни ошалело осмотрелась. Обвал прекратился. Вокруг стояла почти оглушающая тишина, нарушаемая лишь негромким топотом нервно пританцовывающего под седлом чарса. Зверь негромко рычал и осуждающе косил темным глазом, как бы укоряя ее за то, что не смогла уберечь его нового хозяина...

Хозяина? Чужака?

Только тут Онни осознала, что она в седле одна, и в ее груди все помертвело.

Чужак, вырвавший ее из-под каменного молота в самый последний момент, исчез! Возможно, он там, под камнями, как перемолотый ими в труху ствол камнелюба... Неужели опять... Неужели опять, как и четырнадцать лет назад, она не довезла... Кусая губы, Онни впилась глазами в заваленную камнями дорогу, пытаясь отыскать хоть клочок его одежды. Ни ум, ни сердце не желали принимать свершившееся...

Откуда-то сверху вдруг послышался голос.

Онни вскинула враз вспыхнувшее лицо, разворачивая чарса на звук, и... увидела чужака на краю каменного гнезда. Он стоял в окружении гвэлтов, и эти серые твари, похоже, покорно внимали каждому его слову, словно он был их повелителем. Онни слышала эти слова, они сыпались со склона словно щебень:

– ...Ваши враги следуют за мной... Они уже близко... они хотят уничтожить вас... истратьте на них все, что у вас есть, и вы спасетесь...

– Да, повелитель...

– Действуйте...

Бесплотной тенью засферник соскользнул с кручи и в мгновение ока оказался возле правого стремени Злыдня. На его спокойном лице отражалась лишь легкая усталость, словно и не взбирался он только что вверх по почти отвесному склону. Он даже не вспотел, голос его против ожидания не дрожал от напряжения, когда он заговорил с ней, а взгляд серо-зеленых глаз был предельно серьезен:

– Что-то пошло не так, светочтимая, верно? Охранный амулет не сработал. Причина меня мало интересует, поскольку эта проблема уже позади, но теперь у нас остался один зверь на двоих. Надеюсь, ты не против такого способа путешествия?

– Нет... Никсард. – Голос Онни против воли дрогнул.

Засферник чуть улыбнулся:

– Приятно видеть, что в наших отношениях намечается прогресс.

Смысл последнего слова остался неясен, но на всякий случай Онни огрызнулась, быстро возвращая привычную самоуверенность:

– Не обольщайся, хальд.

Он тут же стер улыбку, словно ее и не было.

– Хальд... Да, я для вас действительно чужак, и ты даже не представляешь, насколько, – внешность обманчива... Ну да ладно, нам пора в путь. Как предпочитаешь сидеть, сзади или спереди?

Онни понимала, что на хвосте у них висит погоня и следует поторапливаться. Но предложение чужака ее сильно озадачило. Спереди? Но так садятся только жены или любовницы мужчин. Это что, похабный намек? Онни напряглась, губы презрительно сжались, но резкое слово так и осталось произнесенным. Она вовремя вспомнила, кто перед ней. Откуда засфернику знать их обычаи...

И потом, он спас ей жизнь. Только что. Не амулет Наместника, а какой-то чужак спас жизнь ей, элитной воительнице Сияющего. Впору со стыда сгореть, но, в отличие от некоторых, Онни умела признавать чужие заслуги. Сотница сама удивлялась своему поведению. Обычно она за словом в карман не лезла, да и на чужие эмоции ей было наплевать. Сентиментальная чепуха была не в ее характере. Но после того, что он сделал с гвэлтами... Собственно, не совсем понятно, что он с ними сделал, но больше каменных глыб гвэлты не сбрасывали.

– Сзади, – коротко бросила Онни, перемещаясь на задок широкого дал-роктовского седла, вполне способного вместить двоих. – Поторопись.

В то же самое мгновение он оказался в седле впереди нее. Только что стоял рядом, на земле, и вот уже его спина перед ней. Зверь его заворожил, да как же это у него получается?! Хальд же, перехватив поводья, послал чарса в галоп. Онни ничего не оставалось, как вцепиться сзади в складки его одежды. Не слишком удобно, но обхватывать чужака за талию – нет уж, перебьется. И пусть только попробует сострить по этому поводу...

А Шалуна жаль, так жаль, что сердце шемит, – семь лет вместе службу несли, почти что член семьи был... Семьи?.. Нет у нее никакой семьи. Только близость с Наместником, что-то вроде служебной привязанности, а любви... истинной любви – нет.

Слишком долго для тех, кого по пятам преследует погоня, выбирались они из месива камней и деревьев, огибая их, просачиваясь в редкие щели среди заполонивших обочину дороги древесных великанов, устоявших от каменного урагана, и, когда снова выбрались на ровную дорогу, позади, в Ножевом ущелье, загрохотало вновь. Звук обвала прозвучал для Онни сладкой музыкой, способной согреть самое суровое сердце воина, так как звук этот означал гибель врагов.

Приветствие для дал-роктов удалось на славу...

Опять-таки благодаря хальду. Инициатива этого путешествия безнадежно ускользала из ее рук, и, как ни странно, пока она не особенно была этим огорчена. Еще бы эту штуку послушать, что у него на виске прилеплена, и совсем было бы славно...

ТЬфу!

Ну что тут будешь делать...

16. Бой

Инитокс с ледяной злобой оглянулся на свой поредевший отряд. С посеченными в кровь серыми лицами, в помятых, запыленных после обвала доспехах остатки отряда дал-роктов, неотступно следовавшие за ним, по-прежнему выглядели грозно и настроены были решительно. Глаза воинов горели мрачным огнем, а боевые чарсы неумоимо пожирали расстояние.

Больше всего Инитокс сейчас сожалел о том, что не был столь искусным магом, как Драхуб. Да, он тоже был Посвященным и сделал все, чтобы защитить свой отряд, но все-таки потери оказались чудовищными. Сорок воинов въехали в Ножевое ущелье – сильные, опытные, закаленные в сражениях, закованные в мощную броню виритовых доспехов. Покинула ущелье только половина. И самым отвратительным было то, что погибли они не в настоящем сражении, а от камней безмозглых горных тварей. Проклятые хаски сбежали с амулетами, и гвэлтам удалось выместить свою вечную скуку на его воинах.

После этого гвэлты умерли. Инитокс не сдержался. Зная, что Силу надо беречь для схватки с демоном – а после воскрешения ловчего мага ее осталось не так уж и много, и восстанавливалась она не столь быстро, как хотелось бы, – он все-таки применил одно из самых мощных и смертоносных своих заклинаний, залил склоны ущелья Серым Туманом, растворяющим не только живую плоть, но даже сам камень... Вот только потоки каменных ядер, взявших Вестников в клещи, уже остановить не смог. Не смог, будь оно все проклято! А впереди еще предстояла схватка с могучим демоном, и это после того, как Силы у него почти не осталось... Терх запретил себе испытывать сомнения. Задание должно быть выполнено, иначе он не стоит гордого имени своей расы.

Он все-таки настигнет демона, несмотря на роковую задержку. Всем своим нутром Посвященного терх чуял страшную ауру чужака, летящего впереди. Даже скользящее прикосновение мыслечувств к его ауре свирепо жгло. Следовало успеть схватиться с врагом прежде, чем он достигнет границ нубесов. Потому что если он успеет перейти границу...

Справа от дороги показалась вторая караулка хасков. Не поворачивая головы, боковым зрением терх заметил двух стражников, удиравших в лес на неоседланных дракхах, малорослых и невзрачных по сравнению с чарсами. Рука инстинктивно легла на рукоятку Джарока, клинка Силы, но главной целью был демон, и отвлекаться на эти ничтожества он не собирался. Выплескивая свой гнев, Инитокс пришпорил и так несущегося во весь опор чарса, зная, что воины его отряда тут же повторят его движение. Земля дрожала под ударами копыт двадцати громадных черных зверей, роняющих с губ ощеренных ртов клочья грязно-белой пены, полотно дороги сминалось и рвалось в клочья, стена леса по краям размывалась буро-зеленой пеленой.

Резкий поворот дороги вынес отряд на прямую дорогу, ведущую к заставе нубесов, и Инитокс до боли стиснул клыки, наконец своими глазами увидев впереди двух седоков в одном седле, несущихся на чарсе, предавшем свой Род. В воздух взвился яростный вопль его воинов, также увидевших дичь. Какой бы силой и выносливостью чарс ни обладал, двое хасков все-таки больше, чем один дал-рокт, и лишний вес замедлял движение. Всего три сотни шагов, и они окажутся в его руках... А затем месть свершится.

Но и преследуемые приближались к границе Нубесара, обозначенной светящейся линией, проходящей прямо по земле. И там, за этой границей, уже выстроился в грозном ожидании боевой порядок кланта нубесов – вражеских воинов было семеро, как того требовало их священное число. Огромные сегментированные тела гигантов, отсвечивающие полированным хитином, по прочности превосходящим лучшую виритовую сталь, застыли неподвижной цепью в пяти шагах друг от друга – мечеруки занесены в ритуальное положение удара. Любой из нубесов был в полтора раза выше самого рослого дал-рокта и массивен, как чарс. Инитокс

понял, что смертельного столкновения не избежать, и хладнокровно принялся формировать остаток магической Силы в мощное заклинание Щита. Двадцати воинам, даже самым опытным, нубесов не одолеть, но отвлечь они их смогут. Решение было самоубийственным, но другого он не видел. Владыка не гневается на победителей. Впрочем, он не гневается и на побежденных. Он просто перестает их замечать. А это для любого дал-рокта – хуже смерти.

Демону не уйти. И даже нубесам его, терха Инитокса, не остановить!

Двадцать Вестников, выхватив из ножен прямые мечи, грозной стальной лавиной неслись прямо на редкую цепь нубесов, и яростный рев, исторгаемый из их глоток, несся впереди них, казалось, сминая сам воздух.

Когда расстояние до врагов сократилось до трех десятков шагов, Инитокс сложил пальцы щепотью и мощным волевым усилием швырнул Щит на цепь нубесов. Удар магии оказался точен, цепь нубесов разорвало пополам, двое исполинских воинов в центре опрокинулись... чтобы в следующее мгновение вскочить и ринуться в атаку. Два десятка Вестников накинулись на них, как стая безумных лысунов, враз окружив со всех сторон... Воздух мгновенно наполнился страшным, раздирающим уши визгом и многоголосым шелестом мечерук, опускающихся, впивающихся в живую плоть... Плоть дал-роктов и чарсов. Стальные клинки бесшумно звенели по броне хитиновых панцирей, высекая в них лишь неглубокие зарубки, опытные, бесстрашные в своей ярости, закаленные в сражениях воины один за другим падали, словно колосья лебса под серпами хасков в пору жатвы, гибли, как необученные юнцы, и предсмертные крики слились в один долгий заунывный вой, а кровь щедро заливала бесплодную землю Границы.

Но Инитокс уже прорвался. Магия проложила ему путь, и он летел прямо к демону метко выпущенной стрелой, к могучему, но глупому демону, спешившемуся в ста шагах позади нубесов, чуть в стороне от каменитовой дороги, вероятно решившему понаблюдать за схваткой и уверенному в своей недосыгаемости для мести Вестников Тьмы.

Он был все ближе...

Копыта чарса рвали дерн, мощная грудь родового зверя, защищенная толстым стальным щитом, уже готова была подмять демона под себя... Посвященный собрал в кулак последние остатки магии, создавая вокруг себя ореол защиты.

Ближе...

Он отчетливо видел бесстрастное лицо демона, спокойно и неподвижно стоявшего на пути неотвратимо надвигающегося урагана мускулов, стали и мести...

В странной, отдающей жуткой пустотой ауре демона не было ни малейшего страха, и тогда страх ощутил терх. Демон даже не пытался взять для своей защиты Меч Силы, отнятый им у Драхуба, – Инитокс безошибочно узнал Оретун по источаемой им мощной эманации могущества. Меч так и остался висеть у седла чарса-предателя, сбоку от хааскинки, которая, видно, предпочла встретить свою смерть верхом, в отличие от самоуверенного демона.

Когда терх оказался на расстоянии десяти шагов, женщина выхватила три ножа и с необычайной меткостью и скоростью метнула их в Инитокса один за другим так, что они почти слились в полете в одну стальную стрелу. Первый нацелился в горло, второй и третий юркнули в прорези для глаз, но магия защиты отбросила их прочь без всякого вреда для терха.

Ближе...

Аура демона вдруг взорвалась, выбросив в сторону терха десятки зубастых мышлещупалец, и свирепая оглушающая боль охватила тело дал-рокта с головы до ног, казалось разрывая его в мелкие кровоточащие клочья.

Его это не остановило.

Слишком поздно – он не мог уже остановиться. Собственный Меч Силы, верный Джарок, взлетел в позицию – стремительное, неуловимое движение, проверенное на шеях десятков хасков, раксов и хабидонов.

Демон был прямо перед ним.

Неподвижная фигура, прищуренный взгляд, змеящиеся из темных как ночь глаз копы мышлещупалец. Инитокс пронзительно взвыл, не в силах больше терпеть беспощадную, рвущую тело на части боль. И с размаху опустил Джарок вниз, на голову ненавистного врага, в последний миг с кристальной ясностью ума осознавая, что напрасно положил весь свой отряд, самых верных, лучших воинов Рода.

В следующий миг глухой удар беспамьятства вырвал его из седла.

17. Граница

Он опять это сделал.

Онни Белът широко раскрытыми глазами смотрела на засферника, замершего в двух шагах от неподвижных тел дал-рокта и его чарса. Теперь она готова была поверить чему угодно. Прямо на ее глазах невысокий невзрачный чужак в мгновение ока поверг наземь огромного могучего всадника. Она даже не успела понять, как он это сделал.

Только что Вестник несся на них во весь опор, рассекая воздух светящимся клинком из макама, и Онни уже готова была дорого продать свою жизнь, не то что не надеясь одолеть Посвященного, но даже не сомневаясь, что одолеть его не удастся, как не удавалось это до сих пор ни одному хаску, кроме магов, превосходящих их силой. А теперь тот валялся у их ног. Чужак даже не воспользовался мечом, как две капли воды похожим на меч терха, мечом, на который он так и не обратил внимания за всю дорогу, словно магический клинок, отнятый у самого ловчего мага дал-роктов, был для него не более чем безделушкой. Онни не могла этого постигнуть. Но она была потрясена. До глубины души.

Слегка тронув поводья чарса, она подъехала ближе.

Не обращая внимания на поверженных противников, засферник как ни в чем не бывало смотрел в сторону нубесов, уже закончивших схватку и деловито стаскивавших туши чарсов и тела их седоков в одну общую кучу. Выполнялась эта жуткая работа без особых усилий, что красноречиво свидетельствовало о невероятной физической силе хитиновых воинов.

– Честно говоря, не думал, что семеро нубесов, как бы внушительно они ни выглядели, так легко справятся с двумя десятками Вестников, – недоверчиво покачал головой Никсард. – Вестники ведь тоже не дети... Незабываемое зрелище.

Онни усмехнулась. Признание спутника показалось ей забавным. Лично она все еще находилась в шоке от того, что сделал он сам.

– Поверь, нубесы – еще не самые сильные воины в Теневом Мире.

– Что они собираются с ними делать?

– Огонь – лучший способ избавиться от тел Вестников. Кроме того, это любимый ритуал мечеруких.

Чарс нервно затанцевал под ней, повернул морду. В темном выпуклом глазе плескался гнев. Зверю снова не дали подраться. Дружинница, укротившая на своем веку немало серых дракхов, соскочила на землю, от греха подальше. Пусть с ним засферник управляется... Тем более что у нее возникло неотложное дело. Быстренько отыскав в траве свои метательные ножи, она подошла к телу терха и окинула его внимательным взглядом. Тот лежал на спине, незряче уставившись в хмурое небо. Шлем, изображавший хищную голову какой-то неведомой твари, слетел при падении и валялся неподалёку, обнажая голый бугристый череп. Серое лицо было искажено посмертной мукой, клыки оскалены, руки широко раскинуты, пальцы правой даже после смерти крепко сжимали Меч Силы. Эк его приложило-то, прямо сочувствие появляется. Подробности ментального поединка чужака с терхом от Онни ускользнули, но и того, что она смогла *почувствовать* как эрсеркер, ей никогда не забыть. Засферник вдруг превратился во что-то непередаваемо жуткое, нечеловеческое... И «неистребимая» снова испытала суеверный страх, как в Ножевом ущелье. Угораздило же Верховного мага навязать ей такого подопечного... Она уже и забыла, чтобы кто-нибудь ее так пугал. Ее, за свою жизнь бесстрашно отправившую во Мрак немало существ – и хасков, и иных, илсутов...

Она с силой встряхнула головой. Нет, не надо об этом думать. Ни к чему... Она снова уставилась на терха. Сейчас, когда мощь его ауры погасла, отличить терха от простых воинов было невозможно, так как доспехи дал-рокты носили только лучшие – что простые воины, что их командиры, – и выглядели одинаково. Но только Посвященные дал-роктов имели мечи,

выточенные из макама – Пальца Зверя, жилы из особой горной породы, представлявшей собой источник магической силы и являвшейся величайшей ценностью в этом мире. В Сияющем три такие магические жилы выходили из земной толщи прямо под Башней Сбора. От одной питался Бошар – главное светило Сияющего, от другой – порталы городов Связки. Третья жила была запасной, на случай какой-нибудь катастрофы, когда Силы магов Хааскана не хватило бы, чтобы с ней справиться. А дал-рокты вытачивали из Пальцев Зверя клинки для именитых представителей Рода, и кроме них, секрет этого мастерства больше никому не был известен... Что ж, оставалось только признать, что этому Посвященному его магический клинок не помог, как и Драхубу.

– И что теперь? – спросил Никсард, бесшумно подойдя сзади. – Война между Вестниками и нубесами?

– Война? – Онни удивленно вскинула брови. Насколько же он мало знает о мечеруких. Вернее сказать, ничего не знает. – Да нет. Всего лишь пограничный конфликт, который так и останется пограничным конфликтом... нубесы никогда не покидают своего макара, а дал-рокты не смеют вторгнуться на их территорию.

– Не люблю, когда у кого-то из-за меня неприятности...

– Неприятности? – по лицу Онни невольно скользнула ироничная улыбка.

– Что тут смешного?

– Ты только что доставил нубесам величайшее для них удовольствие – пустить кровь своим исконным врагам. Это случается так редко, что ценится весьма высоко.

– Занятно. Выходит, это не я их благодарить должен за своевременную помощь, а они меня за оказанное удовольствие...

– А благодарить их не следует. И подходить к ним тоже. Нубесы долго отходят от боевого безумия после схватки, сейчас любой чужак для них – враг. Именно из-за этого с ними нельзя вместе сражаться, даже если они союзники. Мы так и воюем, по отдельности. Нубесы – сами по себе, и мы – сами по себе. Нам вообще повезло, что они наши союзники, а не враги. Иначе они давно стерли бы нас в пыль...

Сотница наступила на серую когтистую руку Вестника, сжимавшую меч, и, стараясь не коснуться бритвенно-острого лезвия, ухватила за крестовину, а затем с силой рванула меч на себя. Так, еще разок... Пальцы трупа еще не успели заоченеть, и меч, немного посопротивлявшись, оказался в ее руках. Вот и ладненько. Перехватив рукоятку поудобнее, она нацелилась острием в грудь терха, не сомневаясь, что меч из макама пробьет ее насквозь вместе с любыми доспехами, и вскинула руки. Но засферник неожиданно перехватил удар, сжав пальцами ее запястья, и хватка у него оказалась прямо-таки железной.

– Это еще зачем?

Онни мгновенно взярылась. Да как он посмел к ней прикоснуться... Но тут она вспомнила, кто перед ней, и скомкала свои чувства. Ответ прозвучал сдержанно и даже учтиво:

– Посвященные не умирают так легко, как их воины. Но если вонзить ему в сердце собственный меч, то это предотвратит воскрешение.

– Воскрешение? Погоди... ты хочешь сказать, что маги дал-роктов снова оживают после гибели?

Онни медленно кивнула. Ну да, откуда ему знать.

– Выходит, тот ловчий маг, Драхуб, тоже?.. Вот это да. Но, видишь ли, светочтимая, этого я не убивал. Убийство далеко не всегда является способом решения проблемы, даже как крайнее средство. К тому же всегда отыщется хоть малейший шанс решить дело мирно.

Онни тупо перевела взгляд с засферника на дал-рокта, пытаясь осмыслить услышанное.

– Не убивал? – руки сами собой снова попытались нанести удар, и снова этот Никсард, чтоб его причастило, не дал ей этого сделать.

– Думаю, что это все-таки излишне, – терпеливо, как несмышленому ребенку, сказал он.

– Да кто ты такой, чтобы решать: жить дал-рокту или нет?! – гневно выкрикнула сотница.
– Сдается мне, я уже называл себя. – Засферник нехорошо усмехнулся и отпустил ее руки. Кажется, она его все-таки разозлила. – Или у тебя короткая память, светочтимая? По вашим же законам этот дал-рокт мой пленник, разве нет? И я волен делать с ним все, что мне заблагорассудится, верно? Может быть, если я его пощажу, то дал-рокты получают необходимый урок и откажутся от преследования.

– Как же, жди. – Онни язвительно улынулась.

Она уже успокоилась. В конце концов этот Посвященный действительно не ее трофей, так что хальду и решать, что с ним делать. Впрочем, скоро нубесы спохватятся, что один из их врагов еще жив, и тогда даже чужак ничего не сможет поделывать. Она нагнулась, деловито отстегнула ножны с пояса терха и спрятала в них меч Силы, по виду относившийся к разряду «жальников» – прямой, двусторонней заточки, сужающийся к концу, с двойным ребром жесткости посередине и длинными канавками между ними, предназначенными для стока крови, – долами. Разве что на пару ладоней длиннее ее собственного «жальника», да головка рукояти более широкая – под лапу дал-рокта, чтоб не соскальзывала. Нормальный двуручник.

И тут странный шорох заставил ее отпрянуть от трупа.

Присмотревшись, Онни изумленно охнула. Это что еще такое?! Тело дал-рокта стремительно таяло. Доспехи просели до самой земли, когтистые кисти в рукавах кожуха исчезли. А когда ударившая оттуда жуткая вонь коснулась ее обоняния, женщина поспешно отошла подальше.

Минуту спустя из ворота пустого панциря выползло какое-то мелкое существо, черное и влажное от слизи. Сотницу передернуло от омерзения – ну и гадость! Существо между тем очерило крошечную, но зубастую пасть, злобно глянуло бусинками глаз на изумленно молчавших людей и, встряхнув вдруг обнаружившимися крыльями, взмыло в воздух. Прочертив над ними широкий круг, существо хрипло вскрикнуло, словно пытаясь что-то сказать, и отправилось на запад. Несколько мгновений – и оно исчезло.

– Это еще что за фокус? – Никсард озадаченно хмыкнул. – Такое с Весталками часто случается?

– Никогда ничего подобного не видела, – призналась сотница, озадаченная не меньше.

Они переглянулись, и Никсард философски пожал плечами.

– По крайней мере, вопрос с терхом решился сам собой. Его меч можешь забрать себе, у меня уже такой есть.

Сотница даже затрясла головой, ошеломленная столь щедрым предложением, и честно попыталась объяснить чужаку его выгоду, надеясь в душе, что он все-таки не передумает, и оттого выговаривая слова торопливее, чем обычно:

– Думаю, ты просто не понимаешь. Меч из макама – это целое состояние! Он же потянет не меньше чем на несколько «лучников»...

– Лучников?

– Ах да. Ты же совсем ничего не знаешь о нашей денежной системе. «Лучник» – это...

Он просто отмахнулся, оборвав объяснение на полуслове:

– Я понял. Продолжать не стоит. Для меня ценность этого меча не имеет значения. Он твой.

Онни глубоко вздохнула от привалившего счастья. Теперь она богата. Теперь у нее будет собственный домик, а не унылая комната в трактире. Теперь у нее будут лучшие доспехи. И лучшее оружие. И... Она опомнилась, досадливо поморщившись. Тьфу на твою голову, подруга, размечталась – дальше некуда. Сперва нужно вернуться живой из этого похода, а судя по разворачивающимся событиям, скучать ей с засферником явно не придется. Снова глубоко вздохнув, она повернула к нему лицо и более-менее ровно, как и полагалось хорошо владе-

ющею собой эрсеркеру, с чувством собственного достоинства (никакими подарками нас не купишь... Зверь ее заморози, настоящий меч из макама! *Ее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.